

А. П. Шикман

ОБЕЛИСК В АЛЕКСАНДРОВСКОМ САДУ

Жизнь великих социалистов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ж. МЕЛЬЕ
ЗАВЕЩАНИЕ

Перевод с французского
Ф. Д. КАПЕЛЮША и Г. П. ПОДЯКОВА
под редакцией
Ф. А. КОГАН-БЕРНШТЕИИ
Перевод приложений и комментариев
Ф. Б. ШУВАЕВОИ
Вступительная статья
В. П. ВОЛГИИИ

Том I

MCMLIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва

Der Ursprung der Familie,
des
Privateigentums
und des Staats.

Im Anschluss

an

Lewis H. Morgan's Forschungen

von

Friedrich Engels.

Höttingen-Zürich.

Druck der Schweizerischen Genossenschafts-
buchdruckerei.
1884.

F. THOMÆ CAMPANELLE
Appendix Politica

CIVITAS
SOLIS

I D E A
REIPUBLICÆ PHILO-
SOPHICÆ.

FRANCOFVRTI

Typis Egenolphi Emmelii, Impensis vero Godofredi
Tambacchi, Anno Salutis

M. DC. XXIII.

ЧТО ДѢЛАТЬ?

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О НОВЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

(Посвящается моему другу О. С. Ч.).

I.

ДУРАКЪ.

По утру 11 июля 1856 года, прислуга одной изъ большихъ петербургскихъ гостиницъ у станицы московской желѣзной дороги была въ недоумѣнн, отчасти даже въ тревогѣ. Наканунѣ въ 9-мъ часу вечера, прѣхалъ господинъ съ чемоданомъ, занялъ номеръ, отдалъ для прописки свой паспортъ спросилъ себѣ чай и котлетку, сказалъ, чтобы его не тревожили вечеромъ, потому что онъ усталъ и хочетъ спать, но чтобы завтра непремѣнно разбудили въ 8 часовъ, потому что у него есть спѣшныя дѣла; заперъ дверь номера, и, пошумѣвъ ножемъ и вилкою, пошумѣвъ чайнымъ приборомъ, скоро притихъ. — видно, заснулъ. Пришлѣ утро; въ 8 часовъ слуга постучался къ вчерашнему прѣѣзшему — прѣѣзжій не подаетъ голоса; слуга постучался сильнѣе, очень сильно — прѣѣзжій все не откликается. Видно, крѣпко усталъ. Слуга подождалъ четверть часа, опять сталъ будить, опять и двбудился. Сталъ совѣтоваться съ другими слугами, съ буфетчиномъ. — «Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?» — «Надѣ

I D E E
D'UNE
REPUBLICQUE HEUREUSE:
OU
L'UTOPIE
DE
THOMAS MORUS,

Chancelier d'Angleterre.

Contenant le Plan d'une République dont les
Loix, les Usages & les Coutumes tendent
uniquement à rendre heureuses les Socie-
tez qui les suivront.

Traduite en François
PAR MR. GUEDEVILLE,
Et enrichie de Figures en Taille-douce.

A AMSTERDAM,
Chez FRANÇOIS L'HONORE',
M D C C X X X.

Книгоиздательство «МОЛОДАЯ РОССИЯ».

II. Января.

Знаніе и
революція.

Съ портретомъ автора.

Цѣна 100 коп.

МОСКВА,
Типографія А. П. Поплавскаго, Лялинъ пер., соб. домъ.
1906

М. А. БАКУНИНЪ.
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Подъ редакціей А. И. БАКУНИНА.

Цѣна 70 коп.

Издание И. БАЛАШОВА.

OPINIONS
LITTÉRAIRES, PHILOSOPHIQUES
ET
INDUSTRIELLES.

L'âge d'or, qu'une aveugle tradition a placé
jusqu'ici dans le passé, est devant nous.
Introduction, page 11.

PARIS,
GALERIE DE BOSSANGE PÈRE, LIBRAIRE
DE S. A. R. M^{te} LE DUC D'ORLÉANS,
AVE DE RICHELIEU, N° 60.
1825.

А. П. Шикман

ОБЕЛИСК В АЛЕКСАНДРОВСКОМ САДУ

Жизнь великих социалистов

Книга для учащихся
старших классов

Москва «Просвещение» 1990

ББК 63
Ш57

Рецензенты:

Кандидат исторических наук *И. В. Галкин*, учитель школы № 688 Москвы
А. С. Бровкин

Шикман А. П.
Ш57 Обелиск в Александровском саду: Жизнь великих социалистов: Кн. для учащихся ст. классов.— М.: Просвещение, 1990.—224 с.: ил.— ISBN 5-09-001903-7

В очерках, из которых составлена книга, рассказано о выдающихся мыслителях и революционерах, чьи имена высечены на обелиске в Александровском саду у стены Московского Кремля по ленинскому плану монументальной пропаганды.

Книга предназначена для учащихся старших классов средней школы.

В книге использованы фотоархивные материалы.

Ш 4306020000—353 235—90
103(03)—90

ББК 63

ISBN 5-09-001903-7

© Шикман А. П., 1990

НАГЛЯДНЫЙ УРОК ИСТОРИИ

1913 год. В. И. Ленин оценивал ситуацию в России так: «Положение в стране все больше и больше обостряется. Господство реакционных помещиков вызывает все больший ропот даже среди самых умеренных слоев населения. На пути к сколько-нибудь действительной политической свободе в России по-прежнему стоит царская монархия, враждебная всякой серьезной реформе, оберегающая только власть и доходы крепостников и особенно жестоко подавляющая всякое проявление рабочего движения». В стране назревала новая революция.

Монархия же праздновала юбилей — 300-летие дома Романовых. Произносились многословные речи. Подписывались верноподданные адреса. Газеты сообщали о воздвигаемых в честь торжественного события монументах.

10 июня 1914 года вход в Александровский сад Московского Кремля был украшен флагами, что не помешало даже официозным «Московским ведомостям» отметить: «Пришедшие в ветхость художественные ворота Александровского сада и прилегающая к ним чугунная решетка вносят некоторый диссонанс в художественный фон общей картины». Общая же картина была бы великолепной, если бы не еще одна досадная мелочь. Проект архитектора С. А. Власьева не был одобрен Академией художеств, а необходимые поправки потребовали времени. Вот и пришлось Московской городской Думе, ассигновавшей на сооружение романовского обелиска без малого пятьдесят тысяч рублей, устраивать торжественное открытие монумента спустя полгода после юбилея.

На возвышении, оплетенном гирляндами зелени, сверкал драгоценный оклад московской святыни — чудотворной иконы Иверской божьей матери. Во всю длину аллеи сада стояли шпалерами юнкера и части войск Московского гарнизона, готовые к параду. Мощь военного оркестра дополнялась стройным пением хора храма Христа Спасителя. Драгоценные ризы духовенства и золотое шитье мундиров подчеркивали торжественность момента. Преосвященный Дмитрий, епископ Можайский, кропил монумент святой водой.

Обелиск, увенчанный литым позолоченным двуглавым орлом и украшенный гербами города Москвы, царств и княжеств Российской империи, высился на кубическом постаменте из серого финского гранита. Рельефные буквы обелиска запечатлели имена всех царей и цариц династии Романовых. Не позабыли оставить свободное место и для имен будущих монархов.

«Некоторый диссонанс» торжества с предреволюционной эпохой «Московские ведомости» не замечали. До мировой войны оставалось всего два месяца. Но никто из присутствующих на церемонии открытия романовского обелиска не мог предположить, что этот памятник, должествующий, по мысли его создателей, стать символом могущества самодержавия, окажется для него надгробной стелой...

Вечером 4 апреля 1918 года В. И. Ленин беседовал с наркомом просвещения А. В. Луначарским: «Вы помните, что Кампанелла в своем «Солнечном государстве» говорит о том, что на стенах его фантастического социалистического города нарисованы фрески, которые служат для молодежи наглядным уроком по естествознанию, истории, возбуждают гражданское чувство — словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений. Мне кажется, что это далеко не наивно и с известным изменением могло бы быть нами усвоено и осуществлено теперь же.

Я назвал бы то, о чем я думаю, монументальной пропагандой».

«Локомотив истории» неся вперед с невиданной скоростью. Уже через десять дней в «Известиях» напечатан подписанный Лениным декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проекта памятников Российской социалистической Революции». Была решена и судьба монумента в Александровском саду. Латышскими стрелками был снят двуглавый орел...

Архитектор Н. А. Всевожский составил проект изменения обелиска, который должен был стать одним из первых революционных памятников Советской России. По предложению Ленина, вместо срубленных имен царей на обелиске решено высечь имена великих социалистов. Составить список имен для памятника Революционным Мыслителям было поручено видному ученому-большевику В. М. Фриче.

Окруженная фронтами интервенции и гражданской войны Советская Россия доказывала миру свое право на существование. Сбитый шрифт «Правды» 31 августа 1918 года. Вот они, насущные заботы дня: «Борьба с контрреволюцией», «Борьба с голодом», «Мятеж чехословацкого корпуса». Убит первый председатель Петроградской ЧК Урицкий. Тяжело ранен Ленин. Революция гибнет? Революция торжествует! «Снятие и постанова памятников. В Александровском саду заканчиваются работы по удалению надписей на обелиске Романовых. На этом обелиске будут выгравированы имена всех видных революционеров».

Первая годовщина революции. Под смех народа жгут на Лобном месте Красной площади чучело кулака-мироеда. Алые стяги и разлетающиеся огни праздничного фейерверка, митинги и демонстрации. Москвичи подходят к первым скромным

памятникам из гипса и бетона. Среди них выделяется вновь родившийся гранитный монумент с символами труда — серпом и молотом, буквами «Р.С.Ф.С.Р.» на пьедестале. На светлом обелиске начертаны девятнадцать имен тех, кто жили для того, чтобы этот праздник превратился из мечты в реальность.

Маркс, Энгельс, Либкнехт, Лассаль, Бебель, Кампанелла, Мелье, Уинстенли (на обелиске — Уинстлей), Т. Мор, Сен-Симон, Вайян (Вальян), Фурье, Жорес, Прудон, Бакунин, Чернышевский, Лавров, Михайловский, Плеханов. Этих людей, столь не похожих друг на друга, объединяет то, что все они были социалистами. А это значит, что смысл их жизни заключался в том, чтобы человечество могло жить по законам свободы и справедливости.

Обелиск у Кремлевской стены, родившийся на грани двух социальных эпох, не только свидетель победившей революции. Он — материальное воплощение ленинской мысли наследования Октябрьской революцией всех революционных идей мировой истории.

О людях, творцах великих идей, — эта книга.

ЧЕЛОВЕК ДЛЯ ВСЕХ ВРЕМЕН

Кто жил в доброй старой Англии в 1516 году, привык и к географическим открытиям, и к необычайным историям. Уже завершились экспедиции Христофора Колумба, а Америго Веспуччи предположил, что открытая Колумбом земля вовсе не Индия. Португалец Васко да Гама уже провел свои корабли в сказочную страну, и индийцы надолго запомнили это событие, отмеченное громом европейских пушек. Его соотечественник Педру Алвариш Кабрал открыл Бразилию. Испанец Васко Нуньес де Бальбоа вышел к Тихому океану.

Когда невероятные события становятся привычными, ими уже трудно удивить. Однако джентльмену Томасу Морю это удалось. Он не только открыл остров, которого не существовало, но и рассказал о нем так, что уже без малого пять столетий это открытие продолжает волновать умы.

Томас Мор родился 6 февраля 1478 года. Для отпрыска «хотя и не знатного, но честного рода» лондонских юристов он сделал блистательную карьеру. Начало было положено в грамматической школе, где юный Томас овладел латынью — международным языком ученых и государственных мужей. Затем — служба пажом в доме широко образованного архиепископа Джона Мортона, уговорившего отца Томаса определить сына в Оксфордский университет. В 24 года Мор «полный» адвокат, в 26 — член палаты общин парламента и помощник шерифа Лондона, в 37 — дипломат, в 40 — член королевского совета и докладчик прошений на имя короля, в 43 — посвящен в рыцари и назначен помощником казначея, в 45 — пред-

седатель палаты общин. В 51 год Мор — канцлер Англии, то есть второе лицо в государстве после короля. Однако восхищение современников и потомков он заслужил не своей государственной деятельностью.

Время, в которое жил Томас Мор, позднее назовут эпохой Возрождения. Природа в безмерной щедрости одаряла мир созвездием имен. Все они — современники: Эразм Роттердамский и Леонардо да Винчи, Никколо Макиавелли и Альбрехт Дюрер, Микеланджело и Рафаэль, Франсуа Рабле и Николай Коперник. «Науки процветают, умы пробуждаются — любо жить в такую эпоху», — писал Ульрих фон Гуттен, нищий рыцарь и поэт. Эразм и Мор — друзья. Вокруг них тесный кружок единомышленников-гуманистов. Они верят в возможность нравственного очищения церкви и могущество человеческого разума, силу науки и ценность человеческой жизни. А главное — в то, что общественные отношения могут и должны стать справедливыми. Одно из неперемennых условий этого — просвещенная власть, философ на троне.

До сих пор о таком можно было лишь мечтать. Только при жизни Мора власть узурпировал сначала герцог Ричард Глостерский, задушивший в каземате Тауэра малолетнего наследника престола и провозгласивший себя королем (в «Истории Ричарда III» Мор покажет разлагающую власть тирании). Позже эту книгу прочтет Шекспир, и зрители всего мира узнают о черных деяниях деспота), затем — Генрих VII Тюдор. Этот потребовал от парламента громадную сумму на посвящение в рыцари своего давно умершего сына. После гневной речи Томаса Мора палата общин отвергла притязание короля. Королевским советникам пришлось доложить его величеству, что «безбородый мальчишка расстроил весь его замысел». В ярости Генрих VII не придумал ничего лучшего, как швырнуть в Тауэр отца Мора, а за его освобождение потребовать громадный выкуп. Как же сочетать евангельские заветы и главенство над мирской жизнью корыстолюбивой власти королей?

Но, кажется, наконец-то надежды гуманистов осуществились. Новый король Генрих VIII решительно не походит на своих предшественников. Покровитель гуманистов, знаток литературы и искусства, музыкант и композитор, астроном и богослов, король не только разносторонне образован, он к тому же любезен и благожелателен. Он запросто приходит в скромный дом Мора и с наслаждением беседует с одним из умнейших людей Англии. Именно такой человек и нужен Генриху. В Германии еретик Лютер выступил против власти католической церкви. Реформация наверняка приведет к анархии и народному мятежу. Просвещенная власть Генриха и гениальное перо Мора должны послужить защите веры.

Мор согласен стать соавтором короля в выступлении против Лютера. Нет, он не идеализирует власть римского папы, но

Реформацию считает величайшим злом. Народ темен и угнетен, спасти его могут только разумная власть и просвещение. Мятежи ведут к бессмысленному кровопролитию. Мор прекрасно помнит участников лондонского восстания ремесленников 1517 года. Это был последний год, когда он исполнял обязанности помощника шерифа. Улицы славного города Лондона были обезображены виселицами. Их вели — 400 мужчин и 11 женщин — в длинных рубахах и с петлями на шее. Среди обреченных были даже тринадцатилетние дети. Он умолял короля даровать несчастным жизнь, и Генрих VIII проявил милосердие. Но милость монарха — каприз. Томас Мор мечтал о справедливости и знал, каким должно быть общество, где не будет несчастных, восстаний, виселиц.

В 1516 году читатели впервые открыли маленький, неряшливо изданный томик — «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии». Эразм убеждал своих друзей: «Прочтя «Утопию» Мора, ты подумаешь, что перенесен в другой мир; до того там все ново»; «Если ты еще не читал «Утопии», постарайся ее достать, если хочешь увидеть те источники, откуда истекает почти все зло в государстве».

Книгу заучивали наизусть. Нашлись отчаянные головы, решившие отправиться в небезопасное путешествие, но непременно добраться до замечательного острова, потому что все, что записал Томас Мор со слов моряка Гитлодея, — истинная правда. Всем известно, что Мор действительно отправился во Фландрию и там вместе с известным гуманистом Петром Эгидием встретил моряка Гитлодея. Выдумка столь искусно переплеталась с действительно происходившими событиями, что казалась реальностью. Гитлодей — фантазия автора. Но Мор сообщает, что этот моряк участвовал в экспедиции Америго Веспуччи. Как же не поверить?

Друзья-гуманисты хитро улыбались. Надо было знать греческий язык, чтобы понять мистификацию. Слово «утопия» переводится как «несуществующее место». Но разве гениальное открытие становится менее значительным оттого, что еще не воплощено в жизнь?

Никто лучше гуманистов не знал, что их век не был гуманным. Еще никогда человеческая кровь не превращалась в золото так быстро. При Генрихе VII ежегодно отправляли на виселицу до двух тысяч человек. При его просвещенном сыне повесят 72 тысячи бродяг и нищих. Вина этих людей заключалась только в том, что их ограбили. Шерсть дороже хлеба, и лорды предпочитали владеть пастбищами вместо крестьянских полей. Там, где раньше кормились десятки семей крестьян, нашлось дело только одному пастуху. Тысячи работников превратились в грабителей и попрошайек потому, что их лишили возможности зарабатывать свой хлеб.

Просто удивительно, что моряк Гитлодей узнал все пороки Англии всего за несколько месяцев пребывания в королевстве! Удивлялись не только современники. Карл Маркс в первом томе «Капитала» отметит: «В своей «Утопии» Томас Мор говорит об удивительной стране, где «овцы пожирают людей». Маркс в XIX веке объяснит, как происходило первоначальное накопление, и докажет, что отнюдь не бережливость позволит будущим капиталистам сосредоточить в своих руках огромные богатства. Мора в XVI веке интересуется другой вопрос: «В чем причина зла?» И Гитлодей ответил на него так, что мы в XX столетии примем его объяснение без всяких скидок на давность: «Где есть частная собственность, вряд ли когда-нибудь возможно правильное и успешное течение государственных дел»; «При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются не чем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах».

Да, было о чем задуматься читателю первой части «Утопии». Но думай, не думай, а ведь так везде. Ничего подобного! Гитлодей все видел своими глазами и свидетельствует, что в Утопии живут по разумным законам, совсем не похожим на европейские порядки. Судите сами.

В Утопии нет частной собственности и все ее жители трудятся. Утопийцам не надо кормить массу бездельников: богачей, монахов, знать, поэтому всего шесть часов работы обеспечивают их всем необходимым. Пусть потребности утопийцев скромны. Грубые шерстяные одежды у всех одинаковы и носят по два года, а во время работы они довольствуются шкурами животных. Зато нет необходимости увеличивать срок «телесного рабства» (физического труда) и любой житель имеет много времени для занятия науками, искусством, любимым делом. Неужели книги и увлекательные беседы не ценнее разноцветных одежд? Во всех 54 городах Утопии, которые не знают, что такое нищие кварталы и грязь, — широкие улицы, нарядные площади, просторные дома с садами. Эти дома перераспределяются по жребию каждые десять лет, чтобы никто не мог позавидовать соседу. А роскошные общественные дворцы доступны всем.

Города окружены деревнями. Каждые два года, по очереди, горожане становятся земледельцами и обеспечивают остров всем необходимым. Таким образом, никому не приходится жить только в городе или только в деревне.

Каждая городская семья занимается каким-нибудь ремеслом. Ремесло является наследственным, но если кто-то хочет изменить профессию, он просто переходит на работу в другую семью.

Наиболее тяжелую и грязную работу поручают рабам. Но

рабы — это преступники, осужденные на смерть в других странах и выкупленные утопийцами. Разве тяжелая работа страшнее казни? Рабами могут стать и утопийцы, если совершат тяжкое преступление. Но у них есть надежда снова обрести свободу, если они исправятся. В каком европейском государстве более гуманное законодательство? Впрочем, законов у утопийцев мало, потому что справедливая жизнь делает людей разумными.

В Утопии не нужны деньги. Каждый житель получает все, что ему необходимо, из общественных складов. Золото здесь позорный, презренный металл, из него делают ночные горшки и цепи для преступников. А в драгоценные камни играют только маленькие дети. Сравните с Европой, где «какой-нибудь медный лоб, у которого ума не больше, чем у пня, и который столько же бесстыден, как и глуп, имеет у себя в рабстве многих умных и хороших людей исключительно по той причине, что ему досталась большая куча золотых монет».

Общественные должности не приносят богатства. Вот почему правители утопийцев — выборные слуги народа. «Ни один чиновник не проявляет надменности и не внушает страха. Их называют отцами и они ведут себя достойно».

Читатели-гуманисты все понимали с полупамятки. 54 города в Утопии. Ровно столько, сколько в Англии и Уэльсе. Главный город Утопии — Амаурот (Непознаваемый, Темный) по описанию удивительно напоминает туманный Лондон. Гитлодей заканчивает свой рассказ об Утопии словами: «Я убежден, что нигде нет такого превосходного народа и более счастливого государства». Не указание ли это на то, что законы утопийцев примут в доброй старой Англии? Томас Мор ответил на это сам: «Я более желаю этого, нежели ожидаю».

Нет, Мор не знал, как добиться справедливого общественного строя, существующего только в его воображении. Не случайно же словом «утопия» станут называть неосуществимые идеи, а проповедующих их людей — утопистами.

Читатель XX столетия не захотел бы жить в «счастливой Утопии». Он уже заметил и отсутствие технического прогресса, и грубую уравниловку, и наличие рабства. Но давайте задумаемся в эти слова Ленина, и тогда все станет на свои места: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками». И до Томаса Мора были сторонники общности. Но эта общность касалась потребления, а не производства. И до Мора отрицали частную собственность как «грех». Но Мор отрицал ее по законам рациональным, а не божественным. Маленькая книжечка Мора станет началом целого направления в истории социализма, получившего название утопический социализм.

Так стоит ли удивляться, что в XVI веке образованные люди

отнеслись к книге Мора с полной серьезностью. Французский гуманист Гийом Бюде писал: «Наш век и будущие века будут иметь в этой истории драгоценный источник практически пригодного законодательства для всех, кто хотел бы воспользоваться им и применить его в своих государствах».

Личность Мора заинтересовала множество людей, и Эразм готов удовлетворить их любознательность: его друг среднего роста, белолиц, с выразительными голубовато-серыми глазами. Он улыбчив и приветлив, говорит негромким голосом, четко и неторопливо, неприхотлив в еде и одежде, очень любит животных. В его доме настоящий зверинец: обезьяна, лиса, хорек, ласка и попугай. А как свободно чувствуют себя в этом доме гости! Здесь музицируют и занимаются географией, математикой, медициной. Сын и три дочери Мора поражают учтивостью и образованностью. Старшую, Маргариту, за знание языков и литературы сам Эразм зовет украшением Британии. И главное — «кто ищет совершенный образец истинной дружбы, не найдет лучшего, чем Мор».

Генрих VIII желает иметь столь замечательного человека у себя на службе. Мор соглашается. Он еще верит в благие намерения «любезного и приветливого» короля, что не мешает ему отказаться от ежегодной пенсии. «Я ни под каким видом не желаю рисковать восстановить против себя моих сограждан. Если только между ними и королем возникнут какие-нибудь недоразумения относительно привилегий, они, вида, что я получаю от короля награды, станут считать меня менее искренним и преданным их интересам». Много ли знает история придворных, которым интересы граждан были важнее мнения королей?

Слишком близко находился Мор около Генриха VIII, чтобы не понять свою наивность. Он полагал, что сможет быть мудрым советником при любящем свой народ монархе. Оказалось, что образованность и деспотизм могут прекрасно уживаться в одном человеке, а показная любезность не свидетельствует о нравственности. Расходы двора стали чудовищны. Бессмысленная война с Францией разоряла страну. А «просвещенный» король был озабочен бракоразводным процессом со своей женой и неуступчивостью римского папы в этом вопросе.

Томас Мор — председатель палаты общин (спикер), противодействует королевскому произволу как только может. Он отказывается поддержать требование короля об утверждении новых налогов. А когда Генрих VIII решает отправить непослушного спикера послом в Испанию, чтобы избавиться от него, Мор не едет, ссылаясь на расстроенное здоровье.

Генрих VIII был в бешенстве. Он долго терпел строптивного подданного, не раз имевшего смелость противоречить ему, властелину Англии. Мало того, он сделал его канцлером. И вот благодарность — Мор отказывается поддержать короля именно тогда, когда его слово так дорого стоит.

Идеи реформации не могли не проникнуть в Англию. Новое дворянство и буржуазия мечтали о «дешевой» церкви. Весь ход исторического развития страны требовал разрыва с папством. Генрих VIII понял это. Как будущий глава английской церкви он рассчитывал приобрести выгоды не только политические, но и материальные. Все платежи духовенства, которые сейчас уходят в Рим, станут поступать ему. Он сможет конфисковать церковные богатства. А повод для разрыва с папой уже есть: нежелание первосвященника признать законность королевского развода. И в такой момент лорд-канцлер Томас Мор уходит в отставку. Он, видите ли, желает «повиноваться сперва богу, а потом уже королю». Убеждения для него дороже королевской воли. Дело не только в том, что Мор не мог принести присягу отречения от папства и признать короля главой церкви, считая это изменой собственным убеждениям. Он понимал: разграбление церковного имущества сторонниками реформации неизбежно приведет к «огораживаниям», разорению крестьянства, росту нищеты. Нет, он не станет потворствовать деспотизму. Напрасно герцог Норфолькский пытался его образумить:

— Опасно воевать с государями, и я хотел бы, чтобы вы уступили желанию короля. Ведь, ей-богу, гнев короля равносильен смерти.

— И это все милорд? Но тогда между мною и вами лишь та разница, что я умру сегодня, а вы — завтра.

Фаворит Томас Кромвель услужливо показывает Генриху VIII те страницы «Утопии», где Мор (в сказку о Гитлодее пусть верят простаки) осуждает тиранию. Теперь можно обвинить Мора в том, что он поддерживал Елизавету Бартон, монахиню, пророчившую королю гибель.

Даже не желающий ссориться с королем парламент не может согласиться со столь нелепым обвинением, но оправдание не радует Мора. Слишком умен бывший канцлер, чтобы не понимать: «Отложить дело — не значит его отменить».

Сэр Томас Мор частное лицо, но одно его слово весомей длинных речей лиц официальных. А потому король желает, чтобы Мор признал законность отречения от папской власти. Отныне в Англии один суверен — Генрих VIII.

Может быть, права жена и надо уступить королю? Обвинение в государственной измене дает возможность не только сгноить его в Тауэре, но и отправить на эшафот. Одно только слово — он будет свободен, богат, независим. Но можно ли быть независимым, отрекаясь от своих убеждений? На суде Мор говорит, как всегда, негромко и четко: «Я не совершил ничего дурного, я не говорил ничего дурного, я не замыслию никакого зла, но желаю всем добра. И если этого недостаточно, чтобы сохранить человеку жизнь, поистине тогда мне не долго жить...»

Приговор гласил: «Вернуть его в Тауэр, оттуда влачить по земле через все лондонское Сити в Тайберн, там повесить его

так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, отрезать половые органы, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить по одной четверти тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на лондонском мосту».

Ну же, сэр Мор, еще есть последняя возможность. Никто не посмеет упрекнуть вас в недостатке мужества. Раскайтесь, и король простит вас!

— Мне нечего добавить к тому, что я уже сказал.

В день казни, 6 июля 1535 года, Мор узнал, что король заменил мучительную казнь отсечением головы. Вот она — милость тирана. «Избави, боже, всех моих друзей от такого королевского милосердия!»

Ему запретили обратиться к народу перед смертью. Поздно. Он уже сказал миру все, во что верил. «История Ричарда III» — приговор тирании. «Эпиграммы» — утверждение гуманистических идеалов. «Утопия» — вера в золотой век, непременно ожидающий человечество. Он готов «идти к богу». Он спокоен и даже шутит с палачом: «Погоди немного, дай мне убрать бороду, ведь она никогда не совершала никакой измены».

Характеристика, данная одним из ученых-современников Томасу Мору, оказалась пророческой: «Мор — человек ангельского ума и редкостной учености. Равных ему я не знаю. Ибо где еще найдется человек такого благородства, скромности и любезности? И если то ко времени, предающийся удивительной веселости и потехе, в иное время. — грустной серьезности. Человек для всех времен».

Томмазо Кампанелла
1568—1639

АПОСТОЛ ГОРОДА СОЛНЦА

Древнегреческие мудрецы были убеждены в том, что рождению великих людей предшествуют события, которые и определяют их судьбу. Католическая церковь, подозрительно относившаяся к откровениям язычников и уверенная в том, что мир нуждается не в великих, а в благонадежных людях, сделала все для того, чтобы первые не смущали умы вторых, но сумела лишь подтвердить правоту античных мыслителей.

Более 300 лет во всех странах христианского мира «псы господни» — доминиканцы — искореняли ересь. Трудились инквизиционные трибуналы, горели люди и книги на кострах аутодафе. Богоугодные дела римско-католической церкви шли прекрасно, и казалось, торжество вселенской религии обеспечено. Но неисповедимы пути господни. Лютеранская ересь охватила германские государства. Откололась от Рима безбожная Англия. Сатанинский станок Гутенберга размножал умствования гуманистов, высмеивающих священные догматы церкви. И тогда христово воинство сомкнуло ряды. Испанец Игнатий Лойола — основатель ордена иезуитов решил бить врагов истинной веры их же оружием. Слуги дьявола жаждут просвещения? Надо открыть школы и университеты, которые станут учить, как должно. Мало книг? Пусть печатают книги, которые выведут ересь. Но врагов господних надо искоренять не только словом, но и огнем. Здесь, в Риме, будет находиться папская инквизиция, а святой Доминик, без сомнения, поддержит земные труды первосвященника. Видимо, этот план оказался угоден богу, так как с успехом был воплощен.

До тех пор, пока трудно было решить вопрос, существует больше рукописей или их читателей, бороться с неугодным Словом было легко. Но как справиться с печатным станком? Так родилось гениальное изобретение «Индекс запрещенных книг». В 1559 году проблема была решена раз и навсегда. Отныне без предварительной цензуры инквизиции книга не могла увидеть свет. Все неугодное заносилось в «Индекс» и подлежало уничтожению вместе с авторами, издателями, торговцами и читателями. Идея получила признание как католической церкви, так и ее противников. Оценили инквизиционную находчивость и светские правители.

Рим знали все, Италию — никто. Была растерзанная между усобицами и разграбленная иноземными завоевателями земля: на севере хозяйничали французы, на юге — испанцы. И всюду — монахи и инквизиция.

5 сентября 1568 года в городке Стило, в Калабрии, в семье бедняка сапожника по прозвищу Кампанелла родился Джованни Доменико. О том, чтобы мальчик пришел в мир, свободный от ереси, позаботились за восемь лет до его рождения. 1600 еретиков были схвачены. Четвертованные трупы выставили на всех дорогах, от одной границы Калабрии до другой. И теперь благословенный край мог благоденствовать под владычеством испанского вице-короля и неусыпным вниманием папы римского.

Сохранилось предание о том, что Джованни, не имевший денег на учебу, стоял на улице у открытого окна школы и, крѣдга ученики не могли ответить на вопрос учителя, робко спрашивал: «Можно я скажу?» Стоит ли этому верить? Впрочем сам факт появления этой легенды свидетельствует о том, что герой был ее достоин. Мальчишка из безграмотной семьи, где не только не было ни одной книги, но не было и потребности в ней, выучился читать и писать. Он сочинял стихи и знал грамматику. Он так мечтал об Учителе, способном ответить на множество «почему?», что стал местной достопримечательностью. То, что монах-доминиканец оказался таким учителем, не было случайностью. Кто еще стал бы учить бесплатно? Конечно, монастырская жизнь не легка. Но разве все ее тяготы не искупаются тяжелыми фолиантами библиотеки и мудростью наставников? В 15 лет Джованни стал монахом, получив новое имя в честь столпа католичества Фомы Аквинского. Под именем Томмазо (Фомы) Кампанеллы он и вошел в науку и историю.

Вогословские диспуты велись не ради рождения истины. Главное — овладеть вниманием слушателей, блеснуть тонкой игрой ума, сразить ученого соперника скрупулезным знанием текстов отцов церкви и их толкователей. На такой диспут и пришел семнадцатилетний Томмазо Кампанелла. Именно ему поручено защищать честь доминиканского ордена. Старик францисканец улыбался. Конечно, не велика честь победить этого молокососа, но факт остается фактом — доминиканцы

будут посрамлены. И вот уже на Кампанеллу обрушился смерч из цитат и хитроумных доводов. Любопытно, понял ли юноша хоть малую толику из речи высокоученого оппонента? Томмазо начинает говорить, и все разговоры смолкают. Феноменальная память! Он не забыл ни одного слова францисканца. Он приводит на память пространнейшие цитаты, доказывая, что ученый собрат эту фразу исказил, а эту привел неточно. Доводы противника разобраны и разбиты. Кампанелла заканчивает диспут не победой — триумфом. Нет, знания молодого монаха не от бога, а от дьявола. Откуда он может знать то, чему его никогда не учили?

Даже среди немногословных доминиканцев Томмазо признан молчуном. Почти все время он проводит в библиотеке или в келье, ночами сжигает неимоверное количество масла. Когда же он спит? Драгоценные манускрипты сменяют обтянутые кожей пухлые печатные тома. Он ищет ответы на мучительные вопросы, а находит лишь схоластические мудрствования. Но наконец-то! В его руки попадает книга Телезио «О природе вещей согласно ее собственным основаниям». Вот он, ответ на главный вопрос: критерием истины является опыт. Только жизнь может объяснить жизнь. Позже он прочтет «Утопию» Томаса Мора и удивится, что вывод, к которому он пришел самостоятельно, был сделан великим англичанином за 52 года до его рождения. Причина несовершенства мира заключена в частной собственности. Все зло его родной страны существует не по воле божьей, а по человеческому корыстолюбию. Негодные порядки, установленные людьми, люди же должны и исправить.

Кампанелла покидает монастырь против воли орденского начальства. Великого Телезио, чьим учеником он себя считает, ему удалось увидеть только в гробу. Тем более, отныне его долг нести миру взгляды Учителя. А тут еще вышло в свет сочинение Джакопо Антонио Марты «Крепость Аристотеля против принципов Бернардино Телезио». Доносчик от науки, ничтожный правовед похваляется тем, что за семь лет сумел создать труд, опровергающий великого философа! Кампанелле хватит семи месяцев, чтобы не оставить от его «доказательств» камня на камне. С готовой рукописью Томмазо отправляется в Неаполь. Здесь в 1591 году и увидела свет его первая книга «Философия, основанная на ощущениях».

Кампанелла забыл, что его жизнью распоряжается доминиканский орден. Мало того, что в Неаполе он находится без разрешения, он к тому же смеет защищать взгляды Телезио, чьи сочинения вот-вот должны попасть в «Индекс». Но, слава богу, у церкви есть возможность спасти заблудшую овцу. Трибунал орденской инквизиции ждет не ответа — покаяния:

— Откуда ты знаешь то, чему тебя никогда не учили?

— Я больше сжег в светильниках масла, чем вы за свою жизнь выпили вина!

Юноша дерзит. Нет, его не будут морить голодом или пытать. Пусть посидит в темной камере без книг и бумаги. Сколько? Столько, сколько посчитает необходимым начальство ордена. Кампанелла может радоваться, что его делом не занимается Святейшая инквизиция. И после года заключения приговор нельзя расценить иначе, как отеческое увещание: вернуться в монастырь и верить в высшую мудрость отцов церкви, а не в еретическое учение Телезио.

Кампанелла покидает Неаполь. Но вовсе не для того, чтобы вернуться в монастырь. Влиятельные друзья снабдили его рекомендательными письмами. Он попытается получить место в университете. Он полон надежд.

Откуда ему было знать, что Великий герцог Фердинандо велик только титулом. Давно прошли времена, когда Флоренция была центром гуманизма, а род Медичи снискал себе славу покровителей искусств и наук. Пышность церемониала прямо пропорциональна ничтожеству правителя. С Кампанеллой милостиво беседуют, но ничего не обещают. Пусть подождет. Тем более, что пока Кампанелла блаженствует в богатейшей библиотеке, не мешает выяснить, что думает о нем церковное начальство. Чужая характеристика имеет уже ту ценность, что избавляет от необходимости что-то решать самому. Вскоре секретарь холодно сообщает молодому ученому, что вакансии в университете нет. Уже позже Томмазо узнал, что место было отдано тому самому Марте, чье сочинение он, Кампанелла, столь блистательно опроверг. Что ж, как мудро заметит Гельвеций: «Если кто-нибудь выдается среди нас — пусть уходит и выдается среди других».

Чего теперь хочет беглый доминиканец? Совсем немного: крышу над головой, чернила, бумагу и возможность пользоваться книгами. Он хочет слишком много: мыслить свободно. А ведь знает, что инквизиция не спускает с него глаз. В Болонье беседовавшие с Кампанеллой монахи исчезли столь же внезапно, как и появились. А с ними пропали рукописи (скоро он увидит их на столе инквизиторов). Начало 1593 года Кампанелла проводит в Падуе, где знакомится с молодым профессором математики Галилео Галилеем и ученым Паоло Сарпи. Здесь он продолжает работать. Наряду с философскими сочинениями, противоречившими ортодоксальному богословию, он пишет «Речи к итальянским государям», призывая покончить с усобицами и создать в Риме под главенством папы общенациональный выборный сенат для решения общенациональных проблем. Его мысли о будущем государственном устройстве (не только Италии — всего человечества) еще только формируются. Одно несомненно: в государстве будущего не должно быть ни войн, ни частной собственности, порождающей роскошь, нищету, несправедливость. Придет время, и все народы соединятся в единую семью, которая станет жить по законам разума. Другой

на его месте сделал бы все, чтобы о нем забыли, а мятежный монах сам кладет голову в пасть зверю. Одного заглавия новой работы достаточно, чтобы бросить его в застенки, — «Апология Телезио».

На этот раз он арестован не «сердобольными» доминиканцами. Его дело разбирает Святая Служба. То, что Кампанелла покинул монастырь, дело прошлое. Можно считать, что год заключения — кара достаточная. Первая книга в защиту Телезио — грех молодости. Но вторая! А безбожные стихи, которые он читал своим знакомым! Хитроумные доводы Кампанеллы не трогают. Здесь инквизиция, а не богословский диспут. Он виновен уже тем, что им занимается трибунал. Лучше Кампанелле добровольно сознаться в ереси — церковь милосердна. Пусть Кампанелла посмотрит, что такое пыточный зал. Вот дыба, где пытаемый висит с вывихнутыми плечами. Раскаленные щипцы, рвущие мясо. Приспособления, дробящие кости и разрывающие жилы... Пока только посмотрит и подумает в воюющей камере, на хлебе и воде. Церковь не жестока, если ее к этому не вынуждать.

Кампанеллу не удастся ни запугать, ни запутать. Имя Телезио пока не занесено в «Индекс». Чей-то донос не доказательство, пока он один. А к пытке Томмазо готов. Знали бы тогда инквизиторы, что способен вынести этот человек, не стали бы тратить время.

После двух лет тюрьмы, пытки и полутора лет заточения в римском монастыре, в декабре 1596 года Кампанеллу объявили «сильно заподозренным в ереси» и приговорили к публичному покаянию. Его сочинения запрещены. На всякий случай пусть проживет два месяца в Риме под наблюдением. И еще десять — в тюрьме. Теперь он свободен. Почти. Он обязан вернуться в Калабрию. Там, в монастыре, если он больше никогда не напомнит о себе, и закончатся его дни в мире. Счастливцев! В это же время, в том же замке Святого Ангела, откуда отпускают Кампанеллу, томится Джордано Бруно. Он выйдет отсюда только для того, чтобы взойти на костер.

Снова монастырь. Тот самый, где пятнадцатилетний мальчик согласился стать монахом ради науки. Теперь его имя известно. Печально известно. Томмазо сторонятся монахи и не доверяет начальство. Что он теперь делает? О чем думает?

Испанских завоевателей ненавидели все: крестьяне, горожане, дворяне и местное духовенство. Законы вице-королевства нельзя изменить молитвами. Только сила может победить силу. Вот почему Кампанелла выступает со страстными проповедями перед народом. Его ученики расходятся по всей Калабрии: необходимо подготовить народ к восстанию. И испанские угнетатели не должны быть заменены итальянскими. В Калабрии провозгласят республику свободных людей, живущих общиной, где не будет неравенства и угнетения. После победы отсюда, из Калаб-

рии, во все страны света отправятся миссионеры, которые, конечно же, убедят все народы в преимуществах «нового закона». И тогда наступит золотой век человечества.

Имя Кампанеллы все чаще произносится среди жителей Калабрии. Здесь нет ничего удивительного. Он — душа готовящегося восстания против испанского владычества. Все продумано до мелочей. Турецкий флот, исконный враг Испании, ударит с моря в тот момент, когда заговорщики начнут бой на суше. Главное — начать! Без сомнения, восстание поддержит вся Калабрия. А потом здесь, на горе Стило, будет создан город, о котором мечтал Кампанелла многие месяцы в тюрьме. Город Солнца, где не будет частной собственности и несправедливости. Он предусмотрел все, кроме предательства.

Схвачены все — виновные и невинные. Чем скорее будут получены признания и чем страшнее будет выглядеть заговор, тем большие награды ожидают испанских чиновников. В заговоре участвовало много духовных лиц, значит, без римской инквизиции не обойтись. Двум властям всегда сложно сговориться. Кампанелла уже решил, как должны вести себя заговорщики. Тюремная почта разносит его план. Отрицать все обвинения. Чем дольше будет длиться следствие, тем больше вероятность организовать побег или хотя бы выгородить большинство участников. Кампанелла мерял чужое мужество по себе. Он ошибся. Один из главных заговорщиков, Ринальди, выдержал триста часов чудовищных пыток. Он не боялся ни боли, ни смерти, но то, что не смогли сделать ее палачи, сделал один священник, пекущийся о бессмертии его души. И Ринальди чистосердечно рассказал все перед казнью. Число допросных листов с признаниями росло. Кампанелла продолжал молчать. Что ж, у следствия есть способ развязать ему язык.

Кампанелле приказали снять обувь и одежду. Фонарь осветил каменную лестницу. Из темноты пахло сыростью и зловонием. Когда закончились ступени, его ноги оказались в ледяной грязи. Цепь с кандалами почти не давала двигаться. Непроницаемая темь и холод. Когда обессиленный узник не сможет стоять, он упадет в зловонную жижу. Это и есть «крокодиляя яма». Если и сможет здесь выжить живое существо, то только крокодил. Обычно хватало суток для того, чтобы самые упорные становились покладистыми. Кампанелла не знал, сколько времени прошло, когда он упал. Не знал, сколько прошло дней или часов, когда он смог дотянуться до хлеба и воды...

Трибунал не был единодушен. Одни уверяли, что не заговорить в крокодильей яме невозможно, другие доказывали, что еще день и вместо показаний главаря будет лишь его труп. Когда его подняли из ямы, он уже не мог сам одеться. Из-под ножных кандалов сочилась кровь. Тюремный врач в недоумении развел руками: семь суток ямы еще никто не выдерживал. А Кампанелла, сразу же брошенный в застенок, продолжает мол-

чать. Пусть молчит! Он изблещен свидетельскими показаниями и будет приговорен к смерти как упорствующий еретик.

2 апреля 1600 года тюрьма обсуждала новость: Кампанелла сошел с ума. Он распевал духовные гимны, призывал к крестовому походу, благословлял папу римского и корчил рожи. Разве не интересно посмотреть, что делает безумие со светлейшим умом Италии? Но гораздо любопытнее то, что в безумие Кампанеллы никто не верит. Сумасшедшего нельзя судить и приговорить к смерти. Причина симуляции ясна, но ее еще нужно доказать. Бесспорное доказательство — пытка, а Кампанелла пыток не боится. Но это же будет не просто пытка, а «велья».

«Велья» (бодрствование) была изобретена за 68 лет до рождения Кампанеллы. Гуманная пытка. Не надо огня и железа. Упорствующий просто сидит на скамейке 40 часов, и ему не дают спать. Без воплей и крови человек соглашается на все что угодно, лишь бы ему не мешали закрыть глаза. Просто и эффективно. Но за 100 лет, прошедших от изобретения до того времени, когда пытку решили применить к Кампанелле выяснилось, что находятся те, кто и за 40 часов так ни в чем не сознаются. Поэтому простое изобретение было усовершенствовано. Скамейка превратилась в тренажер, завершавшийся острым колом. Кол рвал вены, плиты пола заливала кровь, но это не мешало продолжать пытку все те же 40 часов.

Современник Кампанеллы французский философ Мишель Монтень был уверен: «Если боль весьма мучительна, она не бывает очень продолжительной, если же она продолжительна, то не бывает особенно мучительной». Если бы инквизиторы прочли эту фразу, они бы улыбнулись. Даже железный Кампанелла не может сдерживать крика. Сменяя друг друга, они приходили и уходили: спали, обедали, прогуливались, беседовали. Его мучения не прекращались ни на минуту. Секретарь добросовестно протоколировал все оскорбления, которыми осыпал Кампанеллу трибунал. А что взять с сумасшедшего?

Пройдет много лет, и Томмазо Кампанелла с гордостью напишет: «В течение сорока часов я был вздернут на дыбу с вывернутыми руками, и веревки рассекали мне тело до костей, и острый кол пожирал, и сверлил, и раздирал мне зад и пил мою кровь, чтобы вынудить меня произнести перед судьями одно только слово, а я не пожелал его сказать, доказав, что воля моя свободна».

То, что он выжил, было чудом. Временами Кампанелле казалось, что он умирает. Все его тело раздирала боль, вспухшие позиневшие руки были безжизненны. Он перенес все, чтобы успеть рассказать людям о Городе Солнца. У него есть бумага и чернила, но он не может писать. Кампанелла так надеялся, что в камеру к нему впустят кого-нибудь из друзей, ведь он не в состоянии поднять даже кружку с водой. Но для помощи прислали отца и брата. Оба неграмотны. Брат растирает Томмазо изуро-

дованную руку. Выдержать любые муки, лишь бы успеть сказать главное! Он может писать только лежа. Каждая буква — продолжение пытки. Брат и отец караулят у двери. Малейший шорох — и они спрячут драгоценные листки.

Форму этой небольшой книжечки подсказал Томас Мор. Вернувшийся из далекого плавания Мореход рассказывает об острове, где высится Город Солнца. Высокий холм опоясывают семь стен. Между ними красивые улицы, удобные дома, просторные мастерские. Здесь нет богачей и бедняков. «Община делает всех одновременно и богатыми и вместе с тем бедными: богатыми — потому что у них есть все, бедными — потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им». Какая нелепость, что благородными людьми считают тех, кто ничего не умеет делать! В Городе Солнца все трудятся. Женщины, как и мужчины, занимаются не только ремеслами, но и наукой. Что здесь удивительного? Разве в древности было мало ученых женщин? Достаточно вспомнить великую Ипатию. А вот самую тяжелую физическую работу делают мужчины, они же сильнее. Здесь нет рабов, развращающих нравы, поэтому любой труд почетен.

Кампанелла не стремится к тщательной литературной отделке. Нет у него ни времени, ни сил шлифовать каждую фразу. Главное — пусть человечество поймет все преимущества философской жизни общиной.

В школе могут учиться все дети. И школа совсем не похожа на ту, которая известна всем грамотным. Никаких тесных комнат и суровых учителей с розгами. Класс — улица. Стены города не только оборонительные укрепления. На них лучшими художниками изображены природа и люди, географические карты и математические фигуры. Дети любознательны. Они сами спрашивают обо всем, что видят. Опытные педагоги во время прогулок и игр знакомят их с науками. А становясь старше, каждый изучает какое-нибудь ремесло.

Всего четыре часа работы обеспечивают соляриев всем необходимым. Труд стал легче и производительнее за счет технических усовершенствований. Так, корабли соляриев могут ходить без весел и парусов. В свободное время — занятия наукой, беседы, физические упражнения.

Кто поверит, что изуродованному старику, из последних сил царапающему бумагу, всего тридцать три года? Полутемная камера нереальна. Кампанелла идет по Городу Солнца.

У него никогда не было дома, имущества, жены. Разве он чувствует себя из-за этого несчастным? Значит, все люди могут отказаться от семьи. Если не будет семьи, то негде и незачем будет появляться собственности: «...у соляриев жены общи... Производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц — лишь постольку, поскольку они являются частями государства». Сложись его судьба иначе, воз-

можно, эти страницы он писал бы не так. Впрочем, не стоит с высоты XX столетия «поправлять» Кампанеллу, доказывая его очевидную неправоту. Однажды было верно замечено, что «мир будущего в утопических романах неизменно напоминает мир прошлого с иными пропорциями, иным освещением, — очевидно, и у фантазии есть свои границы».

Последние слова Морехода произнесены. Книга закончена. Город Солнца теперь существует на бумаге, и это залог того, что он непременно станет реальностью. Кампанелла сам тому доказательство. На голодном пайке, потерявший «фунт плоти и десять фунтов крови», он выздоравливает. Он, построивший Город Солнца, теперь греется в его лучах, дающих ему силу жить. Через полгода после «вельи» он уже может ходить по камере.

Напрасно Кампанелла надеялся, что приговор по его делу не будет вынесен. 8 января 1603 года калабрийский еретик приговорен «к пожизненному тюремному заключению без права на амнистию или сокращение срока».

Одна тюрьма сменялась другой. Он сидел в башнях и подземельях, в цепях и без них. Но мысль его всегда оставалась свободна. У него не было книг, но то, что он хоть однажды прочитал, он запоминал навсегда. Не хватало света, он научился писать в темноте. А когда не было бумаги и чернил, он сочинял в уме, запоминая фразы до того времени, когда их удастся записать. Он пишет стихи и трактаты по астрономии, труды медицинские и историографические, работы по математике, грамматике, риторике, диалектике. Есть среди его сочинений и такие, которые предрекают могущество испанской короне, предназначенной стать объединяющим центром всего человечества. Так что же, Кампанелла — приверженец испанской монархии? Некоторые исследователи объясняли это так: заключенный водит за нос своих тюремщиков, пытаясь вымолить себе свободу. Но книга — не пыточный протокол. Ее читают и те, кто ничего не знает о судьбе автора. Тут другое. Кампанелла готов предложить свой план создания всемирного единения человечества любому, кто его услышит: папе римскому, испанскому королю — не все ли равно. Раз не сбылась надежда на заговор, может быть сильные мира сего поймут свою же пользу. Ведь и их ожидает радостная жизнь Города Солнца. И если ради воплощения в жизнь великой мечты нужно заявить о преданности испанской монархии, то это оправдано.

Современники Кампанеллы философы Френсис Бэкон и Рене Декарт прославят могущество разума; Шекспир в драмах, а Лопе де Вега в комедиях покажут человеческую страсть — великую и смешную — в сложной многогранности жизни; виртуозная кисть фламандского живописца Ван Дейка заставит поверить в благородную одухотворенность, а испанец Веласкес одарит мир сложными характерами и обостренным чувством гармонии. Что рядом с ними творение Кампанеллы? Но зако-

ванный мечтатель, писавший не пером, а своей плотью и кровью, дарил свободному и радостному Городу Солнца их всех: Бэкона и Декарта, Шекспира и Лопе де Вегу, Ван Дейка и Веласкеса. Есть деяния, для понимания которых необходимо время.

Иногда его сочинения уходят на волю, иногда достаются тюремщикам. Он не отчаивается. Времени у него достаточно. Свое главное философское произведение «Метафизика» (почти тысяча страниц мелкого шрифта) ему пришлось восстанавливать по памяти пять раз. Но, несмотря на старания властей, его рукописи не только читаются итальянцами, но и уходят за границу. О Кампанелле и его трагичной судьбе узнает мир.

Умирали и сменялись римские папы и испанские вице-короли, проходили годы. Иногда узнику делали послабления. Приехавшим из Германии молодым людям предоставляют возможность беседовать с удивительным заключенным. Один из них — Товий Адами готов напечатать у себя на родине труды Кампанеллы, но не ухудшит ли он тем самым его положение? Кампанелла принимает это предложение с восторгом.

В Германии выходит тома сочинений мятежного калабринца. В 1623 году увидела свет «Реальная философия». В этом же томе был напечатан «Город Солнца». Товий Адами сдержал слово, и Кампанелла узнал об этом. Кто посмеет сказать, что жизнь философа, томящегося в тюрьме почти тридцать лет, безрадостна!

Беззащитный заключенный, он смеет защищать пока еще свободного. Его новый трактат — «Апология Галилея». Церковь считает учение Коперника еретическим и запрещает Галилею развешивать его. Кампанелла подбирает библейские цитаты, доказывающие, что ничего еретического в сочинении Галилея нет. Конечно, ему не удастся защитить гениального астронома, но что из того? всю жизнь Кампанелла делает невозможное.

Среди почитателей Кампанеллы есть люди влиятельные. Они не перестают ходатайствовать о пересмотре его дела. Подкупленный чиновник уничтожил допросные листы давно забытого заговора. Пусть Рим никогда не даст согласия на освобождение Кампанеллы. Это-то и хорошо! В последнее время отношения Испании с Римом натянуты. Вице-король готов на все, лишь бы насолить папе. Следственного дела нет, значит, и пересматривать нечего. Инквизиция считает Кампанеллу своим узником, поэтому испанский гранд его освободит.

23 мая 1626 года Кампанелле зачитали приказ вице-короля. Он свободен, но лишь на территории монастыря, откуда по первому приказу обязан являться в тюремный замок. За него поручились друзья, поэтому бежать он не может. Впрочем, он зависим не более, чем любой калабриец, никогда не носивший кандалов.

Кардинал Маффео Барберини славился не только поэтическим даром и самонадеянностью. Он умел добиваться своего.

Когда честолюбивый кардинал решил сесть на папский престол, то сколотил банду, терроризирующую римское население, и дал понять собравшемуся конклаву, что место папы должно быть отдано ему — энергичному, знающему толк в военном деле и способному справиться с беспорядками. Пока кардиналы сомневались в обоснованности его притязаний, в Риме начались пожары, а самые ярые недруги стали умирать чрезвычайно быстро и по неизвестной причине. Короче, Барберини получил право принять имя Урбана VIII. Ему было пятьдесят лет, он гордился мощным телосложением и отменным здоровьем. В народе за неутолимую жадность его прозвали «папа-подать». И еще он терпеть не мог Испанию и считал необходимым добиться для Рима былого могущества. Ему-то и сообщили, что опаснейший еретик Кампанелла на свободе. Урбан VIII решил показать зарвавшемуся испанскому гранду, кто хозяин в Италии. Не прошло и месяца «свободной» жизни Кампанеллы, как он был схвачен людьми Святой Службы и тайно отправлен в Рим. Теперь инквизиция позаботится о том, чтобы ее приговор был выполнен пунктуально: «Пожизненное тюремное заключение без права на амнистию и сокращение срока».

Но и у здоровяка Урбана VIII была слабость. Он панически боялся смерти. Этим и воспользовались испанцы. По Риму поползли предсказания астрологов: папа скоро умрет, так как на это, без сомнения, указывает расположение звезд. Предсказателей ловили и умерщвляли, но покоя папе не прибавлялось. Он действительно заболел от страха.

Кампанелла отправляет папе свой астрологический трактат «Как избежать судьбы, предсказанной звездами». Он, Кампанелла, может спасти папу. Вся его жизнь — доказательство, что он владеет великими тайнами. Человек, просидевший в тюрьме тридцать три года, выдержавший жесточайшие пытки, не только жив, но и пишет книгу за книгой.

Вымытый и накормленный узник чувствует себя вполне уверенно в роскошных покоях Урбана VIII. Да, расположение звезд действительно неблагоприятно для папы, но Кампанелла знает, как избежать предсказаний. Первый раз в жизни он ничем не рискует. Если папа умрет, карать незадачливого астролога будет некому, а если останется жив, то, разумеется, только благодаря его, Кампанеллы, сверхчеловеческим способностям.

Дата смерти Урбана VIII, предсказанная гороскопом, миновала. Но уже бродят по рукам новые предсказания. Нет, без Кампанеллы, «наместник бога» обойтись не в состоянии. 27 июля 1628 года узник, томившийся 33 года в 50 тюрьмах, мятежник и еретик, не только свободен, но и приближен к папе. Он добивается отмены запрещения своих книг и возвращает арестованные инквизицией рукописи. Он не только продолжает защищать Галилео Галилея. В Калабрии раскрыт новый заговор против испанского владычества. Во главе его ученик Кампанел-

лы — Пиньятелли. Значит, мятежник взялся за старое! Испания потребовала выдачу Кампанеллы, похищенного Римом...

Под чужим именем в экипаже французского посла Кампанелла навсегда покидает Италию. Противник Испании и знаменитый ученый принят во Франции с почетом. Ему покровительствует всесильный кардинал Ришелье, он принят в королевском дворце. Кампанелла готовит новое издание «Города Солнца». Может быть, юный дофин (будущий Людовик XIV) воплотит в жизнь его мечту?

И восхитительный Град, что назван по имени Солнца,

Ныне от сердца всего я посвящаю тебе.

Соединятся цари, воедино сольются народы:

Солнечным названный Град воздвигнет великий герой.

Всемирное единение человечества, прекращение войн и разумное общественное устройство — все, чем он жил, он завещает грядущим, без сомнения, счастливым векам.

Сын своего времени, он верил в знамения. Одно из них Кампанелла мог бы понять: он умирал 21 мая 1639 года, в четыре часа утра, когда над Парижем вставало солнце. Но было и второе: Кампанелла скончался в монастыре Святого Якоба, ставшем полтора столетия спустя политическим клубом якобинцев, провозгласивших свободу, равенство и братство.

ЗАКОН СВОБОДЫ

В морозный день 30 января 1649 года к королевскому дворцу Уайт-холл в Лондоне прибывают все новые толпы любопытных. Плотная людская масса заняла всю площадь. Те, кто успел, забрались на крыши домов. Конные воины с алебардами окружили задрапированный черным помост. Палач и его помощник стоят в масках, они заgrimированы, чтобы избежать мести сторонников короля.

Тиран, изменник, убийца и враг государства, король (да, пока еще король) Карл I Стюарт медленно поднимается на помост и опускается на колени перед плахой. Рядом стоят епископ, духовник короля, генералы победившей армии парламента. «Помазанник божий» кладет голову на плаху.

Указом 1649 года русский царь Алексей Михайлович запретил английским купцам жить в Москве за то, что они «учинили большое злое дело, государя своего Карлуса убили до смерти». Даже смерть Карла I принесла вред англичанам. Но этот вред был ничтожен по сравнению с тем, который приносил Англии живой король.

Он разогнал парламент, собирал грабительские налоги, вымогал деньги у богатых людей, а когда кто-нибудь отказывался, отдавал приказ: «Покажите ему драгун!» И к строптивому подданному являлись на постой солдаты, творившие любые бесчинства. Он презирал людей, преисполненный веры в божественный характер своей власти, интриговал, лгал и обращался к королевским словом как с разменной монетой. Он поддерживал прихвостней дьявола — епископов. Он начал войну с собствен-

ным народом. Он... впрочем, довольно. Он мертв. Это его голову сегодня, 30 января 1649 года, показывают народу. Тирании конец! Да здравствует свобода!

Свобода для кого? Новые дворяне (джентри), богатые купцы продолжали раскупать земли, конфискованные у сторонников короля. Им же принадлежали в государстве избирательные права. Их вождь, Оливер Кромвель, был фактическим правителем Англии. А что же получил народ? Те крестьяне и ремесленники, которые отдавали последние гроши на вооружение армии парламента? Тот народ, который дрался при Нэзби с королевской конницей и разбил наголову войско монарха? Их феодальные повинности полностью сохранились, они не получили ни избирательных прав, ни земли. Королевская голова не заменит хлеба, а для многих хлеб превратился в недоступную роскошь. 68 шиллингов за квартал (1,13 кг). Почти вдвое больше, чем 9 лет назад. «О члены парламента и солдаты! Прислушайтесь у наших дверей, как наши дети кричат: «Хлеба, хлеба!» Нет, члены парламента не слышат. А солдаты Кромвеля заняты другими, более важными делами. Они готовятся к завоеванию «Зеленого острова» — Ирландии.

Английская буржуазная революция положила начало эре крушения феодальных порядков в Европе. Она была «громовым ударом» (К. Маркс), возвестившим рождение нового общественного строя. Но будучи революцией буржуазной, она не могла не привести к смене одних эксплуататоров другими.

О чем говорит этот худощавый человек? Его слушают с вниманием. Это и неудивительно: его имя известно всей Англии — Джон Лильберн. «Свободнорожденный Джон», как называет себя он сам. Мы знаем его судьбу. Из 20 лет, отданных политической борьбе, 10 он проведет в тюрьме. В 39 лет его уже не станет, и даже после смерти враждующие партии устроят скандал на его похоронах. Но сейчас это — руководитель партии уравнилелей (левеллеров). Он убежден в своей правоте и ничего не боится: «Народ низведен до ничтожества, а между тем ему льстят, уверяя, что он единственный источник всякой справедливой власти. Восстаньте же против тех, кто обманул вас». Его будут слушать в лондонских предместьях и солдатских казармах, и его услышат.

Вожди левеллеров будут брошены в королевскую тюрьму Тауэр, а оставшиеся армейские части, оставшиеся без руководителей, легко раздавит Оливер Кромвель, который, по меткой характеристике Ф. Энгельса, «совмещает в одном лице Робеспьера и Наполеона».

Кровь. Только кровь. И только смена одного зла другим. Карл I мечом усмирял страну. Оливер Кромвель мечом усмирил Карла I. Левеллеры подняли меч на Кромвеля. Кто же объяснит, ради кого или ради чего льются потоки крови? Все кричат о свободе. Но разве не говорил о свободе Кромвель? Огромного

роста, сильный человек, приковывавший к себе внимание всего парламента страстными речами против короля и англиканской церкви. Ведь это он, Оливер Кромвель, требовал от парламента решительных действий. Он создал армию нового типа, куда принимал простых крестьян и ремесленников. Небогатый помещик, в 43 года впервые познакомившийся с военным делом, Кромвель стал одним из крупнейших полководцев XVII века. Он со своим отрядом «железнобоких» сыграл главную роль в победе. А теперь Джон Лильберн указывает на него как на нового тирана. Где же эта загадочная свобода и как может народ ее добыть?

Он, наверное, был единственным человеком в Англии, который это знал. Давайте познакомимся с ним. Его зовут Джерард Уинстенли. Он родился в 1609 году в графстве Ланкашир, был мелким торговцем, а когда разорился — крестьянином-батраком. Без денег и дома он находил крышу у родственников и друзей. До нас дошли его памфлеты, страстные и неумолимо логичные, и еще мы знаем об Уинстенли-диггере (копатель), но об этом чуть позже. Вот, пожалуй, и все. Мы даже не знаем, как он выглядел. Ни одного рисунка, портрета или словесного описания. Не стоит придумывать его облик хотя бы потому, что тогда мы лишим себя самого драгоценного в истории — ощущения подлинности. Да это, наверное, и не так важно. Важнее знание того, что он писал, говорил и делал.

Каждый век рождает свою ересь, которая потом называется учением. Иногда эти учения истинны, чаще ложны и почти всегда очень живучи. Но что удивительно: почти любая идея подвергалась нападкам прежде всего тех людей, во имя интересов которых рождалась.

8 апреля 1649 года несколько десятков жителей Кобхема в графстве Серри собираются у холма Св. Георгия и вскапывают пустошь на склоне холма. Сеют морковь, пастернак, бобы. Люди с лопатами приглашают всех желающих присоединиться к ним. Скоро их будет 4—5 тысяч человек, а может, и более. Во всяком случае, так говорят они сами. Во главе этих людей некий Уильям Эверард, в прошлом солдат, изгнанный из армии за «пророчества», чересчур смелые даже для революции, и Джерард Уинстенли, автор нашумевших памфлетов «Новый закон справедливости» и «Знамя истинных левеллеров, поднятое истинными левеллерами, или Строй общности, открытый и предлагаемый сыном человеческим».

Люди, вслушайтесь, это же так просто: «Когда земля снова станет общей сокровищницей, как ей и подобает, человечество опять восстановит начертанный в сердце его закон справедливости, и все будет сделано единым сердцем и единым умом, тогда прекратится эта враждебность во всех странах, ибо никто не осмелится домогаться господства над другими и никто не посмеет ни убить другого, ни пожелать себе земли больше, чем у другого».

Это говорилось в то время, когда в ряде христианских стран Западной Европы свирепствовала инквизиция. Кричали на кострах «еретики», а в серых пыточных залах изучались руководства по выявлению пособниц дьявола. «Если она обнаруживает на допросе страх, то ясно, что она виновна: совесть выдает ее. Если же она держит себя спокойно, нет сомнений, что она виновна, ибо ведьмам свойственно лгать с наглым спокойствием».

Во Франции кардинал Мазарини делает все для укрепления абсолютизма, жестоко подавляя народные восстания. Вольнодумец и эпикуреец Поль Скаррон выпускает в свет свои «Мазаринады».

На Украине огнем растекается народная война под руководством Богдана Хмельницкого.

В России один бунт сменяет другой. «У служивых людей жалованье наполовину отнято, а иным и вовсе не дают. Люди безвинно из Москвы в Сибирь поразосланы, многие помучены и палицами побиты и в воде потоплены».

Джерард Уинстенли был убежден: сколько событий, сколько судеб сложились бы совсем иначе, если бы его слова были услышаны! «Частная собственность есть проклятие», и все зло на свете — ее порождение. «Все общинные земли и пустоши в Англии и во всем мире будут взяты по справедливости людьми, не имеющими собственности. Земля будет взята как общая сокровищница, чем она и была создана вначале для всех». Эту истину ему, Джерарду Уинстенли, внушил сам бог и повелел распространить среди людей.

XVII век был религиозен. Не надо удивляться тому, что люди, являвшиеся самыми светлыми умами Англии, ниспровергавшие церковные авторитеты, говорили языком Библии и подтверждали свою правоту тщательно подобранными цитатами из Ветхого Завета.

И кто же первыми выступили против? Их же соседи, которым диггеры ничем не угрожали. Мелкие землевладельцы, сами страдавшие от лендлордов. Лорды, естественно, также не остались равнодушны.

Всего одиннадцать дней спокойно существует первая в мире коммуна. 19 апреля генерал Ферфакс направил против диггеров два кавалерийских эскадрона. Каково же было удивление военных, когда по первому приказу офицера диггеры, не оказав никакого сопротивления, мирно разошлись! Может быть, сам Уинстенли объяснит, в чем дело? «Мы ощущаем в сердцах наших источник любви ко всем, к врагам так же, как и к друзьям. В сердцах наших царят мир и спокойное счастье от нашего труда». Есть только один непреложный закон добра, и добро всегда должно победить зло. Человечность должна побеждать насилие. Так думал Джерард Уинстенли. Так думал Л. Н. Толстой. И как же много было у них последователей!

Пройдет более двух столетий, и в другой стране, в России, молодые люди пойдут «в народ». Их будут выдавать полиции те самые крестьяне, ради которых они жертвовали свободой и жизнью. Как многообразно одинаковое!

Снова королевский дворец Уайт-холл. Уинстенли и Эверард беседуют с всемогущим генералом Ферфаксом. Просто и ясно они объясняют генералу право бедняков обрабатывать незанятые общинные поля. Они никому не угрожают, а Эверард (ну как же без этого?) ссылается на волю божью.

26 мая Ферфакс лично явился на холм Св. Георгия. Шутка ли, диггеры подняли лопаты против священного права частной собственности! И зараза стала распространяться на соседние графства. Даже Джон Лильберн и его сторонники публично заявили, что они не имеют с диггерами ничего общего, так как, выступая за равенство прав, они никогда не говорили о равенстве имущества.

Ферфакс смотрел и слушал. И то, что он видел, отнюдь не успокаивало. Диггеров действительно стало больше. Некоторые соседи, столь воинственно настроенные вначале, стали признавать справедливым то, что совсем недавно казалось им ересью.

Ферфакс кротко увещевал диггеров оставить предпринятое ими дело. Уинстенли столь же кротко доказывал свою правоту. Да, есть еще люди, которые полны злобы и ненависти к ним. Про диггеров говорят, что они хотят устроить общность жен! (Как живуча ложь и как однообразна. В 1848 году К. Маркс и Ф. Энгельс будут вынуждены отвечать на это же обвинение, потому что ханжество всегда бывает воинствующим.) Это речи. А вот дела поборников нравственности. Они намеренно портят посевы диггеров, калечат скот. А совсем недавно на поселение диггеров напали солдаты. Тяжело ранили одного из колонистов, избили мальчика, отняли одежду, съестные припасы, подожгли дом. Может быть, генерал Ферфакс окажет содействие колонистам? Нет, генерал ничем не может помочь. Какая жалость!

Уинстенли попытается найти поддержку у жителей города Лондона и армии. Но Лондон не поддержит диггеров. Против них была вся мощь государственной машины, общественное мнение, религия. К тому же в мире происходят события, привлекающие внимание гораздо больше, чем дела диггеров.

Оливер Кромвель направляет английскую армию в Ирландию. Многие хотят убить одним выстрелом двух зайцев. Кромвель решил убить сразу трех: разгромить революцию в Ирландии, укрепив эту страну за английской буржуазией, дать землю своим солдатам за счет ирландских крестьян и, выведя революционно настроенную армию из Англии, покончить со всеми беспорядками. Кромвель в отличие от Уинстенли знает, как добиваются успеха. Огнем и мечом его армия прошла по «Зеленому острову». Само название это теперь казалось насмешкой. «Можно было проехать десятки миль, не встретив живого

существа — ни человека, ни животного, ни птицы. Масса бедняков питается травой, потерявшие родителей дети нередко становятся добычей волков». Из полутора миллионов населения осталось немногим более половины.

Революция в Ирландии будет подавлена. Солдаты получают землю. Кромвель станет лордом-генералом, главнокомандующим всех вооруженных сил республики...

Эта победа Кромвеля в Ирландии означала поражение республики в Англии. Революция закончилась. Отныне торжество недемократических порядков и установление единоличной диктатуры было лишь вопросом времени. Но диггеры не могли этого ни понять, ни принять.

Два года продолжалась неравная борьба — до начала 1651 года. Коммуны диггеров появлялись в разных графствах Англии, несмотря на неудачи соседей. Надежда и отчаяние вскапывали общинные пустоши. Лендлорды, крестьяне, правительственные чиновники законом и беззаконием расправлялись с диггерами. Даже священники принимали участие в их избении. Шерифы арестовывали людей, солдаты сносили их дома. Взя Англия собственников поднялась против них.

Каждая революция создает свою идеологию. В Англии такой идеологией был пуританизм. Явление сложное и неоднородное, основным стержнем которого было отрицание королевского произвола, требование «дешевой» церкви и соответствовавшая церковным делам «мирская этика»: будь скромен и трудолюбив, не выставляй напоказ свое богатство и помни, что цель и смысл человеческого существования — копить деньги, передай своему сыну больше, чем оставил тебе отец. Да, конечно, известно, что именно на эти деньги будут вскоре строиться фабрики, что идеология пуритан выражала интересы нарождающегося капитализма, и все же вдумайтесь.

В это же время Джерард Уинстенли отрицает частную собственность, считая ее не благом, а величайшим злом. Копить деньги? Зачем? Может быть, деньги и неплохое дополнение к счастью, но когда и кого деньги сделали счастливым? Деньги та же тирания. Не случайно же на монетах выбивали изображение тирана.

Кромвель добьется своего. Превратив Ирландию в выжженную пустыню, он станет лордом-протектором, властелином Англии, будет богат, но значит ли это, что Кромвель прав? И сможет ли Кромвель быть счастливым, чувствуя в последние годы жизни, как кровью и огнем добытая им власть вот-вот уйдет от него? Только смерть избавила его от лицемерия торжества Стюартов. Но даже после смерти тело всесильного диктатора выбросят из могилы и вздернут на виселицу. Его сын Ричард будет вынужден бежать во Францию, где и проживет долгую жизнь под именем Джона Кларка.

Движение диггеров подавлено. И все же Уинстенли не сдает-

ся. Перед тем как уйти в вечность, он в феврале 1652 года издаст книгу «Закон свободы». На титульном листе после названия напечатано стихотворение, якобы откровение святого Иоанна. Даже указана ссылка: гл. 11, стих. 15. Можете проверить. Однако в Библии его вы не найдете, но многие ли проверят?

В тебе, о Англия, встает закон, сияя.
Прими ж его, себя короною венчая.
Но коль отвергнешь и пребудешь непокорной,
Его страна другая примет и возьмет корону.

Мы знаем то, что не знал Джерард Уинстенли, когда писал эти строки. Англия собственников отвергнет его. А спустя 226 лет имя его будет выбито на обелиске в столице государства, празднующего первую годовщину революции.

В книге Уинстенли обращается к фактическому диктатору Англии — Оливеру Кромвелю. Что это? Политическая наивность, отчаяние или фанатическая уверенность в своей правоте? «Поскольку власть над землею находится в ваших руках, вы должны освободить землю для угнетенного простого люда. Если окажется, что вы и другие, стоящие с вами у власти, пойдете по стопам короля, то сможете ли вы оградить вас самих или ваших потомков от низложения? Разумеется, нет».

При короле Генрихе VIII двоюродный дед Кромвеля, сын кузнеца, поднялся в период Реформации до положения канцлера. Первый Кромвель оказал своему королю важную услугу. Это он помог расправиться с Томасом Мором, поддержав обвинение в государственной измене, и великий гуманист был отправлен на эшафот. Кромвель-последний превратился в душителя революции, и судьба его будет плачевна.

Можно ли говорить о политической наивности? Уинстенли оказался провидцем. Именно так все и произойдет — низложение Кромвеля и его потомка!

С царственной щедростью он дарит идеи, не претендуя ни на власть, ни на славу. «Я решил представить программу республиканского правления. Хотя сия программа и имеет сходство с грубо отесанным куском дерева, но искусный работник может взять его и сложить из него стройное здание».

Уинстенли понимает, что социальная справедливость есть величайшее благо на земле, но даже это благо не делает всех людей совершенными гражданами. А поэтому в коммуне есть уголовные законы, наказания и даже палач. Значит, хотя бы отчасти диктатура? Ничего подобного. «А другим, кто не согласен, пусть будет позволено оставаться при их купле и продаже, пока им будет угодно».

И еще одна великолепнейшая подробность. В государстве Уинстенли нет священников. Зачем, если религия выражается «во внутреннем откровении»?

Любое государство, если оно смотрит в будущее, обязано заботиться о детях. Уинстенли убежден, что в школе, наряду с

изучением наук, детей нужно приучать трудиться. Пусть воспитатели поощряют изобретательство, пусть выявятся таланты и принесут пользу своей стране. В XVII веке Джерард Уинстенли говорит о школе, которую мы в XX называем политехнической.

Кромвель мог прочитать: «Тот, кто является подлинно республиканским должностным лицом, не должен занимать место в правлении путем интриг или насилия, как это делают все короли и завоеватели, становясь тиранами-угнетателями, выдвигая на первый план свои себялюбивые интересы или макиавеллиевские приемы, чтобы жить в довольстве и править, как господа, над своими братьями».

Только вперед вертится колесо истории. «Если вы не идете по правильному пути свободы, вы должны будете, более того, вы неизбежно повернетесь лицом назад».

Читал ли Кромвель эту книгу? Вряд ли. Стоит ли читать сочинение поверженного врага? Да если бы и прочитал, то что? У него проблема социальной справедливости была разрешена раз и навсегда: «уж если государство обречено на страдания, лучше для него страдать от руки богатых, нежели бедных...» Интересно только, кем обречено?

Кромвель и Уинстенли жили в одно время, в одной стране, видели и слышали почти одно и то же и говорили на английском языке, но эти два современника никогда не могли понять друг друга. Из любого факта всегда можно сделать диаметрально противоположные выводы. Они их и сделали, и тому доказательство их жизнь.

Ну и что же нового сказал Уинстенли? После Томаса Мора и Кампанеллы, пожалуй, ничего. Он только напомнил о законе справедливости, про который после Кампанеллы уже успели позабыть. Но главное не это. Он был первый человек, который решил Город Солнца построить. Ему было мало рассказать людям о том, какой должна быть счастливая жизнь. Он стал ее делать. Не на воображаемом острове, не пером на бумаге, а с лопатой в руках в залитой кровью, недоброй старой Англии. «Простой народ накачивается добрыми словами с кафедр, но не добрыми делами. Люди ждут-ждут добра, ждут освобождения, но ни то, ни другое не приходит». Хватит писать, говорить, пророчествовать. Настала пора делать. Дела он хотел добиться и от Кромвеля, посылая ему свой «закон свободы».

Уходят последние часы, которые нам известны о жизни Джерарда Уинстенли. Уходит в небытие XVII век. На пороге век XVIII, век Просвещения, век Великой французской буржуазной революции. Сколько произойдет изменений в мире! Но одно останется неизменным, — мечта о Городе Солнца и об установлении Закона Свободы.

ЗАВЕЩАНИЕ

Людовик XIV царствовал дольше всех королей в истории Франции, без малого 73 года, пережил своих сыновей и внуков и передал престол правнуку. Он не был ни полководцем, ни талантливым политиком, а его называли Людовик Великий. Он не любил никого на свете, кроме себя, и ни от кого это не скрывал, от него никому не было тепло, а придворные называли его король-солнце. Он спокойно относился к любым злоупотреблениям своего двора, так как сам злоупотреблял больше всех. Людовик XIV был убежден, что подданные должны повиноваться ему, как богу, и что только неограниченная власть короля и абсолютное бесправие подданных обеспечивают прочность и величие государства. Это он, обращаясь к парламентским чиновникам, произнес «историческую» фразу: «Вы думали, господа, что государство — это вы? Государство — это я». Сложный и торжественный церемониал подчеркивал величие монарха, сопровождая каждый его шаг. Присутствовать при утреннем туалете короля — великая честь, а огромная свита, раболепно ловившая легкое движение его пухлой руки, волей-неволей заставляла верить, что Людовик XIV действительно необыкновенный человек. Как бы ни было велико число обманщиков, всегда значительно больше глупцов, которые им верят. Короли не случайно обставляют свою жизнь не как все люди. И смотря на многолюдство, пышность титулов и великолепие нарядов, надо быть или великим мудрецом, или непосредственным ребенком гениальной сказки Андерсена, чтобы крикнуть при всех: «А король-то голый!»

Впрочем, мудрец кричать не будет, на то он и мудр. Печально известна судьба тех, кто думал по-другому. Томас Мор был обезглавлен. Кампанелла пробыл в заключении 33 года. Уинстенли был раздавлен силой и нищетой. Неужели желающие не перевелись?

Посмотрите на этот портрет. Лоб мыслителя, улыбка чуть-чуть приподняла кончики тонких губ. Глаза, в которых видна не то доброта ребенка, не то сверхчеловеческая тоска. Сутана с белым воротничком и черная шапочка священника. Смотрите внимательно, запомните это лицо. Его имя Жан Мелье. Придет время, когда будут уверять, что его просто не существовало. Он был очень умен и поэтому все понимал, он был честен, и поэтому вся жизнь его была пыткой, он был добр, но сумел заговорить лишь после смерти.

В насыщенное войнами, восстаниями и великими людьми царствование Людовика XIV рождение еще одного подданного, Жана Мелье, не могло заинтересовать никого, кроме его родителей.

Жерар Мелье и Симфориенна Бреди, скромные сельские кустари, в июне 1664 года могли похвастаться перед соседями здоровым малышом. Деревенька Мазерни, где родился наш герой, была такой же живописно нищей, как и множество других деревень в Шампани. Сборщики налогов исправно помогали крестьянам избавиться от всего, что делает жизнь мало-мальски привлекательной и сытой. Именно поэтому крестьяне каждый день произносили молитву и учили этой молитве своих детей: «Господи, сделай так, чтобы мы умерли в этом году». Мальчик учился хорошо, и у его родителей созрел честолюбивый план сделать из сына священника. Мы можем только догадываться, сколько пота и изобретательности потребовалось родителям Жана, чтобы собрать деньги на обучение и утаить их от местного сеньора и сборщиков налогов. Почти несбыточная мечта свершилась. Жан Мелье учится в духовной семинарии Реймса. Как к этому счастливому событию отнесся сам Мелье, мы знаем абсолютно точно от него самого. «В молодости меня уговорили принять духовное звание, я пошел на это, чтобы не огорчить своих родителей». В 23 года Жан Мелье оканчивает семинарию. Он священник — часть привилегированного первого сословия. В 24 года кюре получает самостоятельный приход.

Деревня Этрепиньи всего в 10—12 километрах от родного дома. Приземистая романская церквушка, в доме при которой кюре Мелье проживет всю жизнь. Материальная обеспеченность и покой. Уважение прихожан. Скрупулезное, добросовестное выполнение своих обязанностей. Закон не обязывал кюре заниматься светскими делами, но как-то уж так получалось, что начитанный и добрый пастырь ведал всей жизнью деревни. Без него не было ни свадеб, ни похорон. Он же, как самый справедливый, раскладывал налоги между крестьянами. От кюре

крестьяне узнавали о событиях в далеком от них королевском дворце, о войнах, победах и поражениях. 150 жителей деревни были для Мелье второй семинарией. Он знал, как мучились их бранные тела и к чему стремились нетленные души, любил их и отдавал им от своего добра все, что мог. Служащий мессу Мелье казался крестьянам существом сверхъестественным, а то, что он не был похож на своих жадных братьев и не вымогал последний грош, делало его человеком, которого любили.

Он знал о них все, но они не знали о нем ничего. И когда Жан Мелье заходил в свой просторный дом, наверное, многие завидовали этому уверенному счастью. Счастью?

Вся тихая, 65-летняя жизнь честного кюре Мелье была мучением, и единственным человеком, который это знал, был он сам. Как трудно думать одно, а говорить и делать другое. В недобрую эпоху жил Жан Мелье. Всю жизнь он был вынужден учить своих прихожан вере в бога, в которого он не верил. Он должен был учить их почитать власть имущих, живя мечтой уничтожить эту власть. Он как католический священник дал обет безбрачия, но в доме жила 23-летняя «кузина» на положении служанки. Он, человек мятежного духа и неуемных страстей, должен был жить спокойно и молчать, хотя мечтал говорить со всем миром. Он всю жизнь боялся, что не выдержит тихой роли доброго пастыря, боялся заговорить. Только один раз Жан Мелье не сдержался, и как же дорого это ему обошлось!

Шампань была одной из немногих провинций Франции, где в XVIII веке все еще существовало крепостное право. Сеньор де Тули, как и другие дворяне, обладал многочисленными, нигде и никем не записанными правами по отношению к своим крестьянам. Ему платили за пользование земельным участком, выкупали «право мертвой руки» (сеньор имел право отнять надел у родственников после смерти крестьянина), платили за помол зерна, прогон скота, «с колеса» и «на голубятню», платили за переезд через мост, даже если мост уже давно не существовал, платили... Боюсь, читатель устанет от простого перечисления всех поборов. Поэтому нас не удивит зарисовка современника Мелье, писателя Жана де Лабрюйера: «Порою на полях мы видим каких-то диких животных мужского и женского пола: грязные, землисто-бледные, спаленные солнцем, они склоняются к земле, копая и перекапывая ее с несокрушимым упрямством; они наделены, однако, членораздельной речью и, выпрямляясь, являют нашим глазам человеческий облик; это и в самом деле люди. На ночь они прячутся в логова, где утоляют голод ржаным хлебом, водой и кореньями. Они избавляют других людей от необходимости пахать, сеять и снимать урожай и заслуживают этим право не остаться без хлеба, который посеяли».

Если королевские налоги, чудовищные и разорительные, были хотя бы заранее известны, то сеньор творил полный произ-

вол. Мы не знаем, что нового придумал сеньор де Тули на этот раз. Известно только, что крестьяне пришли за помощью к своему кюре. Жан Мелье достаточно умен, чтобы понять всю бесполезность бунта, но 150 жителей Этрепины смотрят на него с надеждой. И Мелье выступил вместе с крестьянами против их притеснителя. Кюре категорически отказался оказать сеньору особые почести во время богослужения. Тогда самодур де Тули стал трубить в охотничий рог во время проповеди кюре, мешая ему говорить. Мелье ответил речью к прихожанам о зле всего дворянского сословия. Он зашел слишком далеко.

В Реймс к архиепископу несется один донос за другим. А безукоризненно ли поведение пастыря в личной жизни? Епархиальная комиссия не замедлила появиться. «Кюре Жан Мелье невежествен, самонадеян, очень упрям и непокладист; человек он состоятельный и пренебрегает церковью. Он вмешивается в решение вопросов, в которых не разбирается, и упорствует в своем мнении».

Бунтарь-мужик — это естественно, но бунтарь-кюре? Жан Мелье и Антуан де Тули в июне 1716 года предстали перед архиепископом. Преступление? Нет, тихий кюре Мелье, конечно же, действовал под влиянием бесовского ослепления. Месяц уединения в Реймской духовной семинарии — и кюре как добрый католик произнесет молитву за сеньора перед всеми прихожанами. Разве не так?

Мелье оглядел собравшихся притихших крестьян. «Вот какова обычно судьба бедных сельских кюре. Архиепископы, которые сами являются сеньорами, презирают их и не прислушиваются к ним, у них есть уши только для дворян. Вознесем же молитву за сеньора нашего селения. Попросим бога за Антуана де Тули, да обратит он его и да ниспошлет ему благость впредь не обращаться дурно с бедными и не обирать сирот».

Снова донос взбешенного сеньора — и снова взыскание от архиепископа. «Кузина» вынуждена уйти. Жан Мелье, добрый католик, смирился. Он не произнесет больше ни одной вольнодумной мысли. Кюре Мелье будет образцово выполнять все свои обязанности.

Вы разочарованы? Вы ожидали упорной борьбы с местным сеньором и архиепископом? Призыв к вооруженному бунту? За Мелье, без сомнения, пошли бы крестьяне. Борьба за справедливость всегда внушает уважение, но что бы изменилось? К многим сотням крестьянских восстаний в «счастливое» царствование Людовика XIV добавилось бы еще одно. Жан Мелье погиб бы как герой, и память о нем вдохновляла бы людей в будущем? Нет. Две надгробные плиты — церковь и государство раздавили бы мелкого деревенского священника без всякого шума, и никто никогда не услышал бы ни единого его слова. А в деревнях, где его знали, новый, понаторевший в богословии и софистике кюре раскрасил бы его самыми дьявольскими красками. И на-

верняка среди этих же крестьян нашлись бы те, которые, нерешительно пожав плечами, сказали бы: «А может, все это и правда? Станный человек был этот кюре Мелье».

Первая треть XVIII века. Мир полон великих событий и великих людей. Член и президент Лондонского королевского общества Исаак Ньютон издал свой фундаментальный труд «Оптика». Джонатан Свифт в памфлете «Сказка бочки» издевается над извращениями и нелепостями в религии, науке, литературе, духовной жизни современного ему общества. Работает полный творческих надежд Иоганн Себастьян Бах, гениальный композитор и органист. Карл XII, шведский король, уже ведет на погибель свои войска в Россию.

Кому какое дело до богом забытой деревеньки в Шампани и какого-то Жана Мелье? Деревня Этрепиньи спит. Кюре Мелье может позволить себе роскошь жечь по ночам свечи. Он старательно пишет. Теперь он знает, что ему делать. Так легко закрыть рот живому, но как заставить молчать мертвого? На его стороне вековые традиции, последняя воля покойного — закон. Это и будет его последняя воля: рукопись прочтут после его смерти прихожанам Этрепиньи. О ней заговорят в Реймсе и в Париже, его услышит вся Франция. Нет, его нельзя будет обвинить в желании суетной славы. Сам Жан Мелье будет мертв, но он расскажет людям все, что он понял и чем мучился всю жизнь, и каждое слово его будет правда. «Мои дорогие друзья, я не мог сказать вам при жизни того, что я думаю, и решил поделиться с вами своими мыслями после смерти».

Он пишет просто, без всяких литературных фокусов. Нет здесь блестящей афористичности речи, как у столь любимого Мелье Мишеля Монтеня. Сейчас это кажется немного скучным и довольно длинным.

— Все люди равны по природе. Король, подданный, васал, раб — все это звания, созданные тщеславием, несправедливостью и тиранией. Как будто две расы людей живут в одном обществе. Одна ничего не делает, наслаждается и повелевает, другая трудится, страдает и повинуется. Первых несравненно меньше, чем вторых. Как же может существовать подобная несправедливость? Благодаря прямому насилью государства, тот, кто выступает против него, рискует погибнуть. Но государство было бы бессильно, если бы не хитрая ложь, в которую поверили люди, — религия. Вот величайшее зло, тесный союз двух видов лжецов — духовенства и светских правителей. Религия поддерживает правительство, хуже которого не может быть, правительство поддерживает религию, глупее которой быть не может. Если бог мудр и справедлив, то как он терпит такое зло, как неравенство и тирания королей?

«Вам говорят о дьяволах, дорогие друзья; вас пугают одним только именем дьявола. Но знайте, что для вас нет более злых дьяволов, чем знатные, великие и богатые: они вас грабят,

они вас мучают, они делают вас несчастными. Живописцы ошибаются, рисуя дьяволов в виде безобразных противных чудовищ. Их следует изображать в виде красивых господ или в виде прелестных дам и девиц, наряженных, напудренных, завитых и блистающих золотом, серебром и драгоценными камнями. Дьяволы художников — химера. А эти дамы и господа реальны, как и зло, которое они причиняют».

«Людовик XIV прозван Великим, но он заслужил это не великими и достойными похвалы деяниями — таких за ним нет, а великими несправедливостями, великими опустошениями, великими убийствами, виновником которых он был».

— Христианская мораль служит порабощению человека. Любить своих врагов и делать им добро? Это правило противоречит здравому смыслу. Вполне естественно ненавидеть зло и защищаться от несправедливости. Только народ может спасти себя. Король и знать сами являются носителями зла. На лжи и суеверии основываются их власть и доходы. Те, кто любит сладкую жизнь, не будут бороться, так как борьба всегда связана с мучениями и преследованиями. Умные и просвещенные люди все понимают, страх преследований закрывает им рот. Они не решаются идти на гибель во имя истины. «Объединяйтесь же, народы! Стоит вам захотеть — и тирания падет». «Ниспровергайте повсюду троны... Размножьте все эти коронованные головы».

Ему надо спешить. Строчки сливаются и тускнеют. Жан Мелье слепнет.

Необходимо равенство в труде и пользовании благами труда. Все жители города и прихода составят как бы одну семью. Частной собственности не должно существовать. Выборные мудрецы, «старцы», будут руководить обществом, живущим по справедливому закону. Не будет краж, убийств, никому не придется надрываться на чрезмерной работе. Юридического брака не должно быть. Женщины и мужчины в своих половых отношениях будут совершенно свободны. Нет, конечно, не о беспорядочных половых связях думал Жан Мелье. Он хотел, чтобы любовью можно было гордиться, а не униженно прятать ее от людей (как это пришлось делать ему самому из-за нелепых законов). Он мечтал о свободе выбора любимого человека независимо от имущественного положения или от положения на иерархической общественной лестнице. Не будет несчастных браков, дети не станут страдать от голода и дурного обращения. Община сможет содержать их и воспитывать за свой счет, чтобы они вырастали образованными и честными людьми.

Нет, не далеко ушел Жан Мелье от предшествующих утопистов. Но кто и когда до него столь последовательно и логично отвергал частную собственность и монархию, религию и философию? И, наконец, он был первый, кто заявил о необходимости насильственного изменения существующего строя.

Конечно, Мелье утопист. Важнее другое: он не жил в мире иллюзий. Не существовало во Франции времен Мелье той силы, которая могла бы «размозжить коронованные головы». То, что современный ему общественный порядок нужно уничтожить вооруженной рукой народа, чтобы создать новые, невиданные отношения между людьми, — это гениальное открытие.

Дописываются последние строки: «Я не сделал в своей жизни ничего преступного. Но на меня, несомненно, будут клеветать после моей смерти, будут оскорблять меня, и только за то, что я осмелился сказать правду. Пусть думают, что хотят, судят, как хотят, говорят и делают все, что хотят, это меня не беспокоит ничуть... Я почти уже не принимаю участия в том, что делается в мире».

Толстая, в 366 страниц, рукопись переписывается в трех экземплярах, которые будут находиться в разных местах. Его обязательно должны услышать, он не может рисковать.

Жан Мелье умер между 28 июня и 6 июля 1729 года. Точная дата неизвестна. По мнениям биографов Мелье, возможно, он покончил с собой. Может быть, это обстоятельство и помогло не выполнить его последнюю волю. Власти изъяли два экземпляра мятежного сочинения из бумаг покойного кюре. Но один экземпляр не удалось опечатать молчалием. Предосторожность Мелье оказалась не напрасной. К середине XVIII века по Франции уже путешествует множество рукописных списков.

На шестнадцать книг личной библиотеки Вольтера стоит его помета — «опасная». Среди них — сочинение Жана Мелье. Именно Вольтер и придумал название этому труду, настолько точное, что оно навсегда соединилось с этим сочинением, — «Завещание».

Из письма Вольтера: «Но вы ничего не сказали мне о дьявольской книге этого кюре Жана Мелье; это произведение, крайне необходимое демонам, превосходный катехизис Вельзевула. Знайте, что это очень редкая книга, это сокровище». Неподдельное восхищение «властителя дум» звучит в этих словах. Но, восхищаясь, Вольтер боялся. Книга Мелье звала к революции. Что может быть страшнее, чем бунт черни? Нет, этому Вольтер не учил никогда.

Вольтер считает, что «Завещание» обязательно нужно напечатать, но не так, как написано у мятежного кюре. «Оно написано с грубой простотой, которая, к несчастью, походит на искренность». Мелье выступил против деспотов, против имущих, против богов. Такое нельзя давать в руки народу, но «гадину» — церковь — надо раздавить. Вольтер из чересчур опасного произведения делает изящнейшее изложение — «Избранные мнения Жана Мелье». Это будут читать все, но даже в урезанном виде «Завещание» поразит современников. Власти вызовут к этой работе огромный интерес, так как самая лучшая реклама для книги — ее запрет.

Вольтер окажет «прекрасному катехизису Вельзевула» недобрую услугу. Имя Мелье сравнительно ненадолго станет знаменитым, но его настоящий труд будет забыт. Забыт настолько, что даже найдутся почтенные профессора, которые заявят: «Жана Мелье вообще не было, имя его просто выдумка «фернейского остроумца».

Какой бы богатой фантазией ни обладал Жан Мелье, он наверняка и представить себе не мог, что произойдет в дальнейшем с его работой и его именем.

27 брюмера второго года Республики левый якобинец Анахарсис Клоотс с трибуны Конвента провозгласил: «Я требую воздвигнуть в храме Разума статую первому из священников, отрешемуся от веры». Речь шла о Жана Мелье. Декрет был передан для исполнения.

Сколько парадоксов в истории! Человек, низвергавший всех богов, попадает в качестве нового бога в храм. Культ Разума — французская буржуазная революция попыталась совместить столь разные понятия. Новый культ не привился. Мысль и поклонение несовместимы.

Дени Дидро напишет стихи, где использует рассказ Мелье о некоем простолудине, желавшем удавить всех последних сильных мира кишками последних священников. Эти стихи Дидро прочтет А. С. Пушкин. И около 1820 года в России, в накаленной атмосфере тайных обществ будущих декабристов, станут читаться эти, уже созданные Пушкиным строки:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим

А ведь после смерти Жана Мелье пройдет без малого столетие.

В 1847 году «Общество святого Виктора» издаст подленькую книжонку, где будет рассказана трогательная история о добром католике Мелье, помутившемся рассудком после шестидесяти лет, но осознавшем свои ошибки и умершем примиренным с церковью. Десятки лет с «Завещанием» знакомилась лишь по его изложению Вольтером. Только в 1864 году в Амстердаме был напечатан полный текст «Завещания», случайно найденный в букинистической лавке.

Ценнейшая научная находка? В 1955 году в Риме проходил X Международный конгресс историков. О Жана Мелье сделал доклад советский ученый Б. Ф. Поршневу. Французская газета «Монд» выразила крайнюю скорбь по этому поводу: «Грубые аргументы Мелье еще могли бы послужить для антирелигиозной пропаганды среди советских масс, но приходится сожалеть, что тамошние образованные умы думали обнаружить здесь творение, имеющее литературную ценность или образец фран-

цузской ясности». Вспоминаете Вольтера и его заботу о литературном стиле?

Его отвергают до сих пор, упорно не желая замечать. На родине Мелье «Завещание» было издано всего один раз, мелким анархистским издательством, да и то в урезанном виде. И дело тут не в привлекательности коммунистических идей, высказанных столь наивно Жаном Мелье.

Человек, призывающий к насильственному свержению освещенного временем режима, представляет опасность для государства во все времена, независимо от того, реакционные или прогрессивные идеи он проповедует. И этот, самый страшный, с точки зрения властей предрержащих, грех может быть признан добродетелью лишь в том случае, если отвечает сегодняшнему интересу существующего общественного строя.

Жан Мелье не первый написал о коммунистическом обществе, но он был первый, заявивший, что только революцией народ может этого общества добиться. И еще Жан Мелье учит потомков мыслить и говорить правду, а это, пожалуй, не менее трудно, чем низвергать королей.

ЯРКИЕ ИСКРЫ ГЕНИЯ

Граф Бальтазар де Сен-Симон, кавалер де Рувруа, принимает поздравления. Его первенец Клод Анри, без сомнения, добьется богатства и славы для древнего рода Сен-Симонов, получившего начало от самого Карла Великого (так во всяком случае уверяет сам граф Бальтазар). Юный граф Анри де Сен-Симон будет и миллионером, и мировой знаменитостью, но если бы только граф Бальтазар мог догадаться, какие идеи станет проповедовать его сын, он бы наверняка не радовался так 17 октября 1760 года, принимая гостей.

Граф Бальтазар — просвещенный человек. И хотя он считает себя неудачником, а свои доходы небольшими, но своему сыну он сумеет дать достойное воспитание.

«Меня завалили преподавателями, — напишет позже Анри де Сен-Симон, — не давая времени подумать над тем, что они преподавали. В результате семена науки, воспринятые моим умом, могли взойти лишь много лет спустя после посева». Сколько же их было, радеющих о его душе и теле! Аббат, рассказывающий о промысле божьем, гувернер, заставляющий обтираться холодной водой, учителя математики, астрономии, истории и геральдики, латинского и греческого языков, танцев, фехтования, хороших манер.

Окружающий мир непонятен. Дома, в Париже, и в Пикардии, в родовом замке Берни, пышные приемы, великосветские сплетни, роскошные выезды. А если выйдешь за ворота замка и пойдешь прогуляться в принадлежащую графу Бальтазару деревню, увидишь совсем иную жизнь: крохотные, крытые соло-

мой хижины, тощий скот, землистые, отупевшие от бесконечной работы лица крестьян. Почему так странно устроен мир? Кто же может все объяснить? «Мой дорогой мальчик, упражняйте свою логическую мысль, пользуйтесь разумом и смело идите, куда бы он вас ни привел. Разум, хорошо направленный, умеющий делать выводы из фактов, непогрешим. Это единственное, что есть непогрешимого на нашей земле». Мсье Жан Лерон д'Аламбер, философ, физик, математик, член двух академий, один из главных редакторов «Энциклопедии», сухой, вежливый, с безукоризненной дикцией, продолжает урок. Конечно, только из уважения к старинному роду Сен-Симонов он согласился заниматься с мальчишкой. Впрочем, Анри неглуп. Ему не хватает лишь правильного метода и системы в мышлении, а поэтому, считает д'Аламбер, меньше новых фактов, больше анализа и синтеза.

А граф Бальтазар, наблюдая за сыном, не знал, радоваться ему или негодовать. Мальчик прилежен, успехи в науках превосходны, но характер! Однажды Анри укусила бездомная собака. Он не проронил ни слезинки, сам прижег укус раскаленным углем и засунул пистолет за пояс, чтобы покончить с собой при первых признаках бешенства. А когда один из воспитателей решил повлечь на Анри испытанным методом и стал раскладывать в классной комнате розги, Анри, не говоря ни слова, вынул из кармана перочинный нож и воткнул его в ягодицу своего «карателя». Неизвестно, о чем беседовал старый граф со своим сыном, но розги к Анри не пытались более применять никогда.

Может быть, это и неплохо, что аристократ Анри де Сен-Симон умеет постоять за себя, но всему есть мера. Тринадцатилетний мальчишка осмеливается заявить отцу, что он не поедет принимать причастие, так как не верит в церковные таинства. «Я не могу поступать наперекор своим убеждениям». Как это вам нравится?! Сам граф Бальтазар достаточно образован, не без удовольствия почитывает Вольтера или вольнодумную «Энциклопедию», но есть общественные условности. Розги отменены? Есть другое средство. Он, граф де Сен-Симон, имеет право отправить своего сына в крепость и держать его там в одиночной камере, пока мальчишка не образумится.

Башенные часы крепости Сен-Лазар протяжно отбивают время. Гремя связкой ключей, сторож приносит еду, и снова безысходное молчание. Покаяться? Но Клоду Анри каяться не в чем: даже ради свободы нельзя идти против своей совести. Он пытается расположить к себе сторожа, чтобы тот отпустил его на волю, но в ответ — лишь похохатывания тюремщика. Что ж, если никто не хочет ему помочь, то остается или смириться, или спасти себя самому. Он выждал момент. Стонущий тюремщик лежит на полу, ключи у Анри. Свобода!

Клод Анри снова в родительском замке. С ним говорят веж-

ливо, но холодно. Пусть слушник чувствует себя неуютно. Он много читает. Сочинения великого философа Жан-Жака Руссо заставляют задуматься. Золотой век человечества в прошлом, утверждает прославленный автор «Новой Элоизы» и «Общественного договора». Когда-то земля принадлежала всем, но бесчестные люди расхитили общественное достояние. Естественное равенство сменилось искусственным неравенством. Необходимо вернуться назад, к природе. Но если Руссо прав, то зачем изучение наук, строительство новых городов, открытие новых земель? Неужели справедливая жизнь в прошлом, а не в будущем? Слишком много Сен-Симон хочет знать в свои шестнадцать. Он едет за ответом в тихий Эрменонвиль, к самому Жан-Жаку. Он безмерно честолюбив. «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!» — каждое утро слуга произносит эту фразу по приказу Анри.

Отношения с сыном натянутые, но на этот раз граф Бальтазар, кажется, доволен. Наконец-то его сынок решил заняться делом. Анри отправляется под начало своего родственника маркиза де Сен-Симона в Туренский пехотный полк. Где же и показать себя настоящему аристократу, как не на военной службе?

Маленький захолустный городишко. Однообразное, серое существование. Занятия с солдатами шагистикой и отупляющее безделье. Дисциплина? Это для рядовых. Граф Анри де Сен-Симон может позволить себе развлечься. Версаль недалеко — вот где настоящая жизнь!

Сколько интересных новостей! Во Францию приехал Бенджамин Франклин, посол из Америки. Огромная меховая шапка и коричневый кафтан — по мнению света, «очаровательный дикарь». «Дикарь», вождь и вдохновитель американской революции, известный всему миру ученый, писатель и общественный деятель, один из самых замечательных людей XVIII века, прибыл из английских колоний в Америке: там бушевала война за независимость. Ему надо достать оружие, и он нашел делового человека. Пьер Огюст Карон Бомарше, автор «Женитьбы Фигаро», крупный коммерсант, понимает, на чем можно заработать: «Ваши депутаты найдут во мне верного соратника, в моем доме — надежное убежище, в моих сундуках — деньги». Но что скажет двор?

Конечно, подписанию американо-французского договора предшествовали долгие и трудные переговоры. Для Франции Англия — главный соперник в торговле и борьбе за колонии. Но, с другой стороны, какво монархической Франции поддерживать «мятежников» против английской короны? Эти и многие другие вопросы волновали политиков, финансистов, военных. Общественное же мнение рождалось благодаря тем внешним, подчас анекдотическим историям, которые поражали воображение, запоминались, вызывали симпатию и, следовательно, сочувствие.

Франклин играет в шахматы с герцогиней Бурбонской. Забавно! Разве эта деревенщина из Нового Света может знать секреты столь утонченной игры? Смелая комбинация, и Франклин снимает короля знатной противницы. «Но королей не снимают!» — протестует герцогиня. «В Америке снимают». Бенджамин Франклин улыбается. Двор очарован. Появилась мода на одежду «а-ля Франклин». И в Америку отправляют обмундирование для 20 тысяч солдат, 100 тонн пороха, 30 тысяч мушкетов и, главное, пушки. 6 февраля 1778 года Франклин подписал официальный договор о союзе с Францией.

Сен-Симону — девятнадцать. Листать книжки и покорять дам он научился. Неужели это все? За океаном лучшие люди сражаются за справедливость и свободу — не там ли его настоящее дело?! Анри де Сен-Симон подает заявление, прося зачислить его в экспедиционный корпус, отправляющийся в Америку, конечно же, без жалованья: он не наемник, а борец за справедливость! «Американская война не интересовала меня сама по себе, но цели войны интересовали настолько, что я безропотно переносил все невзгоды».

Он участвует в пяти кампаниях, он храбр до отчаянности. «Так как я все эти дни и почти все ночи находился в огне, отчасти по обязанности, отчасти из любопытства, то мои уши привыкли к грохоту бомб, ядер и пуль... Я отделался очень легко — получил всего несколько контузий при взрыве снарядов, но о них не стоит и говорить... Господин маркиз де Сен-Симон расскажет вам о моем поведении, которому он был свидетелем, и это заставит вас возратить мне вашу дружбу, которой меня отчасти лишила моя молодость. Это мне дороже всего на свете...» На это письмо к отцу Анри де Сен-Симон ответа не получил. Старый граф Бальтазар скончался.

Способный, храбрый офицер замечен и получает повышение: теперь он командир артиллерийского отряда. Осенью 1781 года в решающей битве при Йорктауне английские войска были разгромлены. Сам генерал Вашингтон написал Сен-Симону письмо с благодарностью и представил его к награждению высшим орденом Республики — Цинцинната. И именно тогда Сен-Симон понял: война не его дело. Исход войны давно ясен, долг выполнен. Он возвращается домой на корабле «Виль-де-Пари» вместе с флотом французского адмирала Грасса. У островов Святых корабли атакованы английской эскадрой. Анри очнулся, когда дюжие матросы собирались бросить его бесчувственное тело за борт. С трудом он поднял руку, матросы остановились. Вместе с экипажем Анри де Сен-Симон в плену у англичан. Его отвозят на остров Ямайка, и все же Сен-Симон родился под счастливой звездой. Когда-то под Йорктауном он спас от расстрела молодого англичанина, и вот волею судеб этот английский офицер здесь, на Ямайке. Конечно, он все сделает для сносной жизни в плену своего благородного противника. Не прой-

дет и года, как мир с Англией будет подписан, а Сен-Симон получит желанную свободу.

Он не торопится домой. Отец мертв, мать, младшие братья и сестра совершенно чужие ему люди. Для них Сен-Симон — нераскаявшийся грешник, от которого лучше держаться подальше. Анри отправляется в Мексику. В 1783 году вице-король получает сумасшедший проект о сооружении Панамского канала (будет построен в 1914 году), который соединит Атлантический и Тихий океаны и принесет баснословные прибыли. Но «мой проект был холодно принят, и я его оставил», с ледяным спокойствием повествует Сен-Симон. Он возвращается в родовое имение.

Герой Йорктауна нищ. Семья разъехалась. Замок в Берни, отель в Париже — все в руках кредиторов. После смерти отца он как старший должен наследовать титул и земли. На его титул никто не претендует, а вот без доходов с земель придется обойтись. Конечно, обидно потомку Карла Великого жить на офицерское жалование, но разве это самое страшное в жизни? Ему дают чин полковника и назначают две пенсии. 3 тысячи ливров — негусто, но впереди блестящая карьера. «Праздность, в которой я пребывал, мне скоро наскучила. Учение летом, придворная служба зимой — такая жизнь была для меня невыносимой. В 1785 г. я отправился в Голландию».

Это были странные четыре года. Купаясь в проектах, строя грандиозные планы, он не чувствовал удовлетворения. В Нидерландах Анри де Сен-Симон разрабатывает детальный план завоевания Индии. Он готов еще раз ударить по английской колониальной мощи. Но когда становится ясно, что экспедиция никогда не состоится, Анри без сожаления отправляется в Испанию. Почему бы не прорыть канал, соединяющий Мадрид с морем? Дело, без сомнения, интересное и выгодное. Граф Кабаррю, директор одного из французских банков, будет финансировать предприятие, а Сен-Симон обеспечивает его рабочей силой и берет на себя непосредственное руководство строительством.

Во Франции — революция! Новость была ошеломляющей. Сен-Симон бросил все и помчался в Париж. «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!» Теперь он знает, что надо делать.

Осенью 1789 года в коммуну Фальви, в Пикардии, в деревеньку, когда-то принадлежавшую графу Бальтазару, приехал человек, которого знали многие крестьяне. Сын их бывшего сеньора поселился в самом бедном доме. Он ходит на полевые работы и объясняет крестьянам принципы свободы и равенства, пишет для своих земляков петиции и указы. Нет больше графского титула. Разве не выше звание гражданина? Но он наотрез отказывается от всех предлагаемых ему постов: «Пока продолжается революция, бывших дворян и священников опасно назначать на общественные должности». Во всем и всегда Сен-Симон идет до конца. Он более не граф, но он Сен-Симон. Ему

надо смыть пятно своего аристократического происхождения. Эпоха диктовала свои правила. Принц королевского дома Филипп Орлеанский берет себе фамилию Эгалите (Равенство), а рядовой священник гордо именуется Пьер Республика. Сен-Симон не хочет яркого имени, пусть его зовут Клод Анри Боном (простака, мужик).

Он добивается, чтобы военный министр наградил его орденом святого Людовика (боевой орден, дающийся только дворянам). Зачем? Чтобы и этот орден вместе с орденом Цинцинната, Мальтийским крестом и дипломом полковника положить на стол городского совета. (По постановлению совета бумаги сожжены, ордена отправлены на переплавку.)

Гражданин Бонем начинает новую жизнь.

Революция продолжается. Францию раздирают социальные учения и политические партии. Крупные собственники реально захватили власть. Что изменилось для простых людей? Бесплезно барахтаться в тине политических систем. Революция уничтожила старый мир и теперь должна закончиться. Нужно искать другой, мирный путь. Он вспоминает Америку (которую Сен-Симон идеализирует). Только развитие индустрии, предпринимательская деятельность могут излечить страну от нищеты. А для этого нужны огромные деньги. Крестьянская куртка гражданина Бонема, как и сам гражданин Бонем, скончавшаяся химера. Анри Клод Сен-Симон, спекулянт и предприниматель — новая реальность.

Внешний долг Франции был огромен, а денег не хватало даже на выплачивание процентов по займам. В конце 1790 года Учредительное собрание стало продавать земли, конфискованные у церкви и роялистов. Одним декретом уничтожались две проблемы. Вырученные деньги пойдут на уплату долгов, а земля улучшит благосостояние крестьян. У Сен-Симона деловая хватка. Главное — аграрная проблема! Только решив ее, можно облегчить положение подавляющего большинства нации — крестьянства. Муниципалитеты продают целые массивы, крестьянину столько не заплатить. Значит, нужно скупать самому и, разбивая землю на маленькие участки, перепродавать их мелким буржуа и крестьянам. Все дело тормозит пустяк, надо достать оборотный капитал. Сен-Симон едет в Париж и встречается со знакомым еще с испанских времен бароном Редерном, немецким дипломатом. Да, у этого Сен-Симона голова работает. Болтовню о помощи крестьянам барон пропускает мимо ушей. Главное — столбцы цифр, которые неопровержимо доказывают фантастические доходы. Именно такой человек и нужен Редерну, ведь он сам, как иностранец, не может скупать и продавать. Договор заключен. «Кто хочет цели, должен любить и средства». Сен-Симон начинает делать деньги.

Народ Франции не желает окончания революции. В стране голод. Армии европейских монархов рвут страну на куски, а

король и офицеры-дворяне палец о палец не ударяют, чтобы спасти родину. Якобинцы поднимают народ. Восстание 10 августа 1792 года — взят королевский дворец Тюильри. Тысячелетняя французская монархия прекратила свое существование. 1793 год — бывший король Людовик XVI кладет голову под нож гильотины. Летом 1793 года во Франции якобинская диктатура.

Земельные владения Сен-Симона огромны. Кто из его предков (кроме Карла Великого) имел столько?! Доходы давно перевалили за миллион. Нет, не якобинцы с Робеспьером во главе спасут нацию. Преобразует страну только индустрия. Еще несколько миллионов и можно бросить спекуляцию, приступить к настоящему, действительно великому делу.

До Сен-Симона доходят неприятные слухи. Бывший граф вызывает подозрения. Какие у него связи с прусским дипломатом Редерном? А его родня разве не эмигрировала за границу? Какими темными аферами наживает деньги гражданин Сен-Симон? Надо бежать, или он потеряет все. Оседланная лошадь готова, Сен-Симон выходит из дома. Агенты трибунала подходят к нему: «Здесь живет господин Сен-Симон?» Равнодушный взгляд: да, на втором этаже. И пока гости поднимаются по лестнице, Сен-Симон скачет прочь.

Он был аристократом и бунтарем, нищим и спекулянтом, но никогда не был подлецом. Домохозяин Сен-Симона, гражданин Леже, арестован и обвинен в содействии побегу своего жильца, его ждет гильотина. Из-за него, Сен-Симона, может погибнуть невинный человек, и Клод Анри сам приходит в революционный трибунал.

Заклученный тюрьмы Сен-Пелажи исписывает лист за листом. Его арест — явная ошибка. Он гордится ненавистью, которую испытывает к знати. Он боролся за свободу в Америке. С начала революции он во Франции. Да, он спекулировал землей, но и это он делал для пользы революции. «Разве не очевидно, что все мои интересы связаны с поддержкой революции и что, показывая себя всегда и везде одним из наиболее преданных друзей ее, я стал одной из первых жертв контрреволюции?» Его дело не спешат разбирать. Сейчас не до Сен-Симона. Среди якобинцев раскол. Левые — Шометт и его группа — требуют реального улучшения жизни простых людей, обуздания спекулянтов и продолжения революции. Дантон и буржуазные нувориши говорят о свободе предпринимательства и прекращении революционного террора. А Робеспьер видит зло в обеих фракциях и отправляет их вождей на гильотину.

Через четыре с половиной месяца Сен-Симона переводят в «преддверие смерти» — Люксембургскую тюрьму. От спертго воздуха кружится голова. Сен-Симон заболевает лихорадкой. Нет, он не может умереть, он не совершил еще своего великого дела. «Душа тем больше доступна страстям, чем большей пыл-

костью она обладает. Поэтому не надо удивляться, что философы-изобретатели вели жизнь, полную волнений». Он знает, что ему надо делать. Жан-Жак Руссо ошибался, золотой век — это не прошлое, а будущее, и это будущее принадлежит простым труженикам. Как этого добиться? Он изучал много наук, он много видел и пережил. Теперь дело за тем, чтобы все науки, весь личный опыт привести в систему и создать стройное, общее учение, указывающее человечеству путь к счастью. Это и есть его великое дело.

Фактический глава якобинского правительства Максимилиан Робеспьер, расправившись и с правыми, и с виноватыми, оказался в одиночестве. Его ненавидела буржуазия, его не понимал народ. Этим и воспользовались заговорщики. 27 июля 1794 года (9 термидора по революционному календарю) Робеспьер арестован, а затем казнен. Революция закончилась. Наступило царство нуворишей.

Жертва якобинского террора, Сен-Симон на свободе. Он действительно родился в сорочке, он не только жив, он все так же богат. В суматохе на его имущество не был наложен арест. Прекрасно! Он строит ткацкую мануфактуру, открывает комиссионный магазин, торгует вином, создает парижскую компанию дилижансов. В 1796 году его, общее с Редерном, состояние — четыре миллиона ливров. Теперь хватит. «Легко понять, что в продолжение жизни со мной произошло много необыкновенных вещей. Я мог бы порассказать в самом деле много пикантных анекдотов, но это будет отдыхом моих последних лет; в настоящий же момент меня занимает более важное дело: оно поглощает все мое время и все мои силы. Я живу еще будущим». Спекулянта Сен-Симона больше не существует, наступило время Сен-Симона ученого.

Нет, еще не наступило: он знает мало, у него нет стройного мировоззрения, и для того чтобы оно появилось, нужно учиться. Привычный путь — изучение вороха книг, занятия в лабораториях — для него неприемлем: слишком долго. Сен-Симон избирает другой способ. Надо знакомиться с учеными лично. Нужно изучать не только науку, но и тех, кто ее создает. В живом общении он узнает многое за более короткий срок. Что для этого нужно? Модный салон, куда захотят приходить все. Опыт не удался. Ученые приходили, и время пролетало весело и приятно, однако знаний таким способом он не приобретал, только расходы на содержание открытого дома возросли необыкновенно. Барон Редерн вспомнил о своем компаньоне. «...Редерн, бывший моим компаньоном, воспользовался моей оплошностью. Он добивался богатства, я же стремился к славе. В денежном отношении он должен был меня обмануть; так в действительности и случилось».

Другой человек на месте Сен-Симона восстановил бы старые связи и вновь занялся сомнительными аферами. Сен-Симон

отнесся к потере богатства более чем спокойно. У него есть цель, этой цели он и посвящает свою жизнь. «Много великих затруднений должен был я превозмочь. Мозг мой потерял свою гибкость, я был уже немолод, но зато обладал большими преимуществами, такими, как длительные путешествия, общение со многими выдающимися людьми и мое первоначальное образование под руководством д'Аламбера». Он изучает физику и анатомию, проникается идеей систематизации всех наук. Остаток денег он тратит на путешествие в Германию, Англию, Швейцарию. Все увидеть, чтобы запомнить, осмыслить и привести в систему. Уже очевидно, что все прогнозы философов-просветителей XVIII века не сбылись. Где же обещанное царство свободы и разума? Место дворян заняли денежные воротилы, простые труженики получили только новое угнетение. Где выход? Он долго искал. Он нашел.

В 1803 году Сен-Симон издает «Письма женеvского обывателя», в которых разбирает французскую революцию 1789 года. Общество делится на три класса — ученые, художники; собственники; неимущие. Благодаря людям интеллекта произошло народное восстание. Старое, несправедливое общество было уничтожено. Ученые стали победителями, но неимущие пошли дальше, чем хотели их вожди. В результате — кровь и анархия. Вывод — революции дорого обходятся человечеству. Можно ли без революции «поставить человека в такое положение, чтобы его личные интересы и интересы общественные постоянно находились в согласии»? Выход прост: «Все люди будут работать: они все будут смотреть на себя как на работников, прикрепленных к мастерской... На каждого возложена обязанность постоянно давать своим силам применение, полезное для человечества. Место, которое каждый занимает в общественной системе, будет определяться не случайностью рождения, так как все привилегии будут уничтожены способностями. Каждому — по его способностям, каждой способности — по ее делам». Необходимо организовать общество на основе всеобщего производительного труда.

Эти «Письма» выйдут в свет крохотным тиражом. Их не заметят. Но вот как оценил работу Ф. Энгельс: «Уже в «Женеvских письмах» Сен-Симон выдвигает положение, что «все люди должны работать». В том же произведении он уже отмечает, что господство террора во Франции было господством неимущих масс... Но понять, что французская революция была классовой борьбой между дворянством, буржуазией и неимущими, — это в 1802 г. было в высшей степени гениальным открытием».

1805 год. Он дошел до крайней степени нищеты. Потомок Карла Великого обивает пороги сильных мира сего. Граф Сегюр (когда-то в период революции Сен-Симон спас ему жизнь) «щедро» отблагодарил нищего просителя: Анри Клод может занять место переписчика в ломбарде. Девять часов работы в

день, и Сен-Симон заработает как раз столько, чтобы не умереть с голоду.

Сен-Симон работает. Девять часов в ломбарде он добросовестно исполняет свои обязанности, а потом большую часть ночи продолжает разрабатывать общественную систему, которая благодетельствует человечество. Дни сливаются с ночами, растет кипа исписанных листов, он начинает харкать кровью.

Они с трудом узнали друг друга. Бывший богач Сен-Симон и его бывший слуга Диар. «Сударь, место, которое вы занимаете, недостойно вашего имени, как и ваших способностей: я прошу вас переехать ко мне. Вы можете располагать всем, что принадлежит мне; вы можете работать, как вам будет угодно: это будет лишь справедливостью по отношению к вам».

На деньги своего верного друга он издает в 1808 году новую работу — «Введение в научные работы XIX века». Это сочинение разослано многим политикам и ученым, Сен-Симон просит оказать ему помощь в дальнейшей работе. Его не удастаивают даже ответом. И новое несчастье — умер Диар. Сен-Симон снова на улице.

1812 год. Армия Наполеона вторглась в Россию. В Англии доведенные до отчаяния рабочие ломают машины, на которых они работают, полагая, что именно в них источник всех их несчастий (движение луддитов). Сколько крови и мук! А он, Сен-Симон, знает, как помочь миру, ему нужен суший пустяк: крыша над головой, немного еды, свечи для работы по ночам. «Будьте моим спасителем, я умираю от голода... Вот уже две недели я питаюсь хлебом и водой, работаю без огня; я продал все вплоть до одежды, чтобы оплатить издержки на переписку моих трудов. Страсть к науке и общественному благу, стремление найти способ для прекращения мирным путем страшного кризиса, переживаемого всем европейским обществом, довели меня до такой нужды. Поэтому я, не краснея, могу признаться в своей нищете и просить помощи, необходимой для продолжения моего труда». Спасителя не нашлось. Не хватает даже хлеба, но он не сдается.

Мысли выстраиваются в стройное учение: «Труд о всемирном тяготении», «Очерк науки о человеке», статьи в сборниках «Индустрия», «Организатор», работа «О промышленной системе». Большая часть рукописей переписывается и рассылается знаменитым ученым, в Государственный совет, в сенат и даже Наполеону. Вслушайтесь! Ведь то, что он говорит, очевидно. Время великой социальной реорганизации пришло. Он, Сен-Симон, может указать точно и ясно, как она должна производиться.

Человеческое общество развивается по восходящей линии, от низших форм к высшим. А поэтому «золотой век, который слепое предание относил до сих пор прошлому, находится впереди нас». От успехов производства зависит благосостояние

общества. Когда настанет расцвет промышленности и сельского хозяйства, будет покончено с нищетой народа. Развитие производства в конечном счете определяется «разумом», сменой господствующих в обществе идей (именно в этом, последнем утверждении мы можем видеть фантазию идеалиста).

Сен-Симон одним из первых сумел увидеть в истории классовую борьбу. Общество в изложении Сен-Симона делится на два класса — индустриалов и праздных. Индустриалы — те, кто занимается производством: владельцы заводов, рабочие, купцы, банкиры, их служащие. К индустриалам следует причислить ученых, артистов, художников, поэтов — всех, кто творит, трудится. Праздные — дворяне, священники, чиновники. При социализме (Сен-Симон пользовался другим термином: «промышленная система») праздные перестанут существовать, все люди будут трудиться. Анархия производства сменится четкой организацией. Он первый в мировой истории высказал гениальную догадку о плановом ведении хозяйства. Отпадет необходимость принуждать людей к труду, и, следовательно, управление людьми заменится управлением производством. Государство как аппарат принуждения перестанет существовать (это научно докажет К. Маркс, говоря о коммунистическом обществе). Все население земли образует всемирную ассоциацию, и тогда утвердится всеобщий мир. Страшное зло — войны перестанут терзать человечество. Как это произойдет? Мирно и постепенно. Крупные промышленники, больше всех заинтересованные в развитии производства и знающие нужды страны, возьмут все управление государством в свои руки. Он обращается и к ним, промышленникам, чьи административные способности уже проверены жизнью. Ему не отвечают.

Как в калейдоскопе, мелькают политические события. Нищая, разоренная наполеоновскими войнами Франция. Войска союзников входят в Париж. На французском троне восстановлена династия Бурбонов. Новый король Людовик XVIII, ничего не понявший и ничему не научившийся в изгнании. Ненависть народа и фантастическое возвращение Наполеона на сто дней. А потом битва при Ватерлоо и снова возвращение бездарного Бурбона.

Сен-Симону 55 лет. Его все-таки слышали. Около него — молодые люди, его ученики. «Хорошо выражают то, что хорошо понимают. И теперь, в результате многолетних трудов, я в состоянии изложить свои мысли четко и убедительно, а это главное для философа». Какие только гости не заходят к нему. У этого русского офицера слава отчаянного дуэлянта и волокиты, но как он умеет слушать! Он схватывает самую суть проблемы и умеет сжато сформулировать самые запутанные понятия. Сен-Симон общался со многими великими умами, но этот ироничный юноша не уступает им в ясности и глубине мышления. Конечно

же, он сумеет у себя, в России, толково изложить его учение. Как жаль, что с ним надо прощаться. Сен-Симон никогда не узнает, что так понравившийся ему офицер, будущий декабрист Михаил Лунин, не примет мирный путь Сен-Симона и после восстания на Сенатской площади, приговоренный Верховным уголовным судом к политической смерти и вечной каторге, погибнет 3 декабря 1845 года в Акатуевской тюрьме.

Сен-Симон не был сломлен ни работой, ни нищетой, он не терял уверенности и мужества. Но даже у очень сильных людей бывают минуты слабости. Что толку в его теориях, если мир все так же жесток. 9 марта 1823 года Сен-Симон разряжает пистолет себе в голову.

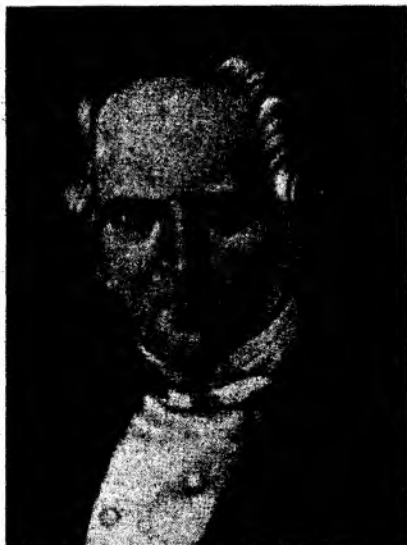
Сколько раз он уходил от смерти, ушел и на этот раз. Значит, великое дело еще не закончено. Он дописывает последние работы: «Катехизис промышленников», «Рассуждения литературные, философские и промышленные», «Новое христианство». Он (и в этом Сен-Симон делает шаг назад по сравнению с Жаном Мелье) полагает, что можно создать новое общество без уничтожения частной собственности, без революции. Люди не могут не понять, в чем их выгода, а поэтому власть имущие сами, сверху, совершат великий переворот.

Что поможет объединить людей разного имущественного положения, интересы которых, по мнению Сен-Симона, общие? Нравственная проповедь, выраженная в новой религии, — «новое христианство». Главный постулат ее: «Все люди — братья!» Наивно? Да. Нереально? Пожалуй.

Придет время, и величайшие умы человечества будут изучать его труды. Фридрих Энгельс напишет о ярких искрах гения у Сен-Симона. В 1897 году В. И. Ленин обратится с просьбой к родным из Шушенского: «Saint Simon'a мне бы хотелось иметь...»

19 мая 1825 года измученный болезнью, но не теряющий ясности мысли и мужества, Анри Клод де Сен-Симон умирал. Слабеющим голосом он торопился высказаться: «Помните, что для совершения великого дела необходима страстная увлеченность... Целью трудов моей жизни было создать всем членам общества широчайшие возможности для развития их способностей... вы приближаетесь к эпохе, когда хорошо рассчитанные усилия должны увенчаться величайшим успехом... Наше дело в наших руках...»

Шарль Фурье
1772—1837

СКАЗКА ФАЛАНСТЕРА

Сначала о яблоке. Как утверждал Шарль Фурье, все началось именно с него. В парижском ресторане ему пришлось заплатить за одно яблоко цену, за которую в Нормандии, откуда он только что приехал, он мог бы купить их сотню. Два яблока, говорил Фурье, сыграли в истории человечества роковую роль: яблоко Евы, навлекшее проклятие на человеческий род, и яблоко Париса, вызвавшее Троянскую войну. Два яблока человечество осчастливили: яблоко Ньютона и его. Чтобы понять, чем было необыкновенно яблоко Фурье, придется вернуться в годы его детства.

Из любой энциклопедии можно узнать, что город Безансон — родина трех великих французов: Пьера Прудона, Виктора Гюго и Шарля Фурье. Но в 1772 году, за семнадцать лет до Великой французской революции, когда родился Франсуа-Мари-Шарль Фурье, безансонцы могли похвастаться только постройками римской эпохи, богатой торговлей и патриархальной, не поддающейся новым веяниям провинциальной моралью.

Богатый дом негоцианта Фурье был воплощением устойчивости и порядка. Глава семьи пользовался уважением и кредитом. Его супруга славилась набожностью и умением беречь каждый сантим. Рождение трех дочерей принесло только заботы о будущем приданом, вот почему супруги Фурье были счастливы, когда бог подарил им, наконец, наследника и продолжателя торгового дела.

Юный Шарль не мог пожаловаться на отсутствие внимания к себе. Мадам Фурье, не довольствуясь собственными настав-

лениями, водила сына с одной церковной проповеди на другую. Мальчик просыпался по ночам от собственного крика: ему мерещились клыкастые черти, кипящие котлы и горящие грешники. Господин Фурье пытался увлечь сына иными материями — преимущественно сукном и шелком. Пятилетний мальчик путался под ногами покупателей и продавцов и, по мнению отца, проникался духом коммерции.

Шло время. Родители могли бы гордиться своим сыном: он успешно учился в коллеже, писал стихи, которыми восхищались, прекрасно рисовал, пел и играл на нескольких музыкальных инструментах. Деньги, которые ему давали, он тратил на приобретение географических карт и атласов. Его комната напоминала оранжерею, где Шарль выращивал редкие цветы. Он был послушен и никогда не шалил. Но вскоре выяснилось, что Шарль глуп: он отводил в сторону покупателей и в соответствии с божьей заповедью говорил им правду о негодном товаре, который они приобретали. Стало известно, что он лжив: на исповеди, напуганный загробным кошмаром, он покаялся во всех смертных грехах. И, наконец, открылось, что он расточителен: отправляясь в коллеж, он отдавал свой завтрак нищему. Его регулярно секли и искренне возмущались, что он не понимал, за что его бьют.

При подобном воспитании он мог стать трусом, обманщиком или циником. Этого не случится. Но до конца своих дней он будет упрямым и подозрителым. Именно эти качества воспитают в сыне супруги Фурье. И еще одно — упрямость. Никто и никогда не увидит улыбки Шарля Фурье.

Ему было девять лет, когда умер отец. Почтенный негодник указал в завещании, что сын получит свою долю наследства только в том случае, если станет заниматься торговлей. До совершеннолетия он полностью зависим от воли матери. Так что его судьба была безнадежно предрешена. Впечатлительный и болезненный мальчик не был способен на бунт. Напрасно после окончания коллежа Шарль умолял мать купить дворянский титул, дававший право поступления в военно-инженерную школу. Мадам Фурье решила, что для дальнейшей торговой деятельности продолжение образования излишне.

Не зная ни одного иностранного языка и не имея навыка самостоятельной научной работы, будущий великий социалист читал что придется, пополняя свои знания преимущественно из периодики. И, конечно, не эти случайные сведения позволят ему прийти к открытию. Природа наделила его памятью, наблюдательностью и фантазией. Он смотрел, расспрашивал, думал.

В ненавистном торговом деле, которое он вынужден изучать, есть только одна радость — путешествия. Лион, Париж, Руан, Бордо, Марсель — куда только ни ведет его корыстолюбивый бог торговли Гермес. Он аккуратно пишет матушке,

делясь планами, впечатлениями и отчитываясь в самых мелких тратах. Из Парижа: «Вы спрашиваете, пришелся ли мне по вкусу Париж. Без всякого сомнения. Он великолепен, и я был просто очарован, увидев Пале-Рояль. Первый раз кажется, что входишь в жилище фей. Здесь все есть, что только можно пожелать: прекрасные постройки, зрелища, места для прогулок, выставки мод — все, что душа просит... Можно сказать, что это самое приятное место, какое только существует на свете». В этом письме восторженного провинциала самым любопытным является дата — 8 января 1790 года. Читая эти строки, трудно поверить, что уже пала Бастилия, что Учредительное собрание приняло Декларацию прав человека и гражданина, что юноша находится в самом центре события, изменяющего мир — Великой французской буржуазной революции.

Придет время, когда Фурье будет анализировать эти события. Но пока он искренне убежден, что политика его не интересует. Просто молодой человек, жадный до новых впечатлений, отправляется по поручению своих хозяев в далекие и близкие города, где узнает много любопытного. Пока это всего лишь разрозненные факты: нищие кварталы Лиона и роскошь парчи, шелка на прилавках; зловоние на улицах, сырые каморки ткачей и нарядные, уютные особняки; безудержная спекуляция и отчаяние голодающих.

Мировой судья Лиона Франсуа-Жозеф Ланж нашел гениальный способ избежать кошмаров гражданской войны. Дстаточно, уверяет он, чтобы каждые сто семейств скооперировались и создали «амбар изобилия». Крестьяне, получающие от кооперации кредит, будут заинтересованы продавать по скромным ценам свою продукцию кооператорам. Разве это не решение всех проблем?

В Германии Фурье знакомится с потомками гуситов — моравскими братьями. Несколько семей жили в одном большом доме, где были мастерские, сад, огород, пекарня, общая столовая. Нет, у этих людей не было общности имущества и даже в общей столовой стол каждого зависел от его достатка. Но организованное совместное производство давало возможность производить значительно больше, чем это удавалось отдельной семье.

Интересуясь чужими делами, Шарль не забывает о своих. Не случайно же хозяева-негоцианты характеризуют его как честного и умного посредника. В Марселе, зная о скромности и исполнительности молодого человека, хозяева поручают Фурье тайную миссию. Под покровом темноты он должен вывезти в море и утопить 60 тысяч пудов риса. Этот рис, купленный и припрятанный в ожидании роста цен, начал гнить, поэтому его и решили уничтожить. В это же время марсельские бедняки умирали от голода.

Познавшему все тонкости торгового дела юноше исполни-

лось двадцать лет. Он получает часть отцовского наследства. Родственники настаивают — пора заводить собственное «дело».

В 1792 году Шарль Фурье вкладывает все полученные деньги в колониальные товары. В его магазин завозят рис, хлопок, сахар, кофе, чай... Если уж и заниматься проклятой торговлей, то хотя бы не так, как это делали до него. Он не скрывает от коллег-коммерсантов, что собирается вытравить из торговли ее воровской дух и станет вести дела честно. По всей вероятности, его разорили бы конкуренты. Этого не случится только потому, что он окажется втянутым в водоворот событий, которых не только не предвидел, но и не понимал.

Революционная Франция истекала кровью на фронтах. Казнен низложенный король Людовик XVI. Якобинцы установили свою диктатуру, против которой отчаянно борется контрреволюция. Бежавшие из-под стражи жирондисты подняли в Лионе антиправительственный мятеж.

Шарль Фурье, не занимающийся политикой коммерсант, разорен. Тюки с хлопком взяты на баррикады, продукты реквизированы для солдат. И это еще не все. Неужели Фурье рассчитывает отделаться только состоянием, когда льется кровь? Разве ему не известно, кто не против якобинцев, тот за них? Законы военного времени суровы и исполняются без проволочек... Тщедушный Фурье сражается против революционного правительства не с большим восторгом, чем впоследствии он будет сражаться за него. После падения Лиона солдат поневоле арестован, и его шансы на жизнь равны нулю. Много позже он запишет: «Каждый из нас, чтобы спасти себя, не задумывался лгать революционному комитету. Что касается меня, то в один день я обманул три раза комитет и тех, кто у меня делал обыск. В один день я три раза избежал гильотины и думаю, что поступил хорошо, как бы о том ни судили господа моралисты».

Чудом спасшийся в Лионе, он возвращается в Безансон и снова оказывается в тюрьме как подозрительная личность. На его счастье, родственник, заседающий в революционном комитете, берет незадачливого «контрреволюционера» на поруки. Справедливость восстановлена! Отныне Шарль Фурье полноправный гражданин республики. А это значит, что он обязан исполнить свой долг защиты отечества, на этот раз в революционной армии. Разве ему не известно, кто не против контрреволюции, тот за нее? Полтора года пройдет, прежде чем будущий социальный реформатор освободится от службы по состоянию здоровья и обретет долгожданную свободу. Призрачную свободу.

Революция лишила его состояния (впрочем, к этому факту Фурье отнесся со стоическим спокойствием, никто и никогда не услышит от него жалоб по этому поводу), но не избавила от «ремесла лжи и лицемерия» — торговли. Всю жизнь он будет, по своему же горько-ироничному признанию, «лавочным кап-

ралом». Именно по торговым делам Фурье и попал в Нормандию, а оттуда в парижский ресторан, где появилось уже известное читателю яблоко.

Нужно было прожить жизнь Шарля Фурье и узнать все, что узнал он, чтобы обычное яблоко подсказало начало выхода из тупика. Вдумайтесь! В одном климатическом поясе один и тот же товар может увеличиваться в цене в сто раз. Крестьяне продают продукты по дешевке. Покупатель платит непомерную цену. Очевидно, что виноваты посредники-торговцы. Но поговорите с любым лавочником, и он докажет вам, что еле-еле сводит концы с концами. Суть в том, что посредников слишком много. Что же это за общество, где все теряют и никто не выигрывает?

Философы XVIII века уверяли, что новый общественный строй принесет миру Свободу, Равенство и Братство. Счастливое и разумное общество будет ничем иным, как «способным к совершенствованию совершенством». Что ж, Фурье повидал достаточно, чтобы сравнить ожидаемое с действительностью. Каждое утро до начала работы Фурье с точностью часового механизма исписывает по двадцать листов бумаги. Ему есть что сказать.

Придет время, и Энгельс, изучая труды «лавочного капрала», отметит: «Но ярче всего проявилось величие Фурье в его понимании истории общества. Весь предшествующий ход ее он разделяет на четыре ступени развития: дикость, патриархат, варварство и цивилизация; последняя совпадает у него с так называемым ныне буржуазным обществом...»

Итак, строй Цивилизации не что иное, как «мир навыворот». В этом нелепом обществе все естественные человеческие желания извращены: «Врач желает, чтобы было как можно больше болезней, а прокурор — судебных процессов. Архитектор мечтает о пожарах, которые бы уничтожили четверть города, а стекольщик — о граде, который перебил бы все стекла». Парадоксально, но в странах, где наиболее развита промышленность, имеется больше нищих и бездомных, чем в странах менее развитых. В этом чудовищном обществе существует голод «от изобилия». (Никогда Фурье не сможет забыть той ночи, когда драгоценный рис варварски топили в море.) «Главная причина всех социальных зол — раздробленность производства, или несогласованный труд...» Именно он порождает основные 12 бичей Цивилизации: нищету, мошенничество, войны, эгоизм... Свобода? Равенство? Братство? Ненавистный класс торговцев получил еще большую свободу грабить всех остальных. После массовых казней, после гильотины, на которую один за другим всходили апостолы свободы, не кощунственно ли рассуждать о братстве?

«Мы потеряли целые века, — убеждал Фурье, — в дебатах на тему о правах человека, но совершенно упустили самое

элементарное право — право работы, без которого все остальные превращаются в нуль».

Вот оно, открытие. Альфа и омега человеческого существования — право на труд. Нельзя изменить отношения между людьми, если не изменить условия производства. «Амбары изобилия» Ланжа — утопия. Потому что они обеспечивают только потребление. Моравские братья также не нашли решения проблемы, потому что они малочисленны и в сфере распределения навсегда сохраняют неравенство. Сен-Симон, конечно, многое понял и во многом оказался прав, но и он не знает, как организовать справедливое общество не в теории, а на практике. Простая констатация негодных общественных порядков ничего не меняет. Гнилой строй Цивилизации невозможно исправить или реформировать. Фурье знает, о чем говорит. Он ли не пытался убеждать правительство! Он уверял (не подозревая, что повторяет «безумную» идею Сен-Симона), что необходимо прорыть Панамский и Суэцкий каналы, по которым «свободно будут проходить самые крупные суда». Он доказывал, что возросший объем перевозок требует строительства новых, невиданных доселе дорог — рельсовых, изготовленных из дерева или металла. В 1808 году он утверждал, что, благодаря рельсовым путям, станет возможным в один и тот же день завтракать в Марселе, обедать в Лионе, а ужинать в Париже. Он давал оценку политического положения, предсказывая, что вскоре главными силами Европы станут Франция и Россия. Но статьи Фурье были оценены только в рапорте полиции: «Почти каждый день в газетах содержится какое-нибудь новое безумие за подписью Фурье». Нет, строй Цивилизации можно только уничтожить. Так же как когда-то на смену Варварству пришла Цивилизация, так на ее место придет новый общественный порядок — Гармония. Но произойдет это не в результате революции (Фурье принципиальный противник насилия). Он знает другой путь.

Его первые статьи о грядущей Гармонии вызвали только насмешки тупоголовых буржуа. Впрочем, он и сам виноват. Он еще не продумал мелочей, частных. Его обоснования недостаточно научны. Он продолжит работу и исправит ошибку.

В 30-х годах прошлого века в Париже, на улице Ришелье, где окончил свои дни Сен-Симон, в комнатке на пятом этаже жил странный старик, которого горстка учеников считала гением, а все остальные безумцем. Этим стариком с седой головой и необыкновенными глазами, в которых, казалось, застыл вечный упрек недоверчивым современникам, был Шарль Фурье. Один из тех, кто захотел встретиться с ним, оставил невеселое описание его жилища: «К нему забираешься по узкой, извилистой лестнице, рискуя раз двадцать упасть и сломать себе шею. Его находишь около убогого камина, в котором догорает несколько головешек. Вокруг него в комнате жалкая мебель и

несколько там и сям разбросанных книг, а также груды рукописей, нагроможденных в углу и на столе и составляющих, очевидно, его самое большое богатство». У него никогда не было ни жены, ни детей, но именно он первым пришел к выводу, что степень свободы, достигнутая данным обществом, должна измеряться большей или меньшей свободой женщины в этом обществе; и именно ему принадлежит идея трудового воспитания. Экономя каждый грош, он не мог позволить себе ничего из того, что так любил — цветов и сладостей. Но когда он выходил из дома, его карманы были набиты кусками хлеба, потому что он кормил всех бездомных кошек. Он был остроумен и умел рассмешить, но сам всегда оставался серьезен и хмур. Он обожал военные парады и мог вместе с мальчишками торопиться за любым солдатским отрядом, печатающим шаг. Но где бы он ни был и чем бы ни занимался, ровно в полдень он сидел в своей комнатке и ждал, когда же, наконец, в его дверь постучат.

Иногда его приглашали на обед в модные салоны. Нет, не для того, чтобы покормить, а чтобы показать собравшимся как редкостную диковину. И даже если он, почувствовав для чего его позвали, замыкался в себе, это не портило удовольствия гостям. Те, кто не читали его книг, слышали о его безумных пророчествах.

Он обещал социальный строй, где рабочие в четвертом часу утра будут бежать на работу с той же радостью, с какой сегодня они отправляются на развлечения. В его фалангах люди будут жить до 144 лет. Они научатся пользоваться пальцами ног так же искусно, как и пальцами рук. Они обретут способность жить в воде так же, как и в воздухе. Вода в океане превратится в напиток, напоминающий лимонад. Люди научатся управлять погодой и изменять по желанию климат любой страны. Там, где ныне только раскаленный песок или вечные снега, гармонийцы будут собирать по несколько урожаев в год. Четыре искусственные луны, созданные человеком, станут освещать землю ночью. Жители нашей планеты будут переговариваться с обитателями других миров. Осуществится царство мировой гармонии, и тогда все 810 свойств человеческой души смогут проявить себя. Не будет ни армии, ни полиции, потому что исчезнут войны и преступления. Не станет самого тяжелого и неприятного труда, потому что человеку будут прислуживать «антикрокодилы» и «антикиты» — новые существа, созданные людьми.

И весь этот бред, подкрепленный фантастическими, неведь откуда взявшимися цифрами, произносится совершенно серьезно. И произносящий его человек убежден в том, что ему непременно дадут четыре миллиона, которые помогут ему осчастливить человечество. Ну разве не умора?

Однако нашлись те, кто по-другому прочитал эти «безумст-

ва». Один из современников Фурье написал такие строки: «Тот, кто при чтении произведений Фурье в досаде на эксцентричность бросит книгу в корзину как негодный хлам, окажется более безумным, чем сам Фурье». Так в чем же суть его открытия?

Строй Цивилизации не только уничтожает в человеке человеческое, но еще устами своих философов доказывает ему: ты страстен и порочен; общество может существовать только тогда, когда заставит тебя подавить в себе эгоизм, когда будет ломать твою низкую природу. Вот она — величайшая ложь Цивилизации! Потому что страсти не зло, а величайшее благо, дарованное человеку. Именно страсти правят социальным миром. И право на существование имеет только тот строй, который обеспечит полное удовлетворение всех человеческих страстей. Основой нового общества станет фаланга (как македонская фаланга, она ворвется в стан Цивилизации и сокрушит его). В ней не будет отупляющего, изматывающего труда. Каждый человек сможет в течение дня несколько раз сменить вид деятельности и место работы: сад, фабрика, конюшня, охота, лес, занятия искусством и наукой. На смену жестокой конкуренции придет соревнование, порождающее энтузиазм, гордость за результаты своего труда. А значит, работа, являющаяся проклятием при Цивилизации, превратится в наслаждение. Кому же придет в голову заставлять человека получать удовольствие? Вот почему в фаланге не нужна власть. Ареопаг, руководящий делами фаланги, не приказывает и не устанавливает никаких правил, а только советует на основании опыта и данных науки.

К услугам честолюбцев любые звания и почести. Можно стать императором, халифом, королем, султаном — за заслуги или просто по жребию. Носитель этих титулов будет пользоваться почетом. Любая страсть принесет пользу в фаланге. Обжоры с удовольствием пойдут трудиться на кухню и, любя поесть, будут готовить особенно вкусно. Дети, обожающие копать в грязи, станут убирать мусор, а чистюли — выращивать цветы или украшать жилища. Когда люди будут следовать своим естественным склонностям, производительность труда так возрастет, что фаланга обеспечит всем необходимым любого работника.

Где же тот архимедов рычаг, который перевернет мир? Это ассоциация производителей. Если полторы тысячи единомышленников объединятся для совместного труда и жизни в чудесном дворце-фаланстере, где будет все необходимое для разумного и счастливого существования (у Фурье уже до сантиметра подсчитаны и длина крытых галерей зимнего сада, и размеры залов для лекций, концертов, балов и ширина роскошных столов общественной столовой), их пример с поразительной быстротой будет завоевывать общественное мнение. Достаточно одного года для организации первого фаланстера. И еще пяти

лет, чтобы на земле возникло 2 985 984 фаланги. И тогда исчезнут границы государств и наций, взаимная неприязнь и предрассудки, войны и преступления. Разумно используемые человеческие силы, приумноженные совместными действиями, совершат чудеса. И тогда наступит новая эпоха — Гармония.

Для начала нужен суший пустяк — четыре миллиона франков. Их дадут богачи, которые поймут все преимущества фаланстера и захотят обессмертить свое имя участием в его создании. Это не только почетно, но и выгодно. Ведь доходы фаланстера (а они будут сказочно велики!) станут распределяться по капиталу, труду и таланту. Конечно, богачам достанется больше других, но ничего страшного в этом нет. Придет время, и, облагороженные общим трудом, они сами откажутся от своих капиталов в пользу фаланстера.

Фурье убежден, как и все в его время, что миром правят мнения (истинные законы развития общества еще не открыты). Значит, если ему удастся убедить людей в своей правоте, то счастье человечества обеспечено. Но убеждать надо не словом, а делом. Все, что ему необходимо — первоначальный взнос.

Великий поэт Франции Беранже заметил «одну черту Фурье, которая восхитительно его обрисовывает: это — пунктуальность, с которой он в течение десяти лет ежедневно в полдень, — время, назначенное им самим для встречи, — ждал у себя дома богача, который бы ему доверил миллион для устройства первого фаланстера. Ничего нет более трогательного по сравнению с этой верой, горячей и неизменной. О, как хотел бы я быть обладателем миллиона, чтобы вручить ему...» Миллиона у Беранже не появилось, поэтому ему ничего не оставалось, как написать стихотворение «Безумцы»:

«Подыми свою голову смело! —
Звал к народу Фурье. — Разделись
На фаланги и дружно трудись
В общем круге, для общего дела.
Обновленная вся, брачный пир
Отпирует земля с небесами,
И та сила, что движет мирами,
Человечеству даст вечный мир»...
Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не сумеет —
Честь безумцу, который навевет
Человечеству сон золотой!..

Нет, никогда бы не согласился Фурье морочить голову грезам себе и другим. Безумец не он, Фурье, а те, кто не желает видеть очевидного. Ведь всем известен эксперимент Оуэна. Оуэн, по убеждению Фурье, пошел не по тому пути. (Впрочем, не вечной ли подозрительностью объясняется нелюбовь Фурье к человеку, столь близкому ему по мыслям и духу?) Но даже его опыт доказывает, что ничего утопического в плане Фурье нет.

Роберт Оуэн — счастливцев, которому не пришлось ждать милостей от мецената. Он сам был богат. Совладелец прядильной фабрики в Нью-Ланарке (Шотландия), он попытался изменить условия труда и быта своих рабочих, справедливо полагая, что причины человеческих пороков коренятся в негодных условиях производства. Десятки тысяч приезжали сюда, чтобы увидеть невероятное: на фабрике не было воровства и пьянства, голодных и нищих, а доходы предприятия неизменно росли. Оуэн сократил рабочий день с 14 до 10,5 часов. Он снес лачуги и построил чистые, удобные дома для работников. Корыстолюбивые торговцы не сбывали рабочим лежалый товар втридорога. Фермеры продавали здесь свою продукцию сами. Он открыл детские сады (впервые в мире!) и школы для детей рабочих, где занимались музыкой, танцами, физкультурой. Но разве можно реформировать чудовищный строй Цивилизации? Совладельцы фабрики, добропорядочные квакеры, не могли допустить существование школы без катехизиса. Веселые дети, не горюющие о грехопадении! Маленькие мальчики без панталон! Танцы! Пример Оуэна был опасен и потому вызвал жесткое противодействие. Короче, Оуэна вынудили отказаться от управления фабрикой. Рабочий день был немедленно увеличен, заработная плата уменьшена. Попытки Оуэна и его учеников построить новое, разумное общество — социализм (вот когда впервые прозвучало это слово!) закончились неудачей. Что с того? Ведь Нью-Ланарк существовал не в мечтах, а реально.

Фурье убежден, что сумеет не совершить ошибок Сен-Симона и Оуэна. Уже изданы его главные книги: «Трактат о домашней и земледельческой ассоциации» и «Новый хозяйственный и социальный мир». У него немало последователей. Пусть сочувственно улыбается Беранже. Фаланстер будет построен!

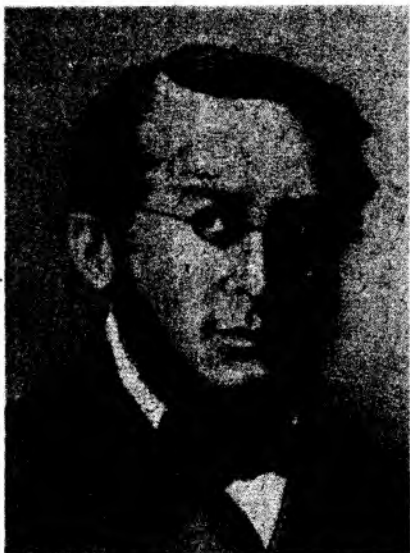
Нет, не напрасно он ждал столько лет. Его звездный час настал! В 1832 году нашелся депутат парламента, который предложил Фурье 500 гектаров земли для организации фаланстера. Давно уже все подсчитано и перепроверено. Необходимая минимальная сумма для постройки фаланстера — 1200 тысяч, а по подписке удалось наскрести только 318 тысяч, но ведь есть земля. Для начала хватит и этого, а затем предприятие будет кормить себя, взносы хлынут потоком, и фаланстер, сказочный дворец счастья, станет явью. Пока же Фурье приходится резать по живому собственную мечту. Скрепя сердце он отказывается от дорогостоящей отделки, многочисленных, так украшающих жизнь мелочей. Необходимы сельскохозяйственные орудия, свинарники, птичники. Но уж без цветов обойтись невозможно, и здесь тихий Фурье не согласен ни на какие уступки. Строй Гармонии без цветов — это же нелепость! Перепуганные цветочными тратами пайщики стали побыстрее изымать свои деньги...

Он знал о первом мировом экономическом кризисе 1825 года, знал о восстаниях лионских ткачей, но был не в состоянии понять связь и последствия этих событий. Шарль Фурье умер в 1837 году. До написания «Манифеста Коммунистической партии» должно было пройти еще долгих одиннадцать лет.

Сказка фаланстера, как и любая сказка, не просто вымысел. Не было ничего замечательного в том, что после смерти Фурье его последователи безуспешно пытались воплотить эту сказку в жизнь. Замечательно другое. Мыслители, которые прекрасно сознавали всю утопичность Фурье, сумели найти в фантастических строках его книг гениальные открытия. Фридрих Энгельс признает: «...Немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно...»

Ведь это он, Фурье, пусть в сказочной, наивной форме, предсказывал уничтожение противоположности между городом и деревней, умственным и физическим трудом, доказывал преимущества трудового соревнования и необходимость преобразования природы. Он ратовал за равноправие женщин и общественное, трудовое воспитание. И совсем не случайно в февральские дни 1917 года В. И. Ленин просил Инессу Арманд: «Не можете ли достать Сочинения Fourier и найти для меня то, что он говорит о слиянии национальностей?»

Мыслитель, видевший далеко вперед, он, тем не менее, оставался человеком своего времени. Вот почему его ошибки не случайны, а закономерны. Впрочем, Фурье был далеко не последним среди тех, кто не сумел отыскать путь к счастливому острову, где высился Город Солнца.

ТРАГЕДИЯ ПЬЕРА ПРУДОНА

Трудно найти мыслителя, общественного деятеля, у которого было бы так мало друзей и так много врагов, как у Прудона. Он вызывал ненависть и насмешки не только у гордящихся своим консерватизмом господ. Великие революционеры тоже отзывались о нем отнюдь не лестно. И, наверное, никто более его не давал справедливых поводов для такого отношения к себе. Вот высказывания о Прудоне людей, знавших его. К. Маркс: «Он — воплощенное противоречие»; Ф. Энгельс: «Упрямый, надменный самоучка»; А. И. Герцен: «Неукротимый гладиатор... смелая речь, едкий скептицизм, беспощадное отрицание, неумолимая ирония». И не надо искать здесь противоречий. Все так. Все эти определения справедливы.

И все же имя идеолога мелкобуржуазного социализма, отца анархии Пьера Жозефа Прудона выбито на обелиске рядом с именами великих борцов за счастье человечества. И это не случайно. Кроме вышепротитированной характеристики, Ф. Энгельсу принадлежит и другая: «Прудон играл в истории европейского рабочего движения слишком значительную роль, чтобы можно было так просто предать его забвению. Опровергнутый в теории, оттесненный в сторону на практике, он продолжает сохранять исторический интерес. Кто сколько-нибудь обстоятельно изучает современный социализм, тот должен изучить также и «преодоленные точки зрения» в рабочем движении».

Мир, которым он жил, был прекрасен. Крохотная деревушка около Безансона, где юный Пьер Жозеф пас коров, сфокуси-

рвала в себе все чудо мироздания. «Сколько удовольствия доставляло мне валяться в густой траве, которую я хотел бы есть, как мои коровы; бегать по тропинкам, лазить по деревьям, ловить лягушек и раков! Сколько раз мне случалось теплым июньским утром скидывать одежду и купаться в росе! Я едва различал себя от окружающей природы. Я — это было все, что я мог взять рукой, все, что могло мне на что-нибудь пригодиться; не я — все то, что мне было неприятно. Я наполнял свои карманы ежевикой, зеленым горошком, зернами мака, терном, шиповником; я наедался разной дрянью, от которой заболел бы всякий благовоспитанный ребенок и которая только увеличивала к вечеру мой аппетит... Я любил своих коров, но не всех одинаково; я предпочитал ту или другую курицу, то или иное дерево, тот или другой утес. Мне сказали, что ящерица враг человека; я этому искренне верил».

Мир, в котором он жил, был непосильно горек и нищ. Пьер Жозеф родился 15 января 1809 года в бедной крестьянской семье. Его отец, честный и работающий человек, перепробовал много занятий: пахал землю, был рабочим на пивоваренном заводе, устроил бочарное заведение, но все его попытки вырваться из бесконечных долгов были обречены на неудачу. Мать Пьера Жозефа пользовалась огромным уважением и любовью всей семьи. Всю жизнь Прудон будет относиться к ней с нежностью и почтением, а свою старшую дочь он назовет в память матери — Катрин. Младшая линия Прудонов, к которым принадлежал отец, часто встречалась с представителями старшей линии. Эти богатые родственники, традиционно общавшиеся с нищей семьей, дабы полнее ощутить свое социальное превосходство, подчеркивали свое пренебрежительное отношение к ним. Болезненные удары по детскому самолюбию Пьер Жозеф терпел, но никогда с ними не смирялся. Всю жизнь Прудон будет гордиться своими родителями. Придет день, когда он, депутат Национального собрания города Парижа, бросит в лицо хвастающемуся знатностью аристократу: «У меня в родословной 14 мужиков — назовите мне хоть одно семейство, имеющее столько благородных предков!» Прудон не из книжек узнал, что такое нищета. Пусть полуголодная, но счастливая и вольная деревенская жизнь закончилась рано. Нужно помогать семье, и Пьер Жозеф работает прислугой в гостинице. Жизнь стала однообразна, как гостиничные номера.

Ему сказочно повезло. Нашелся меценат, который помог родителям Пьера Жозефа устроить мальчика в коллеж. У него не было свободного времени, надо было помогать отцу в работе. У него не было учебников, их не на что было купить. Но у него были прекрасная память, цепкий аналитический ум и крестьянское упорство. Его отец работает всю жизнь, а семья голодает. Значит, мало одного трудолюбия. Нужны знания. И он, Пьер Жозеф, добудет их, чего бы это ни стоило. Он добьется богатства

и уважения. Его родным не придется экономить на куске хлеба.

Академик Вейс, ученый библиотекарь, в конце концов не смог скрыть своего удивления. Зачем юноше нужно читать такое громадное количество книг без всякой системы? Прудон был самолюбив и недоверчив. «Какое вам до этого дело?»

Он так ждал этого дня! Ему, Пьеру Жозефу Прудону, вручают награду за успехи в коллеже: первые книги, полученные им в своей жизни. Как он был счастлив, как бежал домой, чтобы скорее рассказать обо всем матери. Мать он застал плачущей: отец проиграл судебный процесс, семья была разорена..

Он ушел из коллежа, не закончив курс. Девятнадцатилетний недоучка (блестящие способности, трудолюбие, но, увы, без средств) — наборщик в типографии братьев Готье в Безансоне. Здесь он мог многое прочитать. Литературой по богословию он заинтересовался еще в коллеже. Библия на латинском. Интересно, а как это звучало в первоисточнике? Прудон самостоятельно изучает греческий и еврейский. Осилены пудовые фолианты. Ох уж эти дебри теологии! Нет, не много они объясняют в жизни. А жизнь требовала объяснений.

Трех дней хватило восставшему народу в июле 1830 года, чтобы навсегда сбросить ненавистную династию Бурбонов. Карл X, тупой реакционер, считавший, что сможет восстановить неограниченную монархию, отрекся от престола и бежал в Англию. Народ-победитель ликует. Теперь все будет по-новому! Генрих Гейне, узнав о революции из газет, назвал эти известия «солнечными лучами, завернутыми в газетную бумагу». В России клеймил французского тирана М. Ю. Лермонтов:

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. — Ты полагал
Народ унижить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец..
О! Чем заплотишь ты, тиран..
За кровь людей, за кровь граждан.

Пока лилась «кровь граждан», крупнейшие буржуа Франции решили их судьбу. Новый властитель страны Луи Филипп Орлеанский был демонстративно прост и доступен. Надеясь завоевать популярность, он разгуливал по улицам Парижа без охраны. Кто мог подумать, что этот скромный буржуа в потертом костюме и с зонтиком под мышкой самый богатый человек королевства? У него был узкий лоб и отвислые пухлые щеки. На карикатурах его изображали в виде груши. Карикатуристов наказывали, а Луи Филипп не терял самообладания. Стоит ли волноваться ему, королю «царства банкиров»? Три «славных дня» принесли Луи Филиппу и банкирам 18 лет власти.

Теперь все будет по-новому? Безусловно! Никто не помешает нуворишам разворовывать страну. 249 тысяч человек (из 35 миллионов) имеют избирательные права. Это те, кто платит 200 франков налога. Тот, кто платит 500,— может быть избран. Чем не демократия? «Обогащайтесь, и вы станете избирателями!» А пока не стали, пусть выворачивают карманы мелкие торговцы и крестьяне, пусть рабочие за семнадцатичасовой рабочий день получают один франк, пусть мелкие предприниматели разоряются: «царству банкиров» нужны деньги. Братья Готье, владельцы типографии, где работает Прудон, разорились.

В 1831 году он отправляется на юг Франции, где устраивается наборщиком в провинциальные типографии, но зарабатывает немного денег, двигается дальше. Прудон знает свое дело. Его рабочая книжка исписывается прекрасными аттестациями. (Эту книжку Прудон сохранит до конца жизни, гордясь тем, что он был настоящим мастером.) Он не испытывает трепета перед сильными мира сего. Нет работы? В Тулоне он приходит к мэру. Вот его рабочая книжка, такой мастер, как он, имеет право на работу. Воровство и нищета запрещены законом, следовательно, правительство обязано обеспечить его работой. Право? Право есть у него, у мэра, выслать Прудона вон из города. Что он, мэр, непременно сделает, если Прудон не уберется по-хорошему. Есть правительство и законы, но кому же они служат? Этого случая Прудон никогда не забудет.

Он возвращается в Безансон. Прудон — совладелец типографии. Собственно, типография заведена на деньги товарища, а Прудон скорее работник, чем хозяин. Но суть в том, что теперь можно думать не о хлебе насущном, а о науке. В 1837 году Прудон написал свое первое сочинение «Опыт всеобщей грамматики». Несмотря на ряд наивных рассуждений, Безансонская академия наук, куда Прудон представил свое сочинение на соискание премии Вольнея, не присудив ему премию, отметила работу как оригинальную и доказывающую большую силу мышления автора.

В 1838 году компаньон Прудона застрелился. Пришлось ликвидировать дело. Он снова нищ. И вот Безансонская академия получает блестяще написанную петицию, в которой молодой рабочий просит о присуждении ему стипендии, так как он твердо решил посвятить себя философии и тем принести пользу рабочему классу, из которого он сам вышел. Академики спорили. Цель сомнительна, но какой слог! И Прудон получил стипендию. Более чем скромная сумма казалась ему состоянием. Теперь он независим, может уехать в Париж и полностью посвятить себя науке.

Париж принял, но не очаровал Прудона. Жизнь была много дороже, чем в Безансоне. К тому же большую часть стипендии он отдавал матери. Бедность в нарядном, богатом городе ощущалась особенно остро. Именно в это время Прудон и написал

книгу, сделавшую его знаменитым, — «Что такое собственность?».

«Я берусь за исследование самого принципа наших учреждений: собственности и правительства». С античных времен юристы доказывали право на собственность. Когда земля не принадлежала никому, ее мог возделывать каждый. Но когда земля была уже поделена, захватывать более было нечего. И раз никто не мог взять то, что принадлежало другому, появилось два класса — собственников и тех, кто собственности лишен. Но почему же тогда у некоторых людей появилось земли во много раз больше, чем они были в состоянии обрабатывать?

Экономисты доказывали, что собственность основана на праве трудящегося бесконтрольно использовать продукт своего труда. Но почему же крестьянин настоящего времени не имеет права на обладание землею, которую он обрабатывает и улучшает в течение многих лет?

Что же такое частная собственность? «Собственность — это кража». Даже те, кто никогда не читал работу Прудона, слышали этот парадокс. И неважно, что мысль эта была высказана будущим жирондистом Бриссо еще до начала Великой французской революции точно этими же словами. Бывают эпохи, когда старые мысли действительно по-настоящему овладевают умами.

Государство защищает собственность, которая не приобретена честным трудом, потому что невозможно законно присваивать себе труд рабочего. Владение средствами производства дает капиталисту право на то, на что он права не имеет. Избранные представители народа становятся не слугами народа, а его господами. Вот почему они не живут его интересами. Капитализм — зло. В этом обществе сильные эксплуатируют слабых. Коммунизм, полагал он, тоже зло. В таком обществе слабые будут эксплуатировать сильных. Ленивые будут жить за счет тружеников. Организованный труд лишает членов общества свободы действий и сделает из них бюрократов. Где же выход? К чему нужно стремиться? Только к свободе. «Свобода есть анархия, поскольку она не допускает правление воли, но только власть закона, то есть необходимости. Свобода есть равенство, поскольку свобода существует только в обществе; а в отсутствии равенства нет общества». Анархия не беспорядок, а отсутствие управления человека человеком. А посему «истинная форма управления есть анархия».

Прудон был убежден, что, как только его книга «Что такое собственность?» будет прочитана, современный общественный строй рухнет. Но, к разочарованию Прудона, бури не было. Было молчание газет и негодование Безансонской академии. Ему было объявлено публичное порицание, и, если бы не сочувственный отзыв о новой книге экономиста и члена Парижской

академии Бланки, его бы лишили стипендии, единственного средства существования. Общественный строй не погиб, но книга все же была замечена людьми, которые смогли ее оценить. Вот что писал об этой работе Прудона Карл Маркс: «*Что такое собственность?*» является безусловно самым лучшим его произведением. Оно составило эпоху, если не новизной своего содержания, то хотя бы новой и дерзкой манерой говорить старое... И стиль этого произведения я считаю главным его достоинством. Видно, что даже там, где Прудон только воспроизводит старое, для него это самостоятельное открытие; то, что он говорит, для него самого было ново и расценивается им как новое. Вызывающая дерзость, с которой он посягает на «святая святых» политической экономии, остроумные парадоксы, с помощью которых он высмеивает пошлый буржуазный рассудок, уничтожающая критика, едкая ирония, проглядывающее тут и там глубокое и искреннее чувство возмущения мерзостью существующего, революционная убежденность — всеми этими качествами книга «*Что такое собственность?*» электризовала читателей и при первом своем появлении на свет произвела сильное впечатление».

Маркс не раз улыбнется наивным и неверным представлениям Прудона о коммунизме и отметит множество ошибок в его труде. «Уже само заглавие указывало на недостатки книги. Вопрос был до такой степени неправильно поставлен, что на него невозможно было дать правильный ответ». Ведь понятие «собственность» менялось на протяжении всей истории человечества. Нет собственности «вообще». И даже главный тезис Прудона показал его научную слабость. «...Ввиду того, что «кража», как насильственное нарушение собственности, сама *предполагает собственность*, Прудон запутался во всевозможных, для него самого неясных, умствованиях относительно *истинной буржуазной собственности*». Но все это Маркс напишет значительно позже, в 1865 году, трезво, аналитически оценивая личность Прудона. А тогда, в 1841 году, Маркс отнесся к этой работе гораздо более восторженно: «Прудон не только пишет в интересах пролетариев: он сам пролетарий... Его произведение есть научный манифест французского пролетариата...»

И еще одно свидетельство современника о книге Прудона: «Право частной собственности, следствия, вытекающие из этого института, — конкуренция, безнравственность, нищета, — раскрыты здесь с такой силой ума и действительно научного исследования, которых мне не доводилось встречать соединенными в одной книжке». Это высказывание принадлежит молодому Фридриху Энгельсу.

Срок получения стипендии окончен. Прудон служит секретарем у богатого члена суда и составляет для него трактат по юриспруденции. Немного зарабатывает литературным трудом. Но все это внешнее и не очень важное. Главное — он ни на

день не прекращает серьезной работы, изучает философию Канта, обдумывает свои будущие социальные исследования.

Прудон честолюбив. Он желает добиться признания своих идей, а не тернового венца мученика. Ему совсем не хочется ссориться с правительством. Но у правительства свое мнение на этот счет. В Безансоне против Прудона начинается судебный процесс. Прокурор обвиняет Прудона в возбуждении своими печатными работами ненависти к правительству, частной собственности и религии. Прудон защищается сам. Его двухчасовая речь пересыпается софизмами и остротами. Он делает прозрачные намеки на сидящих в зале почтенных членов Безансонской академии, которые только из личной неприязни к нему, Прудону, подтолкнули правительство к этому процессу. Он умеет говорить. Чинный зал суда сотрясается от хохота, присяжные с трудом сохраняют серьезные выражения лиц. Он мастерски сглаживает все острые углы и отшучивается там, где не может ответить по существу. Ураган аплодисментов, и Прудон, которому грозило пятилетнее тюремное заключение, оправдан.

Однако даже эта победа не приносит возможности работать спокойно. Попытка устроиться в префектуру Безансона не удается. Ему отказывают как человеку, не внушающему доверия. Свое положение он описывает в письме к другу: «Отвергнутый префектурой и мэром, подозрительный суду, ненавистный духовенству, страшный для буржуазии, без профессии, без состояния и без кредита — вот чего я достиг в 34 года». С трудом он находит место приказчика. Ему поручают вести дела фирмы, занятой перевозками леса и угля. У Прудона почти нет свободного времени, но зато он получает возможность «увеличить запас своих наблюдений и закончить на опыте курс политической экономии». Курс прекрасно иллюстрирован махинациями хозяев и нищетой простого люда. Практический курс политической экономии дополняется курсом теоретическим. Прудон встречается со многими экономистами, радикально настроенными интеллигентами, политическими изгнанниками. Среди них — находящийся в Париже Карл Маркс. Они знакомятся в 1844 году. Ночи проходят в спорах. Им никогда не убедить друг друга. Маркс — с громадным преимуществом основательного и систематического научного образования, каждое его слово — результат серьезного научного поиска. Прудон — работающий слепш, знакомящийся с литературой по мере работы над своими книгами, на ходу ошибающийся и также на ходу исправляющий свои ошибки. Эти споры, которые никогда не могли окончиться, помогали каждому точнее сформулировать свои взгляды.

Несмотря на предостережения Маркса, Прудон довольно близко сходится с публицистом Карлом Грюном. И тот и другой знакомят Прудона с философией Гегеля. Вот что напишет об

этих занятиях Маркс: «...Я заразил его, к большому вреду для него, гегельянством, которого он, однако, при незнании немецкого языка не мог как следует изучить. То, что я начал, продолжал после моей высылки из Парижа г-н *Карл Грюн*. В качестве преподавателя немецкой философии он имел передо мною еще то преимущество, что сам ничего в ней не понимал». «Теория» Прудону явно не давалась.

Его преследовали несчастья. В 1846 году умер отец. Через год — новое страшное потрясение. Из письма к другу: «...Не могу примириться с мыслью, что у меня нет больше моей старухи матери». Он чувствует себя одиноким, никому не нужным. Он живет только тогда, когда работает.

В это время им написана книга «Экономические противоречия или философия нищеты», в которой Прудон пытается дать анализ экономических категорий. Анализа не получается. Он многое видит, но не умеет разобраться в тех противоречиях, о которых пишет. В работе щедро разбросаны меткие, оригинальные мысли, но они не спасают книгу. Вечная беда самоучки Прудона — отсутствие научного метода и непонимание диалектики. Вот почему К. Маркс, перефразировав название книги Прудона, озаглавил свою критику «Нищета философии». Их дружбе пришел конец. Но ведь речь идет не об академической науке, а о выработке теории борьбы рабочего класса, поэтому Маркс категоричен: «Он хочет парить над буржуа и пролетариями, как муж науки, но оказывается лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между капиталом и трудом, между политической экономией и коммунизмом».

Правившая Францией финансовая знать довела страну до отчаяния. Массовая безработица усугубилась картофельной болезнью (грибковое заболевание клубней картофеля). Начался голод. Армия была ненадежна. И только Луи Филипп был спокоен, уверенно заявляя, что он единственный монарх в Европе, который знает, как «держать народ в узде». 23 февраля 1848 года войска открыли огонь по безоружной толпе демонстрантов. 52 человека убиты. «Граждане, Луи Филипп убивает нас, как Карл X. Так пусть же он и убирается к Карлу!» Полторы тысячи баррикад покрыли Париж. Солдаты идут на приступ. Молодой рабочий встает во весь рост. Грудь закрыта трехцветным флагом. «Вот знамя Франции! Стреляйте же!» И солдаты опускают ружья. Луи Филипп через черный ход бежит из королевского дворца Тюильри. Королевский трон сожжен на площади Бастилии восставшим народом. «Да здравствует республика!»

Как и восемнадцать лет назад, к власти приходят не те, кто платил кровью. У члена Временного правительства Луи Блана уже готова программа, которая разрешит все противоречия: «Защищать дело бедных — значит, я не устану это повторять, защищать дело богатых, значит защищать общие интересы...

ибо в сущности все интересы солидарны». Правительство организуеет общественные мастерские. Туда пойдут все желающие. Банкиром бедноты станет государство. Государство предоставит кредиты. И постепенно мастерские, конкурируя с капиталистами, вытеснят частные предприятия. Капитализм будет побежден. Наступит царство «социальной республики». Луи Блану вторил Виктор Консидеран, последователь Фурье. Труд, капитал и талант объединят нацию.

Национальные мастерские созданы. Каждый рабочий получает тачку и лопату. Сто тысяч землекопов роют канавы. Канав было много. Потом их засыпали. Кто заплатит за эту работу? Необходимо увеличить налоги с крестьян на 45 процентов. А что делать, если эти парижские бездельники не желают работать и предпочитают кормиться за счет крестьянства?

Прудон — противник революции. Но коль скоро она произошла, нужно сделать все возможное для блага народа. Действия Временного правительства — красивая болтовня и некрасивое подталкивание классов к гражданской войне. «Я обладаю — могу сказать это в данный момент — монополией на те идеи, в которых более всего ощущается нужда, — на экономические идеи. Сочинители утопий исчерпали свои знания, они обладают властью, кроют, режут и ничего не могут сделать. Над национальными мастерскими все смеются. Луи Блан освистан, Консидеран бессилён. Наконец-то замечают, что у всех этих шарлатанов социализма нет ничего в голове, и множество людей приходит ко мне. Я жду. Я уверен в своих идеях, более уверен, чем когда-либо. Деньги прячутся — я обойдусь без них; кредит мертв — я воскрешу его без насилия».

Через месяц после падения Луи Филиппа Прудон выпускает новую книгу — «Решение социального вопроса». И правые и левые партии только стремятся к власти. Ему известно, как решить главный вопрос, волнующий Францию и приведший страну к революции, как обеспечить интересы пролетариев, не нарушая интересов собственников: нужно только организовать даровой кредит. Достаточно создать меновой банк, при помощи которого все производители Франции смогли бы без посредства денег обменивать продукты своего труда. Билеты этого банка заменят в обращении деньги, и власти золота наступит конец. Разве не об этом писал Прудон и раньше? «Уничтожьте собственность и сохраните владение: посредством одного только этого принципиального изменения вы коренным образом измените законы, правительство, хозяйство и все учреждения: вы уничтожите зло на земле». «Сохраните владение», то есть мелкую частную собственность, не давая развиваться крупной. Вот оно, решение вопроса. Решение ли? В. И. Ленин: «Не уничтожить капитализм и его основу — товарное производство, а очистить эту основу от злоупотреблений, от наростов и т. п.; не уничтожить обмен и меновую стоимость, а, наоборот, «конституиро-

вать» ее, сделать ее всеобщей, абсолютной, «справедливой», лишенной колебаний, кризисов, злоупотреблений — вот идея Прудона». И в этом его трагедия.

3 апреля 1848 года в программном обращении к избирателям он пишет: «Спасение для рабочего класса, для буржуазии, спасение для всякого только в дружеском согласии всех партий, во взаимном понимании для решения (социальной) проблемы». Прудон убежден, что «социальная революция» может и должна осуществляться мирным путем, при сотрудничестве пролетариата и буржуазии, при отказе от политической борьбы и при уничтожении государства, сеющего раскол, паразитизм и угнетение.

В начале июня состоялись дополнительные выборы в Национальное собрание, и Прудон избран депутатом города Парижа 77 тысячами голосов. Он принимает участие в издании газеты «Народ». Прудон отказывается от солидных доходов газеты и берет себе только грошовую плату за редакторскую работу. Он публично громит имущие классы за равнодушные к народу, выступает против невежества и рабства. Да он просто ненормальный! Прудон получает пачки оскорбительных писем. Журналы и газеты пестрят карикатурами на него. А в одной богословской книжке даже серьезно высказывается опасение, не одержим ли Прудон бесом, так как ни один смертный не грешит против человечества, как этот депутат.

22 июня 1848 года правительство объявило о закрытии национальных мастерских. 113 тысяч рабочих были выброшены на улицу. В том, что последует дальше, правительство не сомневалось. Генерал Кавеньяк приготовил пушки. Дрались даже женщины и дети. Баррикады переходили из рук в руки по десять и более раз. Доведенных до отчаяния людей расстреливали картечью. Ну как тут не вспомнить о буржуазной нравственности! Голодные повстанцы, заняв здание коллежа, не тронули хранящегося там продовольствия, потому что они «не хотят есть хлеб детей». Защитники собственности под шумок грабили магазины. Озверевшие солдаты кололи и рвали штыками даже трупы.

Прудон был единственным депутатом, который открыто заявил, что расправа с рабочими была актом насилия и произвола правительства. Маркс писал: «Его выступление в Национальном собрании, хотя оно и обнаружило, как мало понимал он все происходящее, заслуживает всяческой похвалы. После июньского восстания это было актом высокого мужества».

Президентом Французской республики стал племянник Наполеона I — Луи Наполеон. Политический авантюрист торжественно клялся: «Вся моя жизнь будет посвящена укреплению республики!» Прудон через свою газету обвиняет Луи Наполеона в заговоре против республики. Ах, господин Прудон изволит писать резкие статьи? Предать его суду по обвинению

в оскорблении президента и в возбуждении ненависти между общественными классами! Прудон напрасно растрчивает свое красноречие, все уже решено. Его приговаривают к трехлетнему заключению и штрафу.

Он решил на побег. Бельгия дает ему тихий приют. Жить спокойной жизнью и ждать перемен он не желает. Через неделю он снова во Франции. Под чужим именем он живет у своего приятеля, а в газете «Народ» из номера в номер печатаются его ядовитые статьи против Луи Наполеона. Только вечерами, стараясь никому не попадаться на глаза, он совершает небольшие прогулки. Откуда полиции знать, что он в Париже? Он выходит днем, забыв об осторожности. С 6 июля 1849 года Прудон — заключенный тюрьмы Сен-Пелажи.

В тюремной камере Прудон находит больше жизненных удобств, чем у себя дома. У него каждый день есть хлеб, и тюремная еда вполне сносная. Прудон пользуется относительной свободой. Под честное слово ему даже разрешается иногда уходить домой из тюрьмы. Он пользуется книгами и газетами. Прудон продолжает работать. Помимо множества газетных статей, написаны две книги — «Признания революционера» и «Идея революции XIX столетия». В них он пытается обосновать свою теорию анархизма и доказать, что анархизм — тот идеальный общественный строй, который даст счастье человечеству. И почему бы, наконец, не подумать о семье? Да, Прудон решил жениться. Скромная крестьянка, найденная для него друзьями, его вполне устраивала. Любовь? Все это глупости, не стоящие внимания сильного и умного мужчины, занятого делом. Жена должна быть хорошей хозяйкой и матерью. Духовная близость? Для этого есть друзья. Прудон был доволен своей семейной жизнью, хотя и началась она в тюрьме. Две девочки (и еще две умерли маленькими) были предметом его вечной заботы. В письмах друзьям он с радостью рассказывает о множестве талантов своей старшей дочери.

Срок заключения кончается. Что дальше, как кормить семью? Одному из друзей Прудон пишет: «Я имею в виду после стольких химер приняться за свою старую службу наборщиком или приказчиком, так как литературой теперь нельзя существовать во Франции. Я задумал пересоздать экономическую науку и философию; сверх того я занят всемирной историей. Со всем этим я справлюсь, ибо я привык работать в бедности среди всевозможных материальных неудобств. Первые свои труды я написал за типографским станком, набирал сам свои сочинения. «Экономические противоречия» я написал за прилавком в Лионе. Последние мои произведения написаны мною в заключении. Свою жизнь я надеюсь окончить так же, как и начал. Я много трудился и в конце концов могу гордиться тем, что был одним из самых свободных людей на свете».

Снова стать наборщиком? Не так-то это просто. Прудон — одно это имя внушает ужас. От него лучше держаться подалеже. Его мечта издать шестидесятитомную «Всеобщую биографию», где были бы жизнеописания всех героев человечества, остается неосуществленной. Попытка основать газету не удается.

Прудон, конечно, оказался прав: «Республиканец» Луи Наполеон 2 декабря 1851 года совершил государственный переворот, а еще через год был провозглашен императором. Негодяй? Безусловно! Но что, если попытаться сделать Наполеона III своим оружием: опираясь на его помощь, организовать народный банк? Прудон пишет брошюру «Государственный переворот как проявление революции». Диктатура Наполеона III должна воплотить в жизнь идеи Февральской революции. В этом случае переворот можно расценить как благо для народа. Наполеон III — спаситель революции, ибо обстоятельства сложились так, что, если император не будет следовать революционным заветам, его власть падет.

Об этой работе Прудона Маркс отозвался так: «В своей книге о Луи Бонапарте он открыто признается в том, что мне приходилось доказывать еще на основании его «Философии нищеты», а именно в том, что его идеалом является мелкий буржуа. Франция, говорит он, состоит из трех классов: 1) буржуазии, 2) среднего класса (мелких буржуа), 3) пролетариата. Цель истории, и в особенности революции, заключается в том, чтобы растворить крайности — первый и третий классы — во втором классе, золотой середине, а этого можно достигнуть посредством прудоновских кредитных операций, конечным результатом которых должно быть упразднение процента в его различных формах».

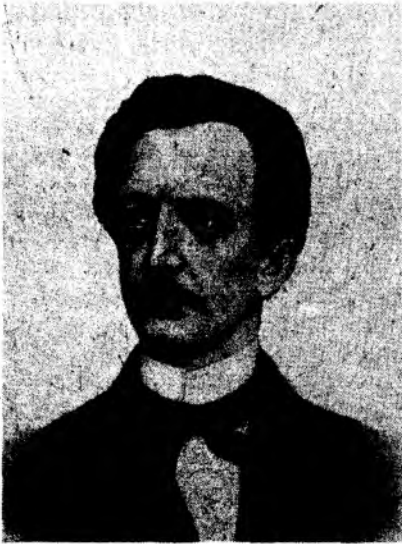
Прудон недолго уповал на «революционность» Наполеона III. И когда началась Крымская война, в которую ввязался Наполеон Малый, Прудон искренне желал победы России. В 1858 году он издает новую книгу — «О справедливости в революции и церкви» с резкими нападками на католицизм. Издание конфисковано, его автора присуждают к трем годам тюремного заключения и штрафу за оскорбление католической религии и общественной нравственности. На этот раз Прудон уезжает в Бельгию, твердо решив не отсиживать второй срок. В Брюсселе он находит литературную работу, к нему приезжает семья. Прудон по-прежнему много пишет. В книге «О справедливости» он констатирует факт отсутствия революционности в правлении Луи Наполеона, в трактате по международному праву «О войне и мире» обосновывает новый парадокс — «право основывается на силе». Но ни одна новая работа Прудона не может поспорить с его первым сочинением о собственности. Все лучшее он уже создал. Все в прошлом. Сознал ли он это?

Прудону объявлена амнистия. Тяжело больным он вернулся во Францию в 1863 году. Перед смертью он должен увидеть

горные отроги Юры. Должен поговорить с теми, кого оставил еще мальчишкой. Прудон едет на родину. Престарелый библиотекарь Вейс встречает его со слезами на глазах. Ведь более сорока лет прошло с тех времен, когда любознательный мальчик вызвал его, Вейса, недоумение...

Пьер Жозеф Прудон умер 19 января 1865 года. Его провожал весь город. Корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» сообщал из Парижа: «Его друзья и знакомые сложились, чтобы похоронить его; но так как время не терпело, общество франкмасонов выдало вперед сумму, необходимую для покупки гроба и наем дрог... Огромная толпа журналистов, литераторов, ученых, студентов и рабочих запрудила собой всю улицу. На могиле по обыкновению произнесены были речи. Замечание одного оратора о том, что у семейства Прудона не осталось ни гроша, не удивило никого».

Прудон часто ошибался. А еще чаще не сознавал своих ошибок, но, это признавали все, Прудон был безукоризненно честен. Еще юношей он писал: «Я родился и воспитывался в среде рабочего народа; с ним я делил радость и горе; с ним я жил умом и сердцем. Цель моей жизни — работать на пользу тех, кого я люблю называть своими братьями и товарищами. И эта цель будет достигнута, и я буду счастлив, если мне удастся посеять в народе семена того учения, которое я признаю законом нравственного мира».

«ВРАГ НАШИХ ВРАГОВ»

Из отчета секунданта, полковника Рюстова: «Жребий пал, письма Лассалья были отосланы господину фон Деннигесу и господину фон Раковицу. Я был в отчаянии, но хода вещей уже нельзя было ни изменить, ни предотвратить».

Никто ни о чем не догадывался. Еще свежа была в памяти триумфальная поездка по стране, когда ликующая толпа забрасывала цветами Фердинанда Лассалья.

Ему досталось в жизни много триумфов, и он любил их. Он был талантлив и знал это. И еще — он всегда побеждал своих врагов. Вот почему сегодня, 28 августа 1864 года, он так спокойно пьет чай, с улыбкой поглядывая на суетящихся секундентов. Беднягу Рюстова искренне жаль — так разнервничался! Где ему понять, что сегодня Лассаль выиграл поединок даже в том случае, если будет убит. А может быть, только в этом случае? Он многое успел сделать до того, как решил пережить самого себя. Ему нечего бояться.

Он родился 11 апреля 1825 года в семье богатого торговца шелком Геймана Лассалья. В год рождения нашего героя мир был устроен далеко не лучшим образом. В Англии начался промышленный кризис. В Америке Роберт Оуэн организовал социалистическую общину «Новая гармония» с тщетной надеждой показать возможность изменения существующего общественного строя. В России Николай I картечью доказывал декабристам: установленный порядок неизменен. Обо всем этом юный Фердинанд узнает еще не скоро. У него пока иные заботы.

В XIX веке модно было вести дневники. Их немало дошло до нашего времени, но дневник пятнадцатилетнего Лассалья — документ исключительный как по своей правдивости, так и по удивительной для подростка точности самоанализа. «Эти странички посвящаются всем моим поступкам, моим ошибкам и добрым делам. Для каждого человека очень желательно изучить свой характер. Как в романе можно узнать характер разных лиц из их действий и разговоров, так и каждый человек может себя изучить, читая внимательно свой дневник».

Ученик гимназии Фердинанд Лассаль был безмерно ленив, предпочитая урокам партию в бильярд. Домашние задания он не делал вовсе, списывая их у приятелей. Когда в отметных тетрадах накопилось слишком много доказательств его безалаберности, Фердинанд, не желая огорчать любимого им отца, стал подделывать родительские подписи. Угрызения совести мучили его недолго. Ему было просто некогда. Заядлый театрал, любитель кондитерских и отчаянный игрок, он ухитрился не только всегда оставаться в выигрыше, но и успешно пускать в оборот полученные таким образом зильбергроши. Он уделяет чрезвычайно много внимания своей внешности и одежде. У вас, читатель, уже сложилось мнение о богатом бездельнике? Вы ошиблись. Он обладал феноменальными способностями, исключительной памятью и незаурядным умом. Фердинанд много и серьезно читал. С детских лет он возненавидел торговый быт своих домашних, но это чувство не мешало ему их нежно любить. Чем могли его увлечь унылые педанты преподаватели со своими тощими идеями прусского полицейского государства? В гимназии — мелочность, чрезвычайное самомнение учителей, скука. В семье — почти полная свобода и восторженное обожание. И как результат — запись в дневнике Лассалья: «Я представляю собой обыкновенного эгоиста. Родись я принцем или князем, я был бы аристократом душой и телом. Но так как я человек невысокого происхождения, то я со временем буду демократом».

Фердинанд уговаривает отца перевести его из гимназии в коммерческое училище в Лейпциге. Разительная перемена! Бывший вертопрах, кажется, поставил себе задачу познать все. Он прекрасно занимается и даже пишет сочинения за своих товарищей. Изучает английский язык, а в библиотеке просит книги Корнелия и Вольтера. Но преподаватели и директор училища относятся к нему много хуже, чем в Бреславле. Дело в том, что Лассаль имеет не только собственное мнение, но и смелость высказывать его публично. Так, на поставленный для сочинения вопрос «Как можно лучше всего отблагодарить бога за полученные милости?» Лассаль заявил: «Не бесплодным бормотанием псалмов, а добрыми делами». Директор училища Шибе, возмущенный «безбожием» воспитанника, произнес фразу, являющуюся воспитательным кредо многих поколений пе-

дагогов: «Знай же, если ты еще раз осмелишься так думать, тебя призовут в совет!» Мудрость наставников («Если купец говорит о Сократе и Цицероне, то он должен скоро обанкротиться») неприемлема для Лассалья. Для него становится очевидным — коммерция не его призвание. Вопреки воле отца Фердинанд бросает училище, возвращается в Бреславль и самостоятельно готовится к экзаменам на аттестат зрелости.

В 1843 году Лассаль — студент философского факультета Бреславльского университета. История, философия, классическая филология — любимые предметы. Он изучает Гегеля, Фейербаха, самостоятельно знакомится с социалистическими учениями Сен-Симона, Фурье. За участие в коллективном протесте студентов против реакционера профессора Лассаль получает две недели карцера, а затем переводится в Берлинский университет. Он штудирует древности, что не мешает ему правильно оценивать неспокойную современность.

1844 год. В родной Силезии, около Бреславля, началось страшное по силе и безнадежности восстание ткачей. Их обкрадывали не только фабриканты, но и помещики, которые собирали налог за право работы на мануфактурах. Пока труд был ручной, ткачи обеспечивали себе полуголодное существование. Но когда на фабриках появились машины, положение стало трагичным. Голодная смерть стала явлением будничным. Кто может рассказать, как начинается стихийное восстание? Кто первым поднял камень? Громили дома и склады. Обезумевшие люди, вооруженные кирками и палками, с мужеством отчаяния шли стеной на войска.

Лассаль дает свою оценку событий, непохожую на официальные суждения по поводу животной дикости силезских ткачей: «Здесь серьезность, кровавая серьезность. Здесь нет никакой ошибки — это начало той войны бедных против богатых, которая страшно близка. Это первые потуги коммунизма, который теоретически и практически наполнил наши вены и проник в наше тело». Старое должно неизбежно погибнуть. Будущее человечества — коммунизм.

Лассаль становится известен в либеральных кругах. Знаменитый ученый Александр фон Гумбольдт называет его «чудоюноша». В Париже, куда приезжает Лассаль для работы над диссертацией, он знакомится со своим любимым поэтом Генрихом Гейне. Гейне очарован: «Мой друг, г-н Лассаль, — человек с выдающимися умственными дарованиями и наряду с основательнейшей ученостью, широкими знаниями и величайшим острым умом, какой я когда-либо встречал, обладает богатейшим даром красноречия. Он соединяет в себе энергичную волю и ловкость в поступках. Соединение знания и силы, таланта и характера составляет для меня радостное явление». Лассаль знакомится с книгой «Философия нищеты» и ее автором Прудоном. Благодаря рекомендательным письмам Гейне

Лассаль принят в высшем обществе. Ему льстит внимание титулованных дам и господ. Фердинанд прекрасный наездник, он равнодушен к женщинам, он умеет очаровывать людей.

Университет закончен. Лассаль — доктор философии. Его ожидает блестящая карьера. Впереди работа на кафедре, продолжение научных работ. Но не стоит торопиться. Нельзя ничего предугадывать в жизни Лассалья. Его поступки непредсказуемы, хотя и понятны. Лассаль получит громкую известность, но не на научном и не на революционном поприще. Сам он назовет это время «самой красивой страницей своей жизни».

Неслыханный скандал в светском обществе! Графиня Гацфельд решила на бракоразводный процесс. Граф Гацфельд оклеветал и ограбил ее, лишил возможности видеться с детьми. На его стороне — деньги, связи, судебные власти. Ни один адвокат не рискует браться за это дело. Фердинанд Лассаль, не имеющий к юриспруденции никакого отношения, решает выиграть процесс, чего бы это ни стоило. По мнению Лассалья, в судьбе графини сконцентрировалось все зло феодального общества, поэтому борьба за ее интересы является борьбой за революционные принципы нового времени. С необычайным упорством он изучает юриспруденцию, произносит ошеломляющие речи, проводит этот процесс через 36 судебных инстанций. Многолетняя борьба закончилась победой Лассалья. После окончания суда толпа выпрягла лошадей из экипажа и с триумфом повезла Лассалья по городу. Графиня Гацфельд подарила Лассалю часть отвоєванного у графа состояния, обеспечив Фердинанду безбедное существование до конца дней. Он проявил силу, выдержку, талант, но... гора родила мышь. Об этой «красивой странице» К. Маркс написал с нескрываемой иронией: «Он считает себя покорителем мира, потому что ни перед чем не останавливается в частной интриге, как будто действительно выдающийся человек пожертвовал бы десять лет на такие пустяки...».

Конечно же, Лассаль не остался равнодушным зрителем, когда в 1848 году революция всколыхнула всю Германию. Но роль Лассалья в этих событиях достаточно скромна. Он читает лекции в рабочих кружках, выступает на митингах, где призывает по первому слову Национального собрания выступить с оружием в руках в защиту конституции. За эти речи он и будет арестован как призывающий граждан к вооруженному сопротивлению королевской власти. Именно в это время Лассаль близко знакомится с Марксом, от которого получит по-настоящему научные знания о социализме и классовой борьбе.

В ожидании суда Фердинанд Лассаль готовит защитительную речь. Она никогда не будет произнесена. Дело в том, что еще до процесса печатные листы ее стали широко распространяться. В наказание суд решил провести процесс при закрытых

дверях. В знак протеста Лассаль отказывается от защиты. Несмотря на оправдание присяжных, он остается в тюрьме, потому что правительство предъявляет новое обвинение в сопротивлении, оказанном судебной администрации. Полгода за решеткой не лишают его ни энергии, ни уверенности. Он добивается разрешения не только иметь книги, но и выходить на короткое время из тюрьмы для участия в деле графини Гацфельд.

Когда Лассаль получает свободу, революция уже подавлена. Маркс и Энгельс снова оказались в эмиграции. «Союз коммунистов» разгромлен. Что же касается Лассалья, то он, известный властям прежде всего как «главный уполномоченный» графини Гацфельд, в период жесточайшей реакции спокойно проживает в Берлине и заканчивает свои философские работы. «Философия Гераклита Темного из Эфеса» приносит Лассалю громкую славу среди ученых.

Дом Лассалья, наполненный редчайшими книгами, изящной мебелью, восточными коврами, японскими вазами, бронзой и прекрасными картинами, — отнюдь не жилище аскета-революционера. «Современный Алкивиад», «модный лев» окружен сонмом очаровательных дам. У него собирается цвет берлинского общества: литераторы, художники, ученые — люди известные и благонамеренные. Хозяин умеет расположить к себе всех. Хотя, конечно же, завистников достаточно. Один из них, интендантский советник Фабрице, обидевшись на какую-то шутку Лассалья, потребовал «удовлетворения». Лассаль со смехом отказывается от дуэли. Оскорбленный советник со своим приятелем подстерегли Фердинанда во время прогулки и напали на него с кулаками. Лассаль воспользовался своей тростью, заставив нападавших позорно бежать с поля боя. Это крохотное приключение все же стоит внимания. В письме к Марксу Лассаль объяснил причину своего отказа стреляться: «Я считаю дуэль бессмысленной окаменелостью, уже пройденной культурной ступенью».

Жизнь светского льва льстила самолюбию, но не могла увлечь. Лассаль распространял (не без риска) нелегальную литературу среди рабочих в Дюссельдорфе, писал подробные письма-обозрения в Лондон, Марксу. И все же он не был способен на кропотливую черновую работу для революции. Он ждал своего звездного часа. Ему была нужна деятельность-феерия, пусть короткая, но блистательная.

Летом 1861 года Лассаль путешествует по Швейцарии и Италии. В Цюрихе он знакомится с бывшим офицером, участником одного из походов Гарибальди — Рюстовым. Рюстов везет нового знакомого на Капреру. Здесь, на крохотном островке около Сардинии, Лассаль встречается с героем Италии Джузеппе Гарибальди.

Гарибальди сражался на суше и на море, в Европе и Юж-

ной Америке — всюду, где была тирания и где требовались его мужество и гений полководца. «Я не люблю войну, — говорил он, — это слезы угнетенных заставили меня взяться за оружие». Его имя стало символом свободы. Даже в далекой крепостной России один из мужиков убежденно заявлял в ответ на обещание скорой «воли»: «Если Гарибалка не придет, ничего не будет». Скромный, стесненный материально, Гарибальди, в своей неизменной красной рубашке, был полной противоположностью богатому щеголю Лассалю. Но оба любили свободу, мечтали о революции, были готовы рисковать. Они понравились друг другу. Втроем они разрабатывают план революции. Рюстов добудет оружие для Гарибальди, который высадится в Далмации, поднимет восстание и двинется на Будапешт. После Венгрии непременно восстанет Австрия. Лассаль поднимет рабочих Германии. К. Маркс, узнав об этом плане, назвал выдумку Лассалья «потешной». Дело это не получило никакого продолжения и любопытно только тем, что наглядно показало готовность Лассалья к любой политической аванюре.

В начале 1862 года в Германии произошли события, вошедшие в историю как конституционный конфликт. Либералы-буржуа, члены ландтага, требовали от прусской монархии реформ и расширения конституционных прав. Король же тяготился и теми куцыми правами, которые были даны. Момент настал. Нужно было или поделить власть с буржуа, или упразднить конституцию. В этих условиях у депутатов был только один путь — вооружив народ, силой добиться выполнения своих законных требований. Но трусливые буржуа продолжали уповать на королевское слово и «право». Напрасно Лассаль доказывал им необходимость борьбы в своей речи «О сущности конституции». Чего уж проще? Конституция только тогда не является клочком бумаги, когда ее статьи подтверждаются реальной властью. У кого сейчас власть? У короля, аристократии и финансовых воротил, в чьих руках армия, промышленность, торговля, банки, биржа. Как можно добиться реальных конституционных свобод? Только силой! Поэтому — «никакого нового компромисса со старым абсолютизмом, а рукой за горло и коленом на грудь!». Ах, как вопили буржуазные парламентарии! Какими эпитетами только не награждали Фердинанда Лассалья королевские «верноподданные»! Король же не терял времени на болтовню. Он вручил власть прусскому помещику Отто фон Бисмарку.

Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен Бисмарк, получивший впоследствии титул князя, происходил из прусских помещиков-юнкеров.

Человек отчаянной храбрости, (дрался на 27 дуэлях), огромной воли и гибкого, трезвого ума, Бисмарк стал быстро подниматься по служебной лестнице, занимая важные дипломатические посты. В то время, когда депутаты-буржуа тупо

пережевывали словесную жвачку, Бисмарк, назначенный министром-президентом Пруссии, произнес в ландтаге свою крылатую фразу: «Великие вопросы эпохи разрешаются не речами... а железом и кровью».

Лассалю — явному врагу королевской власти, не признанному в среде либералов, оставался только один путь — создание самостоятельной рабочей организации. Только германский пролетариат, численно увеличившийся в результате роста крупной промышленности, был той силой, которая могла решительно противостоять политике правительства Бисмарка. 12 апреля 1862 года Лассаль выступает перед рабочими предместья Берлина. «Программа работников», или, как гордо именовал ее Лассаль, «сжатая на 44 страницах философия истории», произвела огромное впечатление. Главный вопрос — историческая роль пролетариата в процессе общественного развития. Парадоксально, но «Программа», двинувшая рабочее движение вперед, отбросила социалистическую мысль далеко назад. Диалектика «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса у Лассалья превращалась в вечно застывшую категорию.

Взяв многое у Маркса, он продолжал изучать Гегеля. Мысль Гегеля, что высшее воплощение исторической идеи — государство, Лассаль продолжил: идеальное государство будет создано пролетариатом путем всеобщего избирательного права. То, что у Маркса было только одним из средств, у Лассалья превращается в цель. Лассаль «пропускает» в своей программе и цель борьбы — коммунизм, и средство — социальную революцию. Или он все еще мечтал соединить несоединимое — рабочее движение и буржуазию? Во всяком случае, и правительство и либералы расценили речь Лассалья как «возбуждение одной части населения против другой». Для Лассалья началась серия судебных процессов, использовавшихся им для пропаганды.

Логика борьбы ведет Лассалья дальше. Остановиться уже невозможно. Даже смерть горячо любимого отца не смогла оторвать Лассалья от политической жизни. Берлин и Лейпциг уже решили созвать всеобщий германский рабочий конгресс. «Программа работников» прозвучала в тот момент, когда ее более всего ждали. Лассаль доказывал: в настоящее время главной задачей является образование самостоятельной рабочей партии.

Лейпциг. Лассаль произносит речь «К рабочему вопросу». Он не оставляет от обвинений своих противников камня на камне. Театральность его манер, то, что Лассаль восстает против своего же класса, даже то, что он много и ярко говорит о себе, — все работает на него. Да, им, рабочим, и нужен такой герой-одиночка, который поведет за собой, который знает, что и как надо делать. Он победил: 1300 голосов за Лассалья и только 7 — против. Два выступления во Франкфурте-на-Майне. Ему мешают говорить, фабриканты выкрикивают оскорбления в лицо.

Пусть кричат — 400 человек против одного поддержали Лассалья.

23 мая 1863 года в Лейпциге 12 представителей из 11 городов основали Всеобщий германский рабочий союз. Председателем избран Лассаль. Первая в истории рабочего движения организация не только пропаганды, но и действия создана. Лассаль совершил много ошибок, но борьба, которую он вел за создание самостоятельной рабочей организации, навсегда обессмертила его имя. Об этом писал В. И. Ленин: «Великая историческая заслуга Лассалья состояла в том, что он превратил рабочий класс из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию».

Следующий шаг — вовлечение в союз новых сил. Лассаль совершает поездку по рейнским городам. В его честь пишутся оды, на него смотрят с восторгом. Лассаль никогда не отличался скромностью, чувством меры. Он принимает собственный культ как должное. Он живет для этих людей, но не с ними, а над ними. Лассаль очастливил их, взяв власть в союзе в свои руки. Он называет их дружески-фамильярно «мои рабочие». А истины, которые проповедует Лассаль, кажутся этим пока еще наивным малограмотным людям верхом мудрости и логичности.

Железный закон заработной платы, всеобщее избирательное право — краеугольные камни теории Лассалья. Рабочим всегда будут платить ровно столько, сколько им хватает на самое необходимое. Если даже они сумеют добиться увеличения заработной платы, то это приведет к увеличению рождаемости и реальная плата снова уменьшится. Ныне рабочий обречен на нищету. Мелкие артели бессильны. Выход один: предпринимателями должны стать сами рабочие. Капитал предоставит государство, потому что оно должно стать ассоциацией бедняков. Бедняки — 90 процентов всех избирателей. Всеобщее избирательное право есть вопрос желудка. Добиться этого права может только союз.

Эти идеи Лассалья станут теоретической основой одной из разновидностей оппортунизма — лассальянства и будут серьезной помехой в борьбе как германского рабочего движения, так и Интернационала. Маркс доказал всю наивность лассальевской схемы. Заработная плата не цена труда, а цена рабочей силы. Чем сильнее и сознательнее пролетарии, тем меньше возможностей у капиталистов безвозмездно присваивать себе их неоплаченный труд. Всеобщее избирательное право не меняет сущности буржуазного государства. И все же Маркс не выступил против Лассалья. В условиях поднявшегося рабочего движения критика Лассалья принесла бы больше вреда, чем пользы. Вот почему оценку деятельности Лассалья Маркс давал только в кругу близких друзей.

Лассаль убежден: несколько месяцев — и победа обеспечена.

на. Мирная революция в случае уступки правительства или же грандиозное восстание. Победа пролетариата на выборах делает Лассалья главой правительства, признанным вождем революции. Он надеялся в первый же год иметь в рядах союза сто тысяч человек. Их оказалось менее четырех тысяч. На издание партийной газеты не хватало средств. Кропотливая, каждодневная работа? Нет, это не для него. Раз рабочие соображают так медленно, а революционные средства действуют плохо, — надо искать другой путь. Другой путь привел Лассалья к Отто фон Бисмарку.

Они были странными союзниками. Бисмарк — крайний реакционер, мечтающий объединить Германию «железом и кровью» под главенством Пруссии и задушить революционное движение. Лассаль — убежденный сторонник народного государства, открыто именующий себя революционером. О чем они могли договориться? Ни один из них не рассчитывал перетянуть на свою сторону другого. Каждый считал возможным перехитрить союзника, заставить работать на себя. Лассаль ненавидел либеральную буржуазию за трусость, Бисмарк — за противодействие прусской монархии. Для Лассалья всеобщее избирательное право — путь к народному государству. Бисмарк убежден: «право» он сумеет использовать в интересах прусской короны, так как народ забит и темен. Оба соглашались на необходимость предоставления государственной помощи рабочим ассоциациям. По мнению Лассалья, ассоциации будут превращать рабочих во владельцев предприятий. Бисмарк уверен: подачи рабочим направят революционное движение в сторону от борьбы с монархией. В тот момент их интересы совпали. Бисмарк уничтожал революцию тем же оружием, каким Лассаль хотел ее совершить.

Лассаль проиграл. Даже близкий друг не верит в правильность избранного пути: «Бисмарк храбр благодаря своим результатам и играет фальшивую игру с рабочими; скоро нам надо будет больше его бояться, чем прогрессистов, ибо борьба с ним потребует больше жертв. Надеетесь ли вы еще на социальное королевство?» Он уже не надеялся. Его, которого нельзя было купить ни деньгами, ни должностями, подкупили надеждой: ему, Лассалю, рабочее движение будет обязано победой. И противостоять этой надежде натура Лассалья не смогла.

Он смертельно устал: болезнь, начинающиеся разногласия с наиболее грамотными членами союза, работа. Лассаль мечтает об отдыхе. Но прежде чем отправиться на лечение, он считает необходимым побывать в отделениях союза. Лейпциг, Дюссельдорф, Золинген, Бармен, Кельн. Лассалья везде встречают цветами и овациями. В него продолжают верить, но что знают эти добрые люди? «Я ужасно устал. Мой крепкий организм расшатан до невозможности. Я до того возбужден, что совершенно лишился сна».

Ему доложили, что какая-то дама желает его видеть. Елена фон Деннигес, дочь баварского посланника, с которой когда-то познакомили Лассалья, приехала в Швейцарию навестить его. Эта красавица заняла все его мысли. Она казалась олицетворением счастья и покоя. Воля, энергия сконцентрированы в одно желание — добиться Елены. Разумеется, ее родители и слышать не желали об этом браке. Сын торговца, преступник-агитатор претендует на честь породниться с потомственными аристократами! Этого не будет никогда. Фон Деннигес запрещает дочери видаться со «смутьяном», сажает ее под замок. Елене удается бежать из дома. Пусть Фердинанд пойдет на громкий скандал, пусть увезет ее. Лассаль, уверенный в ее любви, сам возвращает Елену родителям. Он убежден, что сумеет добиться их согласия. Лассаль предусмотрел все, кроме самой Елены: она отказалась от него. Он был загнан в угол. В политике почва ушла из-под ног. Любимая женщина предала его. Когда-то он посмеялся над светскими условностями и отказался от дуэли. Теперь, ослепленный яростью и отчаянием, Лассаль сам послал вызов. Вместо старика Деннигеса вызов принял новый жених Елены.

Из отчета секунданта, полковника Рюстова: «Я скомандовал: раз. Едва прошло пять секунд, как грянул первый выстрел, и притом со стороны г-на фон Раковица. Сейчас же за ним, не прошло и секунды, ответно выстрелил Лассаль. Он промахнулся, смерть уже настигла его. Было вообще чудом, что он мог стрелять».

Промучившись три дня, Фердинанд Лассаль умер 31 августа 1864 года. В нелепую смерть на дуэли никто не желал верить. Лассаль, конечно же, пал от руки политических противников. Кто убийца — Бисмарк, прогрессисты? Легенды создавались долго.

Характер творит судьбу. Когда-то любимый Лассалем Гейне писал: «Всякий выдающийся человек призван выполнить известную миссию в истории. Выполнив эту роль, он становится уже не нужен на земле таким, каков он есть, и провидение избирает его для чего-то другого. Злые духи на каждом шагу ставят ему препоны, пока он наконец не погибнет».

Трудно сказать, что ожидало Лассалья, останься он жить, — одно несомненно: все лучшее, что он мог совершить, он уже сделал. И все же Карл Маркс, который, как никто иной, знал, что представлял собой Лассаль, написал о нем эти слова: «Он принадлежал еще к старой гвардии и был врагом наших врагов».

На скромном могильном памятнике в Бреславле надпись: «Здесь покоится то, что было смертного в Фердинанде Лассале, мыслителе и борце».

ИСПОВЕДЬ НЕРАСКАЯВШЕГОСЯ ГРЕШНИКА

15 мая 1851 года австрийский военный суд вторично приговорил бывшего русского дворянина Михаила Бакунина к смертной казни через повешение. Бакунин выслушал приговор с поразительным спокойствием. Он еще не знал, что австрийские власти приготовили для него известие, страшнее любой смерти, — решение о выдаче его России. Он никогда не узнал, что, когда восемь дней спустя после суда за ним захлопнулась окованная железом дверь пятой камеры Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, Николай I на докладе об этом событии написал, как выдохнул, только одно слово: «Наконец!» Что казнь? Он находится в Петропавловке — каменном склепе, откуда никто и никогда бежать не смог.

Холодный, брезгливый взгляд шефа жандармов Орлова неспешно скользит по заключенному. Властное, холеное лицо графа (титул получен за подавление восстания декабристов) странно смотрится в одиночной камере:

— Пишите к государю, как бы вы говорили со своим духовным отцом. Такова воля императора. Вы сообщите о славянском и немецком движении, о ваших связях с бунтовщиками в России подробно и чистосердечно.

Отставному прапорщику Михаилу Бакунину есть что вспоминать и есть в чем каяться. Трагически противоречивой была его жизнь. Его преследователи превозносили его до небес, противники обвиняли в страшных преступлениях. И те и другие не были голословны и могли подтвердить свое мнение фактами. Не стоит закрывать глаза на противоречия. Бакунина

можно разоблачать или оправдывать. Давайте попробуем понять.

Помещик Тверской губернии Александр Михайлович Бакунин до своего уединения в родовом имении Премухине успел послужить по дипломатической части в Италии и Франции; посетил сей мир «в его минуты роковые» — видел, как восставший народ захватил королевскую тюрьму Бастилию, общался с самыми знаменитыми умами того времени и, вернувшись в Россию, благополучно пережил двух монархов — Екатерину II и Павла I. В сорок лет женился на восемнадцатилетней красавице, родственнице как будущего декабриста Муравьева, так и будущего Муравьева-вешателя, усмирителя польского восстания 1863—1864 годов. Две тысячи крепостных кормили и обслуживали барский дом. «Мое нравственное воспитание было уже извращено с самого начала тем, что все мое материальное, умственное и моральное благополучие покоилось на вопиющей несправедливости, на абсолютной безнравственности, на рабстве крестьян, за счет которых мы вели праздную жизнь. Мой отец прекрасно сознавал всю глубину этой безнравственности, но, как человек практичный, он никогда не говорил нам об этом, и мы очень долго, слишком долго не подозревали этого». «Мы» — это одиннадцать детей Бакуниных. Но только один из них, родившийся в 1814 году Михаил, все осознав, окажется настолько непрактичным, что всю жизнь будет бороться против своих же собственных привилегий.

Детей Александр Михайлович учил сам. С древней историей знакомились по Титу Ливию и Плутарху. Мишель изучает французский, немного немецкий и с грехом пополам английский. Смутные представления о географии и довольно приличные по арифметике, алгебре и геометрии — все его первоначальное образование. Пушкинскому Петруше Гриневу, который выучился «русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля», Мишель показался бы чудом учености. Взаимное уважение родителей и детей, культ просвещения и культуры окружали Михаила с детства. Вот почему диких форм российского бытия, пусть и приукрашенного светскими условностями, он принять не смог. После четырехлетнего пребывания в Артиллерийском училище в Петербурге Бакунин произведен в прапорщики и направлен служить в Литву. Обязанности необременительны. К водке и картам он остался равнодушен. Все свободное время восемнадцатилетний юноша проводит за чтением. Естественные науки, занятия русским языком, а более всего история приобщают его к жизни, весьма далекой от интересов маленького гарнизона.

Чем это так увлечен прапорщик Бакунин? Скучнейшей на свете книгой — хроникой жизни Алексея Михайловича, где каждый шаг царя описан с той же тошнотворной подробностью и серьезностью, с какой Шахерезада описывала Шахрияру

женские наряды и полученные подарки, уверенная, что за столь увлекательные сведения царь, конечно же, дарует ей жизнь. Есть чему ухмыляться сослуживцам-аристократам. Только напрасно они это делают. Однажды за столом у Алексея Михайловича возник спор между двумя боярами, кому из них сидеть на более почетном месте. Вдоволь посмеявшись над ними, царь усадил их по-своему. Боярин, посчитавший свою честь задетой, бросился в ноги государю и завопил: «Прикажи меня умертвить, но не наноси бесчестия моему роду!» Царь приказал вывести родовитого боярина во двор и всыпать ему двести палок, а когда тот вернулся, то без звука уселся на отвергнутое им прежде место. Вот вам и древние права аристократии. Чем же так кичатся их потомки? Если сейчас дворянство пользуется некоторым влиянием, то это влияние лакея, знающего слабость хозяина.

Жаль огорчать отца, но офицерская карьера не для него. Дворянин Бакунин уехал в командировку в Тверь, из которой не пожелал вернуться. Покончив со службой, Бакунин начинает изучать немецкую классическую философию. Он не только отказывается от официальной религии, но и приходит к отрицанию всех ходячих представлений людей его круга: «Что такое любовь в свете? Чувство взаимной пользы, обремененное в тридцать две китайские учтивости. Что значит для нас любовь к отечеству? Холодная, затверженная из Карамзина фраза, без всякого настоящего значения. Что значит любовь к человечеству? Затверженные слова Евангелия: любите друг друга, как самих себя. Любовь к науке? Желание прослыть ученым. Любовь семейная? Привычка и обязанности. Любовь к богу? Боязнь ада и желание рая. Вот вам любовь нашего общества, вот вам жизнь его». Но должна же быть другая жизнь, где высокие мысли — не красивое обрамление негодного существования, а суть и смысл бытия. В поисках такой жизни Михаил Бакунин уезжает в Москву, где быстро сходится с Герценом и Огаревым, Станкевичем и Белинским. Кто прав? Те, кто в теории решают нравственные проблемы, или те, кто считают необходимой реальную борьбу? Он ищет универсальную философскую систему, объясняющую все.

«Быть ко всему готовым — вот главное, — пишет Мишель сестрам, — многие обстоятельства зависят не от нас, но они не должны пугать нас. «Последнее слово мудрости таково: лишь тот заслуживает свободы и жизни, кто каждодневно должен брать их с бою». Вот что говорит Фауст. Итак, не бойтесь, я не оставлю палицы, как Геркулес, — нет, для меня всякое счастье возможно только при общем счастье, при главном стремлении моем понять истину, жить в ней и действовать и говорить из нее». Он мечтает уехать в Берлин. Там центр философских исканий.

На поливаемой дождем пристани Кронштадта его провожа-

ет только Герцен. Бакунин ухитрился рассориться со всеми. Если речь не шла о революционном деле, он ни в грош не ставил элементарный такт в отношениях с людьми. «Идея для тебя дороже человека,— писал Бакунину Белинский.— Всегда признавал и теперь признаю я в тебе благородную, львиную природу, дух могучий и глубокий... превосходные дарования, бесконечные чувства, огромный ум; но в то же время признавал и признаю: чудовищное самолюбие, мелкость в отношении к друзьям, ребячество, легкость, недостаток задушевности и нежности, высокое мнение о себе на счет других, желание покорять, властвовать, охоту говорить другим правду и отвращение слушать ее от других». Все так. Но если бы те, кто бросал ему в лицо справедливые упреки, могли догадаться, как он вернется, ему бы простили многое.

В 1840 году Бакунин уже слушает лекции в Берлинском университете. Он легко сходится с людьми и сразу становится кумиром для многих. Среди его близких друзей молодой литератор И. С. Тургенев. Бакунин многое понял. Суть гегелевского учения — диалектика. А диалектика революционна. Он печатает статью «Реакция в Германии. Отрывок, составленный французом». Существующий политический и социальный мир несправедлив. Необходимо осуществить лозунг Великой французской революции — Свобода, Равенство, Братство. Добиться этого возможно только уничтожением существующих порядков.

Из России пришли восторженные отклики. Белинский писал: «Мишель во многом виноват и грешен, но в нем есть нечто, что перевешивает все его недостатки,— это вечно движущее начало, лежащее во глубине его духа». Отношения с русскими друзьями восстановлены.

С немецкими друзьями Бакунин уезжает в Швейцарию. В Цюрихе он знакомится с Вильгельмом Вейтлингом, бесстрашным апостолом утопического коммунизма. Вейтлинг, портной, один из основателей общества «Союз справедливых», жил мечтой о полном переустройстве мира. Не должны существовать ни правительства, ни частная собственность. Все буржуазные свободы — миф. Только революция и коммунизм могут освободить человечество. Хотя Бакунин во многом и не разделяет этих взглядов, тем не менее считает, что рациональное зерно в этом учении есть. В статье «Коммунизм» Бакунин утверждает, что «коммунизм исходит не из теории, а из практического инстинкта, из народного инстинкта, а последний никогда не ошибается». Он обратил на себя внимание местных властей, а вскоре им заинтересовались серьезно. У арестованного по обвинению в богохульстве Вейтлинга обнаружили письма, где чересчур часто упоминается «великолепный парень» Михаил Бакунин. По просьбе швейцарского правительства за его личностью устанавливают надзор российские аген-

ты Третьего отделения. Донесения в Россию не оставляют сомнений — Бакунин стремится перенести свою крамольную деятельность за пределы Швейцарии для повсеместного ниспровержения существующих порядков.

Приказ, переданный Бакунину через русское посольство, ясен и категоричен: немедленно, не ссылаясь ни на какие предлоги, вернуться в Россию. Бакунин столь же категорично отказался. Тогда по распоряжению Николая I Сенат приговорил Бакунина к лишению дворянского звания, всех прав состояния и, в случае возвращения в Россию, ссылке в Сибирь, в каторжные работы. Бакунин ответил неслыханной по дерзости статей во французской газете: в России закон есть не что иное, как воля императора. Вот почему любое преступление правительство может совершать на законном основании. Но, несмотря на это, в России появляются люди, которые стремятся действовать на пользу родине. Что же касается лишения дворянства, то невелика честь быть рабовладельцем и пресмыкаться перед царем.

Он уже привык не возвращать долги. Нет ни денег, ни надежд на их получение. Он живет только чужим гостеприимством. Преследуемый русской и швейцарской полицией, Бакунин переезжает из страны в страну. В Париже он изучает Сен-Симона и Фурье, устанавливает близкие отношения с Прудоном, знакомится с Карлом Марксом. Колоссальная эрудиция Маркса покорила Бакунина, но не сделала его последователем нового учения. Политэкономия, о которой до Маркса Бакунин не имел никакого представления, смешивается в его сознании с идеями Прудона о федерации. Никакой четкой политической программы у Бакунина пока нет, но он страстно мечтает о свободе, прежде всего для своей родины. Вот почему он выступает с призывом объединить усилия польских и русских революционеров. Он предсказывает — европейская революция неизбежна, пусть славянские народы возглавят ее. Пророчество Бакунина исполнилось — 23 февраля в Париже началась революция.

В те дни, когда Николай I, получив депешу о французских событиях, произнес историческую фразу: «Седлайте коней, господа! Во Франции объявлена республика», а полиция получила приказ сообщать в Третье отделение фамилии тех, кто разговаривал о революции, когда объятые паникой верноподданные доказывали невинность своих мыслей, не исключая даже доносов на самих себя, могучая фигура Бакунина, казалось, была одновременно на всех баррикадах Парижа. Он участник всех сходок и демонстраций. Он стремится доказать восставшим необходимость продолжать революцию за пределами Франции: «Революционное движение прекратится только тогда, когда Европа, вся Европа не исключая и России, превратится в федеративную демократическую республику». Префект с баррикад Коси-

дьер не знает, куда деваться от бешеной энергии Бакунина: «Какой человек! Какой человек! В первый день революции — это просто клад, а на другой его надобно расстрелять». Между тем предсказания Бакунина продолжают сбываться. Через два дня революция начинается в Австрийской империи. Он уже сражается на баррикадах Праги. События убеждают — только действуя совместно, демократические силы могут добиться победы. Бакунин пишет «Воззвание к славянам». Он убежден — наибольшей силы революция достигнет в России: «В Москве будет разбито рабство соединенных теперь под русским скипетром и всех вообще славянских народов, а вместе с тем и все европейское рабство, и навеки погребено под своими собственными мусором и развалинами».

Управляющий Третьим отделением Дубельт — графу Орлову: «Я с ужасом читал ядовитые возгласы Бакунина, и простите меня, ваше сиятельство, ежели осмелюсь сказать, что грешно будет нашим посольствам не употребить тайных стараний задержать его и доставить в Россию».

Бакунин продолжает оставаться на гребне революционной волны. Его нужно искать там, где всего труднее и опаснее. Весной 1849 года Бакунин — один из руководителей восстания в Дрездене. Вот где пригодились ему полученные в Петербурге военные знания. Он организует защиту города от прусских войск. Позже всю его деятельность перепуганные мещане будут изображать как цепь злодеяний жаждущего крови сумасшедшего. Саксонская газета напишет, что Бакунин «хищный зверь... и всякое противоречие своим приказаниям отклонял с пеной на губах». На замечание, что хранящийся в ратуше порох угрожает ей и соседним домам, он, спокойно попыкивая сигарою, ответил: «Что? Дома? Пусть взлетают на воздух!» Да, судьба революции его волнует больше, чем собственность нескольких буржуа. Что же касается кровожадности... Возбужденная толпа схватила какого-то гвардейца, выстрелившего из ружья. Напрасно несчастный уверял, что стрелял по голубям, толпа требовала казни, считая, что он стрелял в народ. Подошедший Бакунин громко приказал совсем запутавшемуся гвардейцу замолчать. Потом встал сзади него и тихо начал подсаживать, что нужно говорить, чтобы успокоить народ. Самосуд закончился немедленным освобождением ни в чем не повинного человека.

Бакунин не ест и не спит, наводя порядок на баррикадах и пытаясь спасти гибнущую революцию. Он давно уже понял, что борьба проиграна. Некоторые из тех, кто начинал это восстание, уже бежали. Но он не будет спасать себя. Бакунин вдохновил на эту борьбу многих и поэтому не может избегать опасности, тогда, когда она грозит другим. Когда поражение стало неизбежным, он предложил начальникам баррикад собраться в городской ратуше и взорвать себя с ней, потому что

лучше умереть, чем сдаться. Его не поддержали, и тогда Бакунин отдал приказ об отступлении. Ему удалось вывести около 1800 бойцов из осажденного города. Среди друзей, которые ушли с Бакуниным, но по счастливой случайности избежали ареста, был композитор Рихард Вагнер. Сам же Бакунин, измученный долгим недосыпанием и колоссальным напряжением сил, вместе с другом решил остановиться в гостинице. Ночью они были схвачены обывателями и выданы прусским военным властям.

В тюрьме Дрездена Бакунин на особом положении. Власти приписывают ему сверхчеловеческие возможности. Даже на прогулку его выводят, не снимая цепей. Пока Бакунин, почти уверенный в скором расстреле, занимается в своей камере высшей математикой, в суде уже подготовлены все материалы. 14 января 1850 года Бакунин приговорен к смертной казни, и этот приговор утверждает Высший апелляционный суд Саксонии. Через два месяца ожидания смерти король заменяет казнь на пожизненное заключение. Но тут до Бакунина добралась Австрийская империя. Очень многое может рассказать этот человек о восстании в Праге. Его везут под огромным конвоем. Офицер, севший в повозку рядом с Бакуниным, зарядил пистолет.

— Это зачем же? Неужели вы думаете, что я могу бежать при этих условиях?

— Нет, но вас могут отбить ваши друзья; правительство имело начет этого слухи, и в таком случае...

— Что же?

— Мне приказано всадить вам пулю в лоб.

В австрийской тюрьме его охраняют 22 рядовых, капрал и два ефрейтора. На всякий случай — ручные и ножные кандалы, а для полного спокойствия еще приковывают цепью к стене. И все же, несмотря на все эти предосторожности, тюремное начальство не чувствует себя спокойно. Ведь известно, что в Дрездене Бакунин сумел разложить солдат охраны и только благодаря бдительности начальства и своевременной смене караула удалось предотвратить побег этого бунтовщика. А поэтому нечего тянуть время — допросы следуют один за другим. Аудитор Франц не может скрыть разочарования. Бакунин много и охотно говорит о своих убеждениях и действиях, но стоит даже в завуалированной форме поинтересоваться сообщниками, как следует неизменное: «Я должен заявить, что вдаваться в подробности относительно отдельных лиц совершенно противоречит моему принципу». Разочарованным австрийским властям не остается ничего иного, как передать дело в военный суд. Так Бакунин выслушал смертный приговор во второй раз...

Мертвящую тишину камеры Петропавловской крепости нарушает только скрип пера. «Я был в явном бунте против Вас,

государь, против Вашего правительства; дерзал противостать Вам как враг, писал, говорил, возмущал умы против Вас, где и сколько мог. Да, государь, я буду исповедоваться Вам как духовному отцу... и прошу бога, чтобы он мне внушил слова простые, искренние, сердечные, без ухищрения и лести, достойные одним словом найти доступ к сердцу Вашего императорского величества...» Девяносто шесть страниц большого формата покрываются неровным мелким почерком Бакунина. Последние уничижительные строки: «Потеряв право называть себя верноподданным Вашего императорского величества, подписываюсь от искреннего сердца — Кающийся грешник Михаил Бакунин»!

Слышит ли Бакунин возмущенные голоса потомков? Как мог человек, имя которого звучало как символ свободы, настолько потерять лицо? Чернышевский прошение о помиловании отказался подписать, а здесь — «кающийся грешник»!

Да, Чернышевский дерзил, Бакунин — каялся. Но как? Что стоит за верноподданной формой и уничижительными самообвинениями, обращенными к монарху?

«Молю Вас, государь, не требуйте от меня, чтобы я Вам исповедовал чужие грехи. Ведь на духу никто не открывает грехи других, только свои». Николай I испещрил рукопись своими пометами. Против этих строк заметил: «Этим уже уничтожает всякое доверие, ежели он чувствует всю тяжесть своих грехов, то одна чистая полная исповедь, а не условная, может почесться исповедью». Да, Бакунин описывал свою жизнь и свое участие в европейских революциях. Почему бы не рассказать подробно обо всем, что уже известно из австрийского следственного дела? Объяснить причины необходимости смены существующих порядков так, чтобы даже царю это стало понятным. Лишний раз низко склониться перед монархом? Почему бы и нет, если при этом можно попытаться не только облегчить свою участь, но и сказать (кто ж другой посмеет?) правду: «Когда обойдешь мир, везде найдешь много зла, притеснений, неправды, а в России, может быть, более, чем в других государствах. Не оттого, чтобы в России люди были хуже, чем в Западной Европе; напротив, я думаю, что русский человек лучше, добрее, шире душой, чем западный, но на Западе против зла есть лекарство: публичность, общественное мнение, наконец, свобода, облагораживающая и возвышающая всякого человека. Это лекарство не существует в России. Западная Европа потому иногда кажется хуже, что в ней всякое зло выходит наружу, мало что остается тайным. В России же все болезни входят вовнутрь, съедают самый внутренний состав общественного организма. В России главный двигатель — страх, а страх есть цепь взаимных притеснений: высший гнетет низшего; сей терпит, жаловаться не смеет, но за то жмет еще низшего». И Бакунин задает (пусть риториче-

ский) вопрос: «Почему нынешнее правительство самодержавное не употребит своего всемогущества на освобождение русского народа?»

Не слишком ли дерзко для покаяния? Бунтовщик поднимал голову, даже склоняя ее. Карандаш царя подчеркивает большие абзацы, выражает сомнения, иронию или согласие. Но что любопытно — там, где Бакунин дает свою оценку западноевропейским событиям, мнения убежденного анархиста и убежденного монархиста полностью совпадают. Так ли это парадоксально, как кажется на первый взгляд? Основа анархизма — безграничная свобода индивидуальности. Монарх (индивид) требует безграничной свободы для себя. Крайности сошлись.

Да, он каялся и умолял царя заменить ему крепость на каторжную работу в Сибири. Кающийся грешник? Эту же рукопись читал один из самых рьяных членов Следственного комитета по делу декабристов, председатель Государственного совета А. И. Чернышев. Вот его мнение: «Я нашел полное сходство между «Исповедью» и показаниями Пестеля печальной памяти, данными в 1825 году, то же самодовольное перечисление всех воззрений, враждебных всякому общественному порядку, то же тщеславное описание самых преступных и вместе с тем самых нелепых планов и проектов; но ни тени серьезного возврата к принципам верноподанного — скажу более, христианина и истинно русского человека».

Это по сути. А о форме справедливо высказался один из исследователей Бакунина: «Можно было не писать исповеди или написать так, как она была написана. Другой тон ее в то время был бы немислим». Исповедь — средство вырваться из крепости. Сибирь — надежда на побег. Свобода — продолжение той борьбы, из-за которой он оказался здесь. Цель оправдывает средства. И если кто-то думает иначе, то Михаил Бакунин не может с ним согласиться.

Тюрьма убивала медленно. Началась цинга. Бакунина изматывают головные боли. И все же страшнее физических мучений мучения нравственные — «слышать даже в своей камере отголоски назревающей великой борьбы, в которой решаются самые важные мировые вопросы, — и быть вынужденным оставаться неподвижным и немым». Исповедник Николай I грехи не отпустил. Бакунина переводят в «лучшую и надежнейшую камеру» еще более страшной тюрьмы — Шлиссельбурга «подбительнейшее и строжайшее наблюдение». Можно утверждать, что Бакунин не вышел бы из тюрьмы никогда, если бы не смерть Николая I. Новый император Александр II хотя и вычеркнул собственноручно Бакунина из списка прощенных, а его матери сказал: «Сударыня, доколе сын Ваш будет в живых, он свободен не будет», — все же даровал «милость» — ссылку в Сибирь.

Место жительства — Томск. Существование степенное. Бывший бунтарь приобретает домик, разбивает цветник и женится на дочери дворянина, служащего в Сибири по золотопромышленному делу. Вскоре благодаря протекции дяди, генерал-губернатора Восточной Сибири, перебирается с семьей в Иркутск, где поступает на службу и (после ряда прошений в верноподданном духе) получает право свободно ездить по золотопромышленному делу в сибирские города и веси. Итак, ошибки молодости преданы забвению, обращение в новую веру состоялось? В это можно было бы поверить, если бы не отправленная с оказией записочка к Герцену: «Я жив, я здоров, я крепок, я женюсь, я счастлив, я вас люблю и помню и вам, равно как и себе, остаюсь неизменно верен».

Летом 1861 года, договорившись с женой, что в случае успеха предприятия она приедет к нему в Лондон, Бакунин отправляется «по торговым делам» в Николаевск. Здесь без особых хлопот ему удается сесть на торговое судно, идущее в Японию. В Йокогаме Бакунин пересел на американский клипер. В герценовском «Колоколе» появилось сенсационное сообщение: «Михаил Александрович Бакунин в С.-Франциско. Он свободен. Бакунин уехал из Сибири через Японию и собирается в Англию. Извещаем с восторгом об этом всех друзей Бакунина».

Наконец-то столько лет сдерживаемая энергия нашла выход. Он снова работает на революцию: налаживает переброску «Колокола» через русскую границу, организывает центры, комитеты. Герцен не без улыбки вспоминал: «Он спорил, проповедовал, распоряжался, кричал, решал, направлял, организовывал и ободрял целый день, целую ночь, целые сутки. В короткие минуты, оставшиеся у него свободными, он бросался за свой письменный стол... и принимался писать — пять, десять, пятнадцать писем в Семипалатинск и Арад, в Белград и Царьград, в Бессарабию, Молдавию и Белокриницу. Середь письма он бросал перо и приводил в порядок какого-нибудь отсталого далмата... и, не кончивши своей речи, схватывал перо и продолжал писать, что, впрочем, для него было облегчено тем, что он писал и говорил об одном и том же. Деятельность его, праздность, аппетит и все остальное, как гигантский рост и вечный пот, — все было не по человеческим размерам, как он сам; а сам он — исполин с львиной головой, с всклокоченной гривой». Его воля и темперамент могли бы творить чудеса, если бы он увлекал людей доводами, а не желанием. Он хотел верить и поэтому верил в необходимость немедленного восстания в Польше. Он убеждал всех, и в первую очередь самого себя, что русское тайное общество «Земля и воля» имеет сторонников во всех уголках России. Но одного желанья для революции мало. Вот почему нечеловеческая работа Бакунина кончалась только разочарованиями.

С приехавшей в Лондон женой Бакунин едет в Италию, где создает тайный революционный союз, рассчитывая превратить его в будущее ядро мировой революции. Если учесть, что в это время уже существует созданное Марксом и Энгельсом Международное Товарищество Рабочих — Интернационал, то действия Бакунина кажутся наивными. Только кажутся. По всем основным вопросам социальной революции Бакунин был идейным противником Маркса. И когда он со своими сторонниками войдет в I Интернационал, то сделает это лишь для того, чтобы подчинить эту организацию своим целям.

Во что же верил Бакунин, чего хотел, требуя «анархию и социализм»? Главное зло — государство. Для трудящихся всякое государство будет насилием над справедливостью. Демократическое государство, основанное на свободном голосовании всех граждан, также может стать отрицанием их свободы. Нужны доказательства? «В Америке пробыл месяц и многому научился. Увидел, как край этот путем демагогии дошел до тех же жалких результатов, каких мы достигли путем деспотизма». Вывод: «народу отнюдь не будет легче, если палку, которою его будут бить, будут называть палкою народною». Если революционеры на следующий день после революции начнут строить новое государство, то нужно бороться и с ними. Всякая власть действует на человека развращающе. Работники, вошедшие в правительство, перестают быть работниками, а становятся замкнутой кастой, преследующей свои интересы. А поэтому не нужно организованной партии рабочего класса и политической борьбы. Народ всегда готов к бунту. Нужна строго законспирированная, тайная международная организация, способная поднять беднейшие слои населения на немедленную революцию. А после победы свобода, равенство, братство будут достигнуты организацией общества в вольные федерации снизу вверх.

Идеи Бакунина находили поддержку среди мелкой буржуазии, люмпен-пролетариев. «В общем это — детство пролетарского движения, подобно тому, как астрология и алхимия представляют собой детство науки», — писали о бакунизме Маркс и Энгельс. Ленин определял бакунизм как мирозерцание «отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа». Борьба Маркса с Бакуниным — это борьба науки с утопией. То, что государство — зло (хотя и не главное), прекрасно понимали марксисты. Ленин писал: «Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как цели. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти *против* эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса».

Сергей Нечаев появился в Женеве в марте 1869 года. Властный взгляд, угловатые движения, весь — порыв. Говорит, что

бежал из Петропавловской крепости. Приехал не отсиживаться, а добыть денег для некоего тайного, но могущественного революционного комитета в России, который не сегодня завтра поднимет страну на небывалый бунт. Есть, конечно, малoverы, уверяющие, что нет в России никакого комитета и что бежать из Петропавловской крепости невозможно, но Бакунин не из их числа. Какой музыкой звучат местоимения Нечаева: мы решили, мы считаем, мы делаем. Мы — комитет, организация. Помочь ему всем, чем возможно! И вот уже Нечаев обладатель мандата: «Податель сего есть один из доверенных представителей русского отдела Всемирного революционного союза» (существующего только в мечтах анархистов). И подпись известного всему свету революционера Михаила Бакунина. Ученые сейчас спорят о том, написал ли «Катехизис революционера» Нечаев самостоятельно или в соавторстве с Бакуниным. Допустим, что Бакунин не писал этот изуверский документ: нравственно для революционера все, что способствует торжеству революции; безнравственно и преступно все, что мешает ему; во имя революции нужно рвать с законами, нравственностью существующего мира; можно убивать и шантажировать, подавив в себе все человеческие чувства. Но ведь читал. И смолчал. И помог. А ведь и «Катехизис» и мандат не были предметами игры в заговорщиков. За всем этим стояли судьбы и жизни множества людей.

«Катехизис» в действии. Нечаев писал в Россию людям знакомым и незнакомым, пачками отправлял «революционные» поручения. И ведь знал, что письма с женевским штемпелем перлюстрируются, что люди, которым писал, окажутся в ссылке, тюрьме ни за что. А для того и писал. Вот посадят, голубчики, горя хлебнут и станут не либеральными болтунами, а настоящими революционерами. Чем больше крови, тем скорее взрыв. А потом и сам вернулся в Россию не безвестным юношей, а посланцем «Всемирного союза», то есть, как мудро пояснил Нечаев, Интернационала. За худощавой фигуркой Нечаева — революционный гигант Бакунин. Как не поверить? В России Нечаев убьет человека только за то, что он не согласится с «самоотверженным изуверством». За это убийство на каторгу пойдут те, кто Нечаеву доверился. Сам он сумеет бежать за границу. Позже будет выдан России швейцарской полицией как уголовник, но процесс по его делу царское правительство использует для того, чтобы опорочить все революционное движение. Сколько крови стоила эта авантюра! Но лишь после того, как Нечаев применил методы «Катехизиса» к самому Бакунину, выкрыв у него ряд компрометирующих писем, Бакунин стал предостерегать друзей от этого человека: «Он играет в иезуитизм, как другие играют в революцию... Он весьма опасен, так как ежедневно совершает акты нарушения доверия, предательства, от которых тем труднее уберечься,

что трудно заподозрить их возможность». Гибельная теория анархизма вела к не менее гибельной практике. Но, обжегшись в очередной раз и горько сетуя на свою ошибку, Бакунин пускался в новое сомнительное предприятие. Человек, который не только звал народ к революциям, но и сам в них участвовал, убежденный, что только социалистическое общество, основанное на коллективном владении средствами производства, обеспечит свободу и справедливость, подтачивал изнутри Интернационал своей тайной организацией — «Альянсом», искренне полагая, что только анархистская программа приведет к победе. Интернационал был вынужден исключить Бакунина из своих рядов.

И еще один парадокс. В то время как идеи Бакунина были очевидно утопичны в Западной Европе, в феодальной России его книга «Государственность и анархия» стала боевой программой народников. Замечательная революционерка Вера Фигнер, пережившая двадцатилетнее заключение в Шлиссельбурге, вспоминала о влиянии Бакунина: «Его, как неукротимого борца-революционера, а не мыслителя, лелеяли мы в своей душе. Он, а не кто другой возбуждал энтузиазм, и в общем можно сказать, что все мы... были антигосударственниками в смысле бакунистском и увлекались поэзией разрушения в его листках и брошюрах. Под влиянием его статей мы верили в творческие силы народных масс, которые, стряхнув могучим порывом гнет государственного деспотизма, создадут самопроизвольно на развалинах старого строя новые справедливые формы жизни, идеал которых инстинктивно живет в душе народа». В будущем, убедившись в невозможности поднять крестьян на революцию, народники отказались от бакунизма. Но необходимый и революционный шаг они сделали. «Созидательные планы народников — утопия. Но в их созидательных планах есть элемент разрушительный по отношению к средневековью. А этот элемент совсем не утопия. Это — самая живая реальность. Это — самая последовательная и прогрессивная реальность с точки зрения капитализма и пролетариата» (Ленин). Бакунин, больной и несчастный, так и не узнал никогда об успехе его пропаганды на родине.

Горькие разочарования преследовали его до конца жизни. Поражением кончились революционные выступления во Франции, Испании, Италии. Иного и быть не могло. Неподготовленность и бессмысленность восстаний способствовали поражениям буржуазно-демократических революций в этих странах. Энгельс в статье «Бакунисты за работой» доказал, что анархисты самым ходом событий были вынуждены действовать вопреки собственным принципам. «Одним словом, — делал вывод Энгельс, — бакунисты дали нам в Испании неподражаемый образчик того, как не следует делать революцию».

Современник вспоминал: «Одет он был всегда в одно и то же

весьма истасканное платье, ел едва достаточную пищу, даже постели удобной у него не было: на его узенькой железной кровати с трудом умещалось его громадное тело. Она была ему коротка, вся шаталась и скрипела, а большой старый платок, служивший одеялом, покрывал его еле-еле. Единственной его роскошью был табак и чай. Курил он целый день, не переставая, и целую ночь с небольшими перерывами сна, когда боли давали спать». Уже тяжело больной, в письмах к Герцену и Огареву Бакунин осудил «Катехизис революционера» — «революционная деятельность, ради самого успеха своего дела, должна искать опоры не в подлых и низких страстях... без высшего, разумеется, человеческого идеала никакая революция не восторжествует». Он умер летом 1876 года. Иной читатель может недоумевающе нахмуриться. Бакунин — противник Маркса, внесший раскол в Интернационал и мешавший организованной борьбе рабочего класса. Тактика этого человека привела к многочисленным жертвам, а теория оказалась несостоятельной. Он жил и умер нераскаившимся грешником. Почему же имя его высечено на обелиске? Попытки делить исторических деятелей по-детски категорично на «хороших» и «плохих» вѣдут лишь к прямолинейным суждениям, за которыми стоит неумение или нежелание понять, каким сложным, мучительным путем движется история.

1 мая 1903 года в ленинской «Искре» было напечатано сообщение о сборе средств на памятник русскому революционеру Михаилу Александровичу Бакунину: «Нам остается прибавить, что несмотря на глубокие различия, отличающие наши взгляды от взглядов М. А. Бакунина, мы умеем ценить в нем человека, в течение всей своей жизни твердо и самоотверженно боровшегося за свои убеждения. Таких людей, к сожалению, слишком мало еще у нас в России, и память их должна быть дорога даже для их противников».

Петр Лавров
1823—1900

ВETERАН РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Полиция получила циркулярное предписание министерства внутренних дел о розыске Петра Лавровича Лаврова: «Лет от роду 47—48; волосы русые, на темени несколько рыжие; усы и бакенбарды рыжие, глаза серые; лицо круглое, красноватое; нос средний, довольно толстый; росту большого, особых примет не имеется». Можно представить, какие крепкие словечки отпускали жандармы, читая этот словесный портрет. А что еще оставалось делать, если побег Лаврова из ссылки был обнаружен спустя неделю? Подполковник Мерклин, пребывая в полной растерянности, не придумал ничего лучше, как отправить в Петербург свою беспомощную телеграмму: «Полковник Лавров... скрылся из Кадникова неизвестно куда. Поиски производятся». Начальник жандармского управления Мерклин никогда бы не поверил, что в Вологде он стоял рядом со сбежавшим Лавровым и не узнал его... Революционер Герман Лопатин (в будущем член Генерального совета I Интернационала, первый переводчик «Капитала» Маркса в России, а затем в течение четверти века заключенный «государевой тюрьмы» — Шлиссельбурга) организует бегство Лаврова. Нет ни усов, ни пышных бакенбард. Незнакомое бритое лицо старательно прячется в широкий воротник. Почтовый возок стоит у крыльца. А в это время все начальство пытается судьбу за карточным столом в доме исправника. Знали бы они тогда, что проигрывают! Позже исправник Ставровский, на которого свалят всю вину, сможет только в недоумении каяться, что уж Лаврова он никак подозревать не мог, принимая во внимание его чин,

лета и то, что с ним находилась его 80-летняя мать. И ведь не голодранец какой-нибудь! Владелец каменного дома в Петербурге, имения в Псковской губернии...

Милая, старенькая мама! Ведь не могла не понимать, что, может быть, навсегда прощается с сыном. И ни слезинки, ни вздоха. Кто же догадается? Семь дней морочила головы жандармам: «Занимается Петр Лаврович. Не выходит никуда. Очень просил не беспокоить».

Мчатся лошади от Кадникова в Вологду, а оттуда в Ярославль, оставляя позади заснеженные версты. Чего только не вспомнишь под шум ветра и скрип полозьев...

Село Мелехово Великолукского уезда Псковской губернии. Богатый барский дом радуется прекрасными картинами и скульптурой. В большой библиотеке хранятся сочинения французских вольнодумцев и даже редчайшая Энциклопедия Дидро и д'Аламбера. Старинные гравюры немецкой хроники мирно соседствуют с литературными новинками. А за окном роскошный сад, где высится колонна с чугунным бюстом в бозе почившего императора Александра I, побывавшего в этом доме в 1824 году. По заслугам и честь! Хозяин, Лавр Степанович, полковник в отставке, ведет свою родословную с XV века (фамильный герб — золотая подкова с серебряным крестом на золотом фоне), он личный друг всеильного царского фаворита Аракчеева.

Петр — младший в семье. Сестра Катя старше его на одиннадцать лет, брат Миша — на шесть. Им неинтересно возиться с малышом. Отец, властный и суровый человек, вызывает у Петра страх. Только мама, Елизавета Карловна, умеет приласкать и хоть ненадолго скрасить унылое существование сына без друзей и игр. От одиночества спасают книги. Их можно рассматривать целыми днями, фантазировать, думать. В пять лет он уже свободно читает по-русски и по-французски. К восьми годам мама обучила немецкому. Учитель английского языка приходит к брату. Петр сидит тихо и слушает, его не прогоняют. Скоро он овладеет и этим языком. Домашние учителя, сменяя друг друга, знакомят его с новыми книгами. Устал? Можно погулять в саду или искупаться в ванне, которую принесет слуга на берег реки, и снова занятия. Он решает задачи по арифметике, штудирует исторические сочинения, читает Шиллера и Гюго в подлиннике. Книжки рассказывают о жизни, о чужой жизни, потому что в его жизни, кроме книг, не было ничего.

В 1837 году четырнадцатилетний Петр Лавров зачислен в Петербургское артиллерийское училище (пять лет назад это учебное заведение окончил Михаил Бакунин). Застенчивый мальчик попадает в ад. Муштра, занятия и снова муштра. Но самое страшное — обиды и насмешки буйных товарищей. Рыж, неловок, картав, зубрила, а к тому же наивен и скромн —

«девочка». Он выплакивается в дневнике: «Мне скоро 18 лет, а много ли приятных дней есть в моем прошедшем? Есть ли хоть один из них, которого воспоминание принесло бы радость, удовольствие, упоение в душу мою?» Тепличное домашнее воспитание вырывалось с корнем. Режим, лишения лагерной жизни, гимнастика и фехтование делали свое дело. Петр Лавров вытянулся (первый после правофлангового), окреп. Он научился сдерживать свои чувства (куда девалась плаксивость?), давать сдачи. А учиться он умел всегда. Не случайно именно Лаврова вызывают отвечать в случае приезда важных гостей. Выдающийся математик, академик Михаил Васильевич Остроградский называет Лаврова своим лучшим учеником. «Полный балл — 12, по совести, могу поставить только господу богу, — говорил Остроградский. — Себе — 11, а уж выше 10 — никому другому». — «А Лаврову сколько?» — спросили его. «Ну, Лаврову, кажется, надо будет поставить то же, что и мне». В училище начинаются две жизни Лаврова. Одна будет предметом восхищения и зависти.

По рекомендации Остроградского Лаврова после окончания высшего офицерского класса оставляют при училище репетитором математических наук. В 1847 году он женится на красавице Антонине Христиановне Лovejко (сам Карл Брюллов просил у ее родителей разрешения писать с нее мадонну). Счастливая семейная жизнь, четверо детей — два сына и две дочери. В 1853 году штабс-капитан Лавров после смерти отца и старшего брата становится хозяином 14 деревень с 297 крепостными, 2120 десятинами земли. Лавров — член Петербургской думы и земства, его ценит начальство.

С 1858 года он уже читает в Артиллерийской академии курс, который раньше читал Остроградский. Тридцатипятилетний профессор математики Лавров произведен в полковники. Он — кавалер ордена Анны III степени и ордена святого Станислава II степени. Блестящая, головокружительная карьера!

О другой жизни Лаврова знали немногие. Еще будучи юнкером, он собрал в училище кружок людей, близких ему по духу. Здесь читали и сами пытались сочинять, спорили и делились впечатлениями о прочитанном. А ночами будущий профессор математики зачитывался «Историей французской революции» Тьера. В 22 года он уже не верил в бога. «Трактат о домашней земледельческой ассоциации» Шарля Фурье Лаврову вручил отец. Может быть, сын сумеет разобраться и объяснить, почему здравая мысль автора — увеличение втрое продуктов земледелия — сопровождается какими-то маловразумительными отступлениями? И одна из главных работ французского социалиста изучается Петром Лавровым добросовестнейшим образом. Он читает сочинения Сен-Симона и Прудона. Его пока интересуют не столько экономические или политические вопросы, сколько нравственные проблемы. Конечно, ему

известны грозные события, происходящие в Западной Европе. В 1848—1849 годах «призрак коммунизма» увидели во Франции, Германии, Австрии, Венгрии. Но то в Западной Европе. Царствование Николая I не способствует мечтам о гражданской свободе.

Николай I, более всего боясь революции, превратил страну в огромную казарму. Посредственности в генеральских эполетах разворовывали казну, взяточничество достигло небывалых размеров. Одному из сановников предложили две тысячи, уверяя, что этого никто не узнает. Его сиятельство спокойно ответил: «Давайте пять и можете говорить об этом кому угодно». Но посредственности — лучшие исполнители воли самодержавного повелителя. Им и была отдана на растерзание Российская империя. Для борьбы с революционными настроениями было создано Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии. Шпионы вербовались из всех слоев населения — от литераторов до дворников. Частная переписка перлюстрировалась. Шпирутены, розги и муштра считались универсальным средством от всех «умствований». «Ужасный, скорбный удел уготован у нас всякому, кто осмелится поднять голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; будь то поэт, гражданин, мыслитель — всех их толкает в могилу неумолимый рок... Рылеев повешен Николаем, Пушкин убит на дуэли, тридцати восьми лет. Грибоедов предательски убит в Тегеране. Лермонтов убит на дуэли, двадцати семи лет, на Кавказе... Белинский убит, тридцати пяти лет, голодом и нищетой. Полежаев умер в военном госпитале после восьми лет принудительной солдатской службы. Баратынский умер после двенадцатилетней ссылки. Бестужев погиб на Кавказе, совсем еще молодым, после сибирской каторги», — писал А. И. Герцен. Начавший свое царствование кровью (казнь декабристов), Николай I кровью и кончил, позорно проиграв Крымскую войну, показавшую, по словам В. И. Ленина, «гнилость и бессилие крепостной России». В 1855 году, после смерти Николая I (по слухам, покончил жизнь самоубийством, не вынеся позора поражения), престол переходит к его старшему сыну Александру II. Продолжать провалившуюся политику отца новый монарх уже не мог.

Лавров пишет стихи. Среди них и философские размышления, и злые памфлеты против Николая I и Александра II. Нет, он не обманывается насчет своего поэтического дарования. Известен Лаврову и отзыв Н. А. Некрасова о его творениях: «О, да это рифмованные газетные репортажи или передовые статьи». А все-таки не зря пишет. И не только Лаврову они нужны. Ведь ходят по студенческим рукам и переписываются и издаются не где-нибудь — у Герцена, в его «Голосах из России», конечно, без упоминания имени автора. Если талант Лаврова-поэта спорен, то талант Лаврова-публициста не вызы-

вает сомнения. «Один из многих» — так подписана статья «Письма о разных современных вопросах». Образованные люди — солдаты истины, справедливости, гражданственности. Беда России в том, что мало этих людей и не имеют они друг с другом связи. А поэтому «надо сойтись с разных углов России», и тогда «услышим мы голоса сотни людей, возможность существования которых в глуши провинции нам кажется непонятною и которые теперь живут и умирают в неизвестности, поддерживая своим присутствием нравственно здоровую атмосферу в своем краю. Тогда благоразумный сановник узнает, что и где нужно сделать... Тогда настанет время порядка — не искусственного порядка бюрократов, но действительного порядка, согласно законам развития и движения». Но «сойтись» в тех условиях было нереально — сам Лавров это понимает. А потому делать надо то, что возможно сейчас, — учиться и совершать благо на своем месте, исполняя тем самым свой гражданский долг, выкорчевывая из себя идолопоклонство всех видов и форм.

В салоне дочери знаменитого петербургского архитектора Елены Андреевны Штакеншнейдер сходятся известные художники и литераторы: поэты Аполлон Майков и Яков Полонский, историк Михаил Иванович Семевский (собирающий материал о декабристах), писатель Иван Александрович Гончаров, французский художник Бланшар и злой эпиграммист Николай Щербина. Бывает здесь и Петр Лавров. Вот что записала о нем в дневнике хозяйка салона: «Это какой-то необыкновенный, плутарховский человек, суровый к себе, но вообще идеалист и мечтатель и в то же время замечательный математик. Начитанность и память у него необыкновенные». Странный человек! Делает прекрасную карьеру и не жалуется существующих порядков. Он не с либералами, но и не с радикалами, желающими все ниспровергнуть. Обо всем свое, особое мнение. А Лавров в это время просто не видит реальных сил ни в Западной Европе, ни в России для изменения жизни по законам свободы и справедливости.

История жизни ученого-революционера — обязательно история его мысли, трудов. Пусть не посетует читатель на то, что глаза не смогут легко скользить по строчкам, что надо будет вчитываться и думать. Такое чтение тоже имеет свою прелесть. Профессор математики изучает новейшую европейскую философию, участвует в составлении Энциклопедического словаря, много печатается. В январе 1860 года выходит его первая книга «Очерки вопросов практической философии». Книга имеет посвящение: «А. Г. и П. П.». Кто догадается, что этими буквами верноподанный полковник Лавров высказывает свое уважение А. Герцену и П. Прудону? Лавров выдвигает идею социализма, основанного на полной свободе личности. Он не принимает идею фурьеристских фаланстеров. Он против «мо-

настыря или казармы». Он вслед за Пруденом провозглашает идею справедливости и необходимость примирения всех борцов за нее. Отрицая важность спора между материалистами и идеалистами, Лавров тем не менее пишет о человеческой личности и свободе воли, обосновывает права личной свободы и неприкосновенности граждан. «Для личности всякое нерассудительное подчинение своей воли чуждому распоряжению — грех, всякое привычное поклонение авторитету, моде, общественному мнению — порок, привычка к самостоятельному определению целей и образа жизни — добродетель».

В ноябре 1860 года Лавров выступает в зале Пассажа с публичными лекциями по философии. После признания этой науки вредной для России, после упразднения кафедр философии в еще столь памятное царствование Николая I впервые в истории русской культуры светское лицо читает публичную лекцию по философии.

Зал полон. Он читает просто и спокойно, четко выводя формулы социальной жизни. Без критики всюду рутинная и неподвижность; критика представляет собой вечную борьбу с созданным во имя созидающегося. Как бы ни был привлекателен кумир, он вреден и должен быть разрушен. Все заслуживает уважения лишь настолько, насколько оно осознано после критики как достойное уважения. Человек ни перед чем не должен стоять на коленях. Каждый человек должен стать активно действующей личностью. Критика только тогда полезна, когда она переходит в мир реальности. Высшее проявление философии в жизни. И этой жизни необходимо служить словом и делом.

В Третье отделение поступает донос: «На публичных чтениях о философии Лавров позволял себе резкие выходки, направленные против верховной власти и существующего порядка, что побуждало публику громко рукоплескать ему». Пока донос остается без последствий. Пока...

Наступил 1861 год. Александр II справедливо рассудил: «Существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, как оно само собою начнет отменяться снизу». В стране неспокойно. Одна из записей современника: «Сегодня утром, часу в 3-м, один пьяный мужик закричал на улице: «Воля, ребята, воля!» Его тотчас схватили. Созвали всех дворников. Влепили мужику 900 розог... Отдан приказ, чтобы помещикам давать помощь по первому их требованию». Ждать более было нельзя. И все же манифест 19 февраля 1861 года был оглашен только 5 марта (надо было подготовить войска на случай бунта в ответ на царскую «милость»). Крестьяне получили личную свободу. Только они должны были вернуть все долги помещикам и заплатить налоги. Помещики «отрезали» у крестьян более трети их лучших

земель. Крестьян вынудили «выкупать» их же собственные земли за цену в два-три раза выше действительной. А до того времени, пока крестьяне не расплатятся, они остаются во власти помещиков и продолжают работу на барщине и выплату оброков. В. И. Ленин оценил происшедшее так: «Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними». Нет, эту реформу Лавров принять не может. Что толку в том, что он все понимает, но что ему делать? Сам же говорил: «Только тот, кто *решается*, участвует не как автомат, а как человек в процессе жизни. Хороший критик существующего — *умный* человек; но лишь тот, кто *решается* действовать на основании своей критики, — человек *нравственный*».

В лекциях профессора Лаврова нет и намек на антиправительственную деятельность. Но почему студенты провожают его до дома и встречают, когда он отправляется читать лекции? На студентов вообще следует обратить пристальное внимание. Сам Александр II пишет о «дурном расположении молодежи университетской». Бесконечные сходки, требования «вольностей». Пора наводить порядок! По новым правилам вводятся новые документы — матрикулы. Здесь и билет, без которого не войти в университет, и вид на жительство, и бумага о благонадежности. Плата за обучение повышена. Отныне юношам из малообеспеченных семей в студенческой аудитории делать нечего.

Сходка студентов отказывается выполнить требование ректора и разойтись. Хватит николаевских порядков! Матрикулов не признавать, денег за обучение не платить! Новым правилам не подчиняться! Правительство сочло необходимым университет закрыть. Бунтующие студенты толпятся на университетском дворе. Петербургский генерал-полицмейстер — начальнику военно-учебных заведений: «Вчера у университетских ворот при самом начале сборища стоял артиллерийский штаб-офицер, которому комендант приказал удалиться, но все время ходил между студентами. Оказывается, что это — Лавров, профессор Артиллерийской академии».

Материалы Третьего отделения: «Обнаруживая постоянно образ мыслей самый либеральный, он тем приобрел много поклонников, в особенности между военной молодежью. В Михайловской артиллерийской академии и Михайловском артиллерийском училище он сделался до того популярным, что тамошние офицеры и юнкера называют его «красным», превозносят до небес». На Петра Лавровича Лаврова уже составлено пухлое «дело» в 500 листов. Он бывает на студенческих сходках, обращает на себя внимание нерасположением к правительству, публикует статьи в защиту студентов. Лавров — главный организатор и один из старшин литературного «Шахматного клуба» (центр собраний всей передовой интеллиген-

ции). У себя на дому устраивает собрания офицеров. Вносит предложения в Литературный фонд о выдаче денежного пособия «государственному преступнику» Н. Г. Чернышевскому и о ходатайстве перед правительством о пересмотре его дела. Он делает денежные взносы в «Общество издания дешевых книг для народа». Лавров, кажется, член тайного общества «Земля и воля». Неужели мало? Долго ли еще чин полковника будет спасать этого человека?

Почти двадцатилетняя счастливая семейная жизнь Лаврова кончена. Зимой 1866 года Антонина Христиановна умерла. Муторно было у него на душе. Или предчувствовал он, как круто изменится его судьба? Лавров составляет завещание. Распорядившись имуществом, он заканчивает: «Затем прошу всех, любивших меня сколько-нибудь, не поминать меня лихом. Детям одно завещание: не служить идолам».

4 апреля 1866 года бывший студент Дмитрий Каракозов у ворот Летнего сада в Петербурге выстрелил в главного идола — Александра II. Задыхаясь от навалившейся на него толпы, выламывавшей ему руки, Каракозов кричал: «Дурачье! Ведь я для вас же, а вы не понимаете!» Пройдет не одно десятилетие, прежде чем революционеры поймут, что «идола» не свалить револьверной пулей. А пока у властей появился прекрасный повод каленым железом выжечь все живое и думающее в России. Граф Михаил Николаевич Муравьев становится председателем Верховной следственной комиссии по делу Каракозова. Несмотря на свои 70 лет, граф полон энтузиазма: «Я стар, но или лягу костями своими, или дойду до самого корня зла». Герценовский «Колокол» сообщал: «Брали всех и каждого, кто только был оговорен, чье имя было произнесено на допросе кем-нибудь из взятых или находилось в захваченной переписке. Брали чиновников и офицеров, учителей, студентов и юнкеров; брали женщин и девочек, нянюшек и мамушек, мировых посредников и мужиков, князей и мещан; допрашивали детей и дворников, прислугу и хозяев; брали в Москве, брали в Петербурге, брали в уездных городах, в отдаленных губерниях».

Конечно, к Каракозову Лавров не имеет никакого отношения, но разве обвинения «в преступном образе мыслей», выдвинутого Муравьевым, не достаточно для ареста? Муравьев, успевший повесить Каракозова, но не успевший добраться «до самого корня зла», умер. Но умер человек, а не система, которой он служил. Арест Лаврова завершается судом. За все «преступления» по российским законам он заслуживает трехмесячного заключения и денежного штрафа, но, принимая во внимание предварительное восьмимесячное заключение, суд выносит решение — Лаврова от наказания освободить. Но «освободить» не значит дать свободу. Генерал-аудиторат выносит свое решение: «Полковника Лаврова, уволив от службы, без

преимуществ оною приобретенных, отослать на жилье в одну из внутренних губерний, подчинив на месте жительства строгому надзору полиции и воспретив въезд в столицы». Александр II накладывает резолюцию: «Быть посему». Это называется «ссылка административным порядком». В случае бесилия закона в России всегда ввели царский указ.

Легенда рассказывала, что в стародавние времена какой-то удельный князь, стоя на берегу реки Сухоны, увидел на противоположной стороне темные бескрайние леса и, подавленный открывшимся мрачным пейзажем, произнес: «То — тьма». Так и назвали выстроенный здесь городок. Сюда, в Тотьму (230 верст от Вологды), и был сослан Петр Лаврович Лавров. Отсюда ненадолго — в Вологду, а затем в еще худший, чем Тотьма, медвежий угол — Кадников. Жизнь кавалера и полковника Лаврова кончилась. Жизнь ссыльного мыслителя и ученого, которого впоследствии В. И. Ленин назовет «ветераном революционной теории», продолжалась.

Под псевдонимом «Миртов» выходят в свет «Исторические письма», которые становятся настольной книгой всей революционно мыслящей молодежи. История — это развитие, прогресс. «Критически мыслящие личности» (а если без цензуры — революционная интеллигенция) есть та сила, которая двигает этот прогресс. «Итак, если человек сознал в себе ясное понимание минувшего и энергическое стремление к правде, то он не может и не должен отречься от выработанного им убеждения ввиду исторических форм общества, потому что разум, польза, право на его стороне». Должно «желать не только борьбы, но и победы; для этого надо понимать не только цель, к которой стремишься, но и средства, которыми можно ее достигнуть». Силу необходимо организовать — нужна партия. Мыслящая интеллигенция стала таковой только благодаря поту и крови русского крестьянина, обреченного на невежество и лишения. А поэтому порядочный человек должен посвятить свою жизнь идеалам физического, нравственного и умственного развития народа. Лавров ставит вопрос каждому: «А вы сами, зрячие среди слепых, здоровые среди больных, что вы сделали, чтобы содействовать прогрессу?» Вывод — высшие классы обязаны отдать свой долг народу. Эти идеи через несколько лет станут теоретической основой тех, кто пойдет «в народ» нести правду и готовить революцию.

Тогда же Лавров пишет свой нравственный кодекс: «Храни в себе человеческое достоинство. Стремление к истине возлагает на тебя обязанность безусловной критики, борьбы с призраками и идолами. Изучай природу и владей ею. Воплощай свое убеждение в дело и жертвуй для него всеми благами жизни. Будь последователен в мысли и в жизни». (А ведь сегодня это звучит не менее современно, чем сто с лишним лет тому назад.)

Ярославль. Вокзал. Петербургский поезд. И все дальше и дальше от Кадникова, исправников, жандармов. Мелькают за окном картины неяркой русской природы. И уходит, растворяется под стук колес вся прежняя (горькая или счастливая?) жизнь. «В марте 1870 года я переехал через русскую границу, чтобы уже не возвращаться на родину, и вся моя жизнь как бы переломилась». Нет, Лавров не бежал с поля боя. «Мне было очень больно эмигрировать», но, «когда отрезаны все пути полезной деятельности в отечестве, лишь тогда извинительна или обязательна эмиграция. Мне пути были отрезаны». Он будет жить не в России, но для нее, и спустя без малого столетия имя Лаврова будет высечено на обелиске в центре Москвы, на месте стертых революцией имен царей трехсотлетней династии Романовых.

Итак, Лавров приезжает в Париж. Привыкший к достатку, он узнает, что такое бедность. Гонорары за публикуемые работы приходят нерегулярно. Но все это не так уж важно. В необыкновенное время оказался во Франции Петр Лавров. После сонного Кадникова — в самой гуще борьбы! Рабочий-переплетчик Луи Варлен вводит Лаврова в одну из секций Интернационала. Член Интернационала Лавров обязан действовать практически. Бездарный Наполеон III, развязав войну с Германией, привел свою страну к военной катастрофе. В сражении под Седаном 83 тысячи французских солдат вместе с самим Наполеоном были взяты в плен. Известие о поражении явилось сигналом для восстания против наполеоновского режима. 4 сентября 1870 года Франция провозглашена республикой. Но к власти, как и всегда, приходит хорошо организованная буржуазия. Новое буржуазное правительство, которое народ метко прозвал правительством «национальной измены», готово сдать Париж немцам, лишь бы остановить народную революцию. Лавров пишет прокламацию «За дело!». Угнетенные должны создать республику трудящихся. В январе 1871 года Лавров составляет проспект «Наука рабочих». Теория, знания помогут рабочим совершить социальное переустройство. Надо издать 15 серий популярных книг, рассказывающих увлекательно и понятно о природе, человеческом обществе, истории. Необходимо учиться, но времени нет.

Правительство готовит расправу с революционным Парижем. Народ восстал. К вечеру 18 марта 1871 года пролетариат впервые в мире взял власть в свои руки.

«Граждане, я во Франции чужестранец, но я член Интернационала и полностью сочувствую социальному движению, представленному Парижской коммуной...» Лавров уже подготовил массу проектов: создание новых школ для детей, организация бесплатных библиотек, пропаганда знаний среди взрослых. Конечно, все это обязательно будет, но сейчас главное — защита Коммуны с оружием в руках. И нужна помощь рабочих

многих стран. Первый посол первого в мире пролетарского государства П. Л. Лавров направляется в Брюссель и Лондон, чтобы организовать помощь Коммуне со стороны I Интернационала.

Социалистические партии европейских стран были малочисленны и слабы. Многие поверили буржуазным газетам, обливающим коммунаров грязью. Помощь организовать не удалось. И все же Лавров — первый участник Коммуны, с которым встретился К. Маркс. Лавров — первый историк, подробно и честно рассказавший о коммунарах: «Существующее в Париже правительство честнее и умнее, чем какое бы то ни было перед этим в настоящем веке, но против него рутинная, оскорбленная самолюбия. Борьба Парижа в настоящую минуту — борьба историческая, и он действительно находится теперь в первом ряду человечества. Если бы ему удалось отстоять себя, это бы продвинуло историю значительно вперед, но если он и падет, если реакция восторжествует, идеи, засвидетельствованные несколькими неизвестными людьми, вышедшими из народа, настоящего народа, и ставшими во главе управления, эти идеи не умрут». Коммуна просуществовала 72 дня. Париж пал. Более 30 тысяч коммунаров было расстреляно без суда. Среди тех, кто отдавал последнее и собирал деньги для помощи оставшимся в живых коммунарам, — Лавров.

В России Лаврова не забывали. Подробные отчеты о его жизни исправно поступали от агентов Третьего отделения. Не забывал Россию и Лавров («Остаюсь русским в душе»). Он в курсе всех событий, происходящих на родине. Царское правительство решило устроить грандиозный процесс над группой Нечаева с целью опорочить все революционное движение. Сергей Нечаев, считавший, что для революции все средства хороши и все дозволено, совершил убийство студента Иванова. Опорочить революционеров не удалось. Но для Лаврова стало ясно — нужна систематическая работа по воспитанию революционной молодежи. Чистое дело можно делать только чистыми руками, это должны понять все. Необходим революционный периодический орган. Нет больше Герцена и его «Колокола», но Лавров пойдет по его пути. Он будет издавать журнал и газету. Программа? «Подготавливать успех народной революции, когда она станет необходима, когда она будет вызвана течением исторических событий и действиями правительства, — такова ближайшая цель деятельности, которую мы считаем обязательною для всякого, кто желает блага России». Опять теория? Да, но как конкретное руководство к немедленным действиям. Революционеры должны идти в народ, чтобы подготовить его к революции. Журнал и газета получают название «Вперед». Не хватало денег, трудно было найти место для типографии, продолжались поиски авторов-корреспондентов, и все же вот он, толстый том в мягкой

обложке. «Вдали от родины мы ставим наше знамя, знамя социального переворота для России, для целого мира...» Большая часть статей написана самим Лавровым. Огромным авторитетом пользуется и газета, читающаяся в русском подполье. Уроки Коммуны не должны пропасть даром. Революцию не совершает горстка героев. Преждевременные действия без хорошей подготовки не приносят ничего, кроме жертв. Михаил Бакунин ошибается, считая, что для победоносной революции достаточно бросить клич в народ. Где же тот рычаг, который перевернет мир? Маркс прав — главная сила для создания нового общества — пролетариат. Но прав только для стран Западной Европы. В России рабочий класс еще формируется. А поэтому революцию совершит крестьянство с традицией общинной и артельной солидарности. (Сколько прекрасных молодых людей заплатят своими жизнями за эту теоретическую ошибку!) Инициатором народной революции может и должна стать интеллигенция, которая не только выявит стремление крестьян к социализму, но и поможет им в борьбе. В газете печатались и научные статьи по истории социалистической мысли, и обзор прессы о социалистическом движении, информация и советы. В одном из номеров была опубликована «Новая песня» («Русская Марсельеза»), которую сочинил Лавров:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!
Мы не чтим золотого кумира,
Ненавистен нам царский чертог.
Мы пойдем к нашим страждущим братьям,
Мы к голодному люду пойдем;
С ним пошлем мы злодеям проклятья,
На борьбу мы его поведем.

Со словами этой песни (конечно, не зная, кто ее автор) будут выходить на демонстрации сормовские рабочие, в феврале 1917-го покончат с царизмом, а в октябре рабочие и солдаты Петрограда возьмут власть. Все это будет. А пока... Идеи, пропагандируемые в нелегальных изданиях Лаврова, материализуются в России. В тайных кружках спорят о том, как действовать в народе, что говорить, какие книги читать крестьянам.

Весной 1874 года началось «хождение в народ». Цели были различны. Одни шли поднимать на революцию, другие довольствовались пропагандой идеей социализма, третьи хотели хоть в чем-то облегчить безысходное крестьянское существование. Но результат был один. Эхом отозвался отчаянный крик Каракозова: «Ведь я для вас же!» Сами крестьяне доносили приставам на «сицилистов». Шарили по деревням жандармы, а тюрьмы переполнялись невиданными доселе «преступниками». Темное, задавленное нуждой крестьянство

не услышало и не поняло тех, кто ради них жертвовал своей жизнью. «Хождение в народ» кончилось провалом. На террор властей народники решили ответить революционным террором. Вера Засулич выстрелила в петербургского градоначальника Трепова в ответ на избивание в тюрьме политического заключенного. Степняк-Кравчинский ударом кинжала покончил с шефом жандармов Мезенцовым в ответ на казнь революционера И. Ковальского. Серия неудачных покушений на Александра II в ответ на ссылки, тюрьмы, виселицы. И наконец, 1 марта 1881 года. Бомба, брошенная Гриневицким, взрывает и метальщика и царя. Победа? Место Александра II занял Александр III. Нет, революция не пришла. В России ничто не изменилось к лучшему.

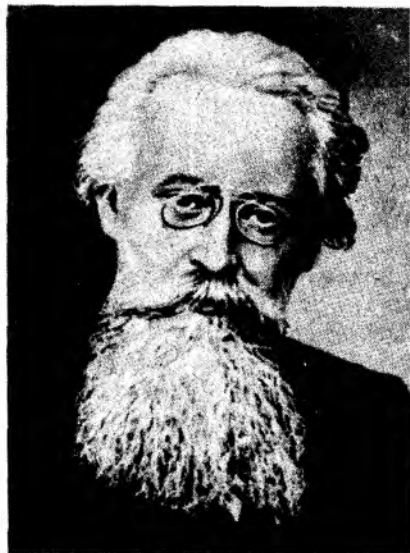
Лавров понимает, но не может принять эти жертвы. Восхищаясь подвижничеством и героизмом народовольцев, он продолжает утверждать: социалисты должны бороться не против отдельных личностей, а против социального строя.

14 марта 1883 года умер Карл Маркс. Для Лаврова это тяжелый удар. Они любили друг друга и часто встречались. Так, дороживший своим временем Маркс писал о Лаврове: «Это как раз человек, способный заставить меня болтать целыми часами». Лавров не стал марксистом, но в Марксе он видел гениального теоретика, оказавшего огромное влияние на развитие революционного движения в Европе. Многие идеи Маркса стали для Лаврова основополагающими при разработке им революционной теории. Поэтому решение, принятое Ф. Энгельсом и Элеонорой Маркс, не вызывает удивления. Энгельс — Лаврову: «Я занимаюсь — здоровье, наконец, позволяет мне это — разборкой книг и т. д., оставленных Марксом. Среди прочего имеется... русская библиотека... Тогда мне пришла мысль, что наш долг — предоставить эти книги в Ваше распоряжение... Вы, как признанный представитель русской революционной эмиграции и старый друг покойного, конечно, больше, чем кто-либо другой, имеете право на собрание книг, составленное благодаря преданности Ваших и наших друзей в России, — с тем, чтобы оставить его в Вашем личном пользовании или чтобы оно послужило ядром для создания библиотеки русской революционной эмиграции». Лавров, поблагодарив за столь ценный подарок, обещал предоставлять это собрание всем, кому оно будет необходимо.

Он продолжает много работать. Новая книга — «18 марта 1871 года». Здесь дана оценка Парижской коммуны как первой революции пролетариата. Ленин считал эту книгу лучшей после «Гражданской войны во Франции» К. Маркса. В «Вестнике «Народной воли» опубликована работа «Социальная революция и задачи нравственности». Высокое этическое сознание так же необходимо революционеру, как и револю-

ционная теория. В революции насилие неизбежно, но «без крайней необходимости никто не имеет права рисковать нравственной чистотой социалистической борьбы». Цель революционеров нравственна в своей основе, и поэтому она будет достигнута.

Петр Лаврович Лавров умер 25 января 1900 года. На письменном столе осталась незаконченная работа многих лет жизни — «История мысли». Мыслитель и ученый, член I Интернационала и участник Парижской коммуны, друг Маркса и Энгельса, идеолог революционного народничества прожил долгую жизнь. В год его рождения (1823) в России было создано тайное революционное «Общество соединенных славян», а испанский король Фердинанд VII отменил декреты и постановления, принятые во время революции 1820—1823 годов. В год его смерти (1900) в Париже заседал конгресс II Интернационала, в России читался первый номер ленинской газеты «Искра». Между двух дат рождения и смерти одного человека — три этапа революционного движения в России, создание Международного Товарищества Рабочих. За это время человечество успело прикоснуться к своему будущему.

НА СЛАВНОМ ПОСТУ

Сетью жил переплетались дороги Российской империи. Жизнь текла по этим жилам медленно и почти незаметно, как и весь быт бестолкового, но, как казалось тогда, прочно сколоченного государства. Путешественники, скучая в ожидании лошадей, читали «Описание пути», которое висело на каждой станции и где было записано почти одно и то же: «Дорога сия ни в какое время года для езды не удобна». По одной из таких дорог — из Костромы в Петербург — везли четырнадцатилетнего мальчика, у которого было слишком безрадостное детство, чтобы он расставался с ним с сожалением.

Он родился в 1842 году в уездном городишке Мещовске Калужской губернии в мелкопоместной дворянской семье. Мать умерла так рано, что сын не успел ее запомнить. Невеселые рассказы отца о николаевской службе дополнялись жестокими сценами жизни крепостных. Отец не был злым человеком, его требовательность к дворовым объяснялась постоянным безденежьем, но от этого несправедливость безнравственного существования не становилась более гуманной. Вскоре переехал в Кострому, где мальчик окончил четыре класса гимназии. В 14 лет он остался сиротой. Опекуны продали крохотное имение и отправили его в Петербургский институт корпуса горных инженеров. Худощавый гимназист в мундирчике с золотыми пуговицами, черными отворотами и красной выпушкой был хорошо начитан, основательно знал французский и немецкий, быстро сдружился со сверстниками.

Знакомясь, он называл фамилию, которая вскоре станет известна всей мыслящей России,— Николай Михайловский.

Жизнь в корпусе (закрытое, полувоенное учебное заведение) шла по раз и навсегда установленному порядку: учились, молились, ели, ходили в баню — везде строем, под барабан и, естественно, под неусыпным контролем. Заботились как о телесном (кормили очень хорошо), так и о духовном. Перед приемом пищи и после обязательно пели молитвы хором, но при словах «всякое животное» дружно поворачивали головы к кому-либо из нелюбимого начальства. Проблемы воспитания всегда занимали в российской жизни важное место. «Современное поколение,— констатировал мемуарист в начале XX века,— не знает даже различия между кнутом и плетью, а еще меньше значение фухтелей, шпицрутенгов и что значит сечь «в пересыпку» (т. е. палками с одной стороны, розгами с другой)». В годы детства Николая Михайловского глаголом «высечь» истощивалась вся педагогическая задача как для детей, так и для взрослых. В помещичьих усадьбах секли по настроению или для рассеяния скуки. Время наказания определялось по курящейся трубке. Это так и называлось: сечь на трубку или две трубки. В гимназиях секли каждую субботу. В кадетских корпусах каждый день. В Крымскую войну фельдфебель рассчитывал роту по отделениям, считая солдат ударами по зубам. В Херсонской губернии один улан, обиженный тем, что барышни сговорились не танцевать с ним, позвал на помощь эскадрон и выпорол на балу всех дам (за это он, правда, попал под суд, но судьи отнеслись к происшедшему по-отечески: кто же не молодецествовал в юности?). Битьем воспитывали, куражились и даже считали. Институт не был исключением. На втором году пребывания в корпусе Михайловскому за курение ротный командир назначил пять ударов. Чтобы не кричать, Николай взял в рот пуговицу. Но мучился он не от боли. Своему другу он признается: «Со мною произошло что-то странное, непонятное: не могу ни минуты на одном месте оставаться спокойно. Какая-то тяжесть давит меня, заставляет идти куда-то». Состояние тяжелого угнетения прошло через несколько дней, но память о пережитом унижении осталась на всю жизнь.

Михайловский прекрасно учился и приобрел солидное физико-математическое и естественно-историческое образование, хотя впоследствии его противники в виде последнего аргумента будут заявлять, что он «недоучка». Он ответит им: «Факт для меня, разумеется, не совсем удобный, но постыдного в нем, я думаю, ничего нет; тем более, что ведь и Белинского дразнили «недоучкой», и Некрасов нигде не окончил курса, и я знаю много балбесов, правильно окончивших надлежащие курсы и снабженных соответственными дипломами...

Я вышел из корпуса, сдав экзамен в 3-й специальный, т. е. последний класс. Поэтому в выданном мне аттестате значится успех в таких науках, каких господа, дразнящие меня неокончанием курса, может быть, даже и не слыживали. Разумеется, я все эти специальные знания давно растерял, но это произошло бы и в том случае, если бы я благополучно дотянул школу до конца, как это бывает со всеми, кто покидает специальность, к которой он готовился. А то, что и в этих случаях может дать систематическое школьное изучение,— известную умственную дисциплину,— я получил.

События 60-х годов становились хорошо известны даже в закрытом корпусе. Читался легальный Чернышевский в «Современнике» и нелегальный Герцен в «Колоколе». Кадеты узнавали о пламенных речах Лассаля в Германии и о гражданской войне в Америке. Надеждами на реформы жила и Россия, хотя знаменитый ученый Т. Н. Грановский еще в пятидесятые годы объяснил их суть. «У нас,— уверял Тимофей Николаевич,— очень легко прослыть реформатором. Стоит, умирая, запретить всем выходить на улицу. Затем ваш преемник разрешает это; общий восторг, ликование». В каждой шутке, как известно, всегда есть доля истины. Когда в Петербурге желали подшутить над провинциалом, ищущим квартиру, ему советовали пойти на Пантелеймоновскую, № 9: там, мол, квартир сколько угодно. Наивный отправлялся по указанному адресу и видел ворота наводившего на всех страх Третьего отделения. Над прекраснодушными надеждами, не подкрепленными делом, зло смеялся Чернышевский: «Кому охота слушаться увещаний, не подержанных штыками!» Путь же тех, кто пытался действовать, непременно приводил на Пантелеймоновскую. Примером тому сам Чернышевский, арестованный в 1862 году.

После «освобождения» крестьян и введения драконовских законов в высших учебных заведениях началось студенческое движение. В Петербурге на толпу студентов были брошены полиция и войска. Студенты Московского университета устроили шествие к могиле Грановского, где произносили «весьма неумеренные» речи. В Казани университет был закрыт. Дошла очередь и до Горного института в Петербурге. Неизвестно, какую роль в столкновении между кадетами и начальством сыграл Михайловский, но абсолютно точно известен результат. «Мне было так настоятельно любезно предложено подать прошение об увольнении из корпуса, что я не мог отказаться».

Что дальше? Николай Константинович Михайловский никогда не любил вспоминать время, когда только начиналась его самостоятельная жизнь. Глухие сведения о потраченном наследстве на организацию переплетной мастерской, созданной под влиянием романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского,

а позднее безусловное отрицание самой идеи ассоциации. Недолгое увлечение юриспруденцией, работа корректором и случайные литературные заметки; изучение работ Прудона, Чернышевского. К середине 60-х годов Н. К. Михайловский становится тем, кем он и будет всю жизнь — профессиональным литератором-публицистом.

В биографии Михайловского почти отсутствуют события. Сам Николай Константинович это понимал, почему и писал: «Иных воспоминаний, кроме литературных, я бы и не мог предложить читателям, потому что вся моя жизнь протекла в литературе». Но, что любопытно, человек, не только не обладавший ореолом мученика, но даже заявлявший о себе: «Я не революционер — всякому свое», — являлся идеологом революционного народничества и был, по многочисленным признаниям современников, «властителем дум». И при жизни, и после смерти вокруг имени Михайловского гремели споры сторонников и противников, исследователей и политических деятелей, отголоски которых докатились даже до нашего времени. Не так уж давно считалось, что имя Михайловского, как противника русского марксизма, недостойно памяти потомства, а его теории объявлялись антинаучными. Как относились к Н. К. Михайловскому русские марксисты, в том числе и крупнейшие — Г. В. Плеханов и В. И. Ленин — мы еще увидим. Что же касается антинаучности... Известный советский историк М. Г. Седов в 1965 году высветил суть этого обвинения: «В сопоставлении с марксизмом все домарксистские теории в таком случае окажутся ненаучными. Но такой подход к домарксистской науке сам по себе ненаучен».

Однако вернемся из 60-х годов XX века в 60-е годы XIX века. Николай I, державший Россию в страхе тридцать лет, добился того же, чего всегда в конечном счете добивались тираны от своих подданных — ничего не бояться. Выстрел Каракозова в Александра II был тому доказательством. Война между революционерами-разночинцами и правительством началась. И эта война должна была быть теоретически осмыслена. Одним из крупнейших идеологов новой эпохи стал Н. К. Михайловский, приглашенный в самый передовой, демократический журнал того времени — «Отечественные записки».

Михайловский был убежден: литература — это оружие. И от того, кто им владеет, зависит чрезвычайно много. Еще прочитанный Михайловским в корпусе английский историк и социолог Генри Томас Бокль, исследуя «век Людовика XIV», доказывал, что литература — показатель прогрессивного умственного развития, а правительство — представитель порядка, который неподвижен. Пока эти силы действуют разъединенно, они будут дополнять и противодействовать друг другу. Но если литература, наука, искусство окажутся под правительст-

венным покровительством, то неизбежным следствием такого порядка будет деспотизм в государственном управлении и раболепие в литературе. Именно это, доказывал высоко чтимый шестидесятниками Бокль, и произошло во Франции при Людовике XIV.

Чего-чего, а правительственного покровительства русской литературе опасаться не приходилось. Были закрыты лучшие отечественные журналы «Русское слово» и «Современник». Чернышевский создавал свой знаменитый роман в Петропавловской крепости. Много позже Генрих Манн определит происходившее в России литературное движение афористически точно: «Сто лет великой литературы — это русская революция до революции».

«Для того чтобы развить и укрепить революционное отношение к действительности, нужно познание и критика существующего, — вспоминала знаменитая революционерка Вера Николаевна Фигнер. — Михайловский месяц за месяцем, год за годом в своих литературных, научных и публицистических произведениях давал нам это». Давал, потому что верил — критика будит мысль, а думающий человек не сможет не взяться за дело. Дело же предстоит грандиозное — минувшая жестокость и уродливость капитализма, прийти к единственно возможному обществу справедливости — социализму. Как? Читайте Михайловского!

Европеизация русской жизни началась с Петра Великого. Но и сам Петр не мог предположить все особенности этого процесса. Михайловский приводит следующий «анекдот»: «В 1770 году, после Чесменской победы, митрополит Платон говорил в Петропавловском соборе проповедь. Среди нее он вдруг сошел с амвона, подошел к гробнице Петра и вскричал: «Встань, Петр, и посмотри на изобретение свое!» Этот ораторский фокус произвел на всех сильное впечатление. Только добродушный казак Разумовский заметил на своем хохлацком наречии: «Чего вин его кличе — як встане, так всем нам достанется». Настало, наконец, время решить, «пойдет ли наша жизнь тем же путем, каким шла до сих пор жизнь европейская со всем ее величием и блеском, но и со всеми ее пятнами, тусклыми и кровавыми; или же мы выработаем некоторые сочетания социальных сил, более или менее отдаленных от господствующих на Западе». Михайловский выступил со своей теорией, подвергая критике прошлый опыт. «Существенная задача социологии состоит в выяснении общественных условий, при которых та или другая потребность человеческой природы получает удовлетворение». То есть суть не в правильно понятой человеческой природе, как это доказывал Шарль Фурье, а в общественных условиях, от которых и зависит природа человека. Итак, какое же общество в состоянии обеспечить гармоническое развитие личности и

где искать движущую силу изменения к лучшему? На это отвечала статья «Что такое прогресс?».

Английский философ Герберт Спенсер ошибается, уподобляя человеческое общество живому организму. «Всякое общество, — доказывал Михайловский, — если оно действительно приближается к состоянию организма, если члены его действительно начинают функционировать как простые органы, без мысли и воли, если общество действительно начинает уподобляться гигантскому туловищу, на котором сидит думающая за всех голова, а с боков торчат работающие за всех руки, всякое общество, дошедшее до такого состояния, находится при смерти». И феодализм в России, и капитализм в Западной Европе при существующем при этих системах разделении труда заставляют человека развиваться однобоко, уродливо. Поэтому целью прогрессивного строя является уменьшение разнородности личностей. В этом суть прогресса — поднять забитую народную массу до уровня сознательной личности. Эту задачу не в состоянии решить общество в целом, но это под силу выдающимся одиночкам (вспоминаете «критически мыслящих личностей» П. Л. Лаврова?).

Впоследствии Г. В. Плеханов докажет, что формула прогресса Михайловского была утопична не по своим целям (этого же хотели и марксисты), а потому, что не учитывала объективных условий развития общества. «Ошибка... всякого утопизма вообще, — писал Плеханов, — заключается в том, что он, смотря на сознательную деятельность людей как на *причину* общественного развития, не понимает того, что, прежде чем стать его *причиной*, деятельность эта по необходимости должна явиться его *следствием*».

Но формула Михайловского прозвучала на рубеже 70-х годов, когда и деспотизм, и неравенство достигли чудовищных размеров. В эпоху подавления и попрания личности Михайловский проводит в легальной печати главный тезис своей теории — борьбу за индивидуальность. И это одна из причин восторженного отношения к нему. На очередной номер «Отечественных записок» всегда была очередь, а статьи Николая Константиновича переписывались студенчеством и чуть ли не выучивались наизусть.

Ни в одной работе Михайловского нельзя было найти стройную, законченную теорию. Вдруг, в самом остром месте, Михайловский, как будто забыв, на чем остановился, вступал с читателем в доверительную беседу, обсуждая последнее газетное сообщение или высказывая свое мнение о только что вышедшей книге. Но затем, совсем незаметно и естественно, возвращался к давно прерванной мысли. И этот эзоповский язык оказывался не просто понятным современникам, но и увлекательным. Парадоксально, но именно эти перебивы мысли и намеки, которые были так понятны в его время и

придавали блеск его сочинениям,— именно они превратят Михайловского в трудно читаемого автора в начале XX столетия.

Бесправие, освященное российской монархией,— зло. Но политическая и экономическая свобода Западной Европы оказалась не прогрессом, а новым видом рабства. В Англии, «несмотря на увеличение промышленности и торговли в четыре раза, положение некоторых классов рабочих осталось таким же, каким было лет двадцать назад, а положение других даже ухудшилось». Энергия пара и электричества послужили не для блага человека, а для его угнетения. Технический прогресс не есть прогресс, если труженик лишен средств производства. Что получил простой народ в результате европейских революций? Правильно писал Герцен в «Колоколе», что французские политики сделали «из трех революций третьего Наполеона». Стоит ли повторять неудавшийся опыт? В России борьба за права и свободы имеет смысл только тогда, когда крестьяне получают землю. Ведь в России уже есть зародыш социализма — община. Если капитализм «отлучает» производителей от средств производства, то при социализме производители и орудия производства не будут противостоять друг другу. Так и обстоит дело в общине. Общинный крестьянин — социалист по своей природе.

В 1914 году В. И. Ленин, объективно оценивая личность Михайловского, писал: «...будучи горячим сторонником свободы и угнетенных крестьянских масс, Михайловский разделял все слабости буржуазно-демократического движения. Ему казалось, что передача всей земли крестьянам, — в особенности без выкупа, — есть нечто «социалистическое». ...Весь опыт всего мира доказал, что, чем больше земли (и чем дешевле) получали крестьяне от крепостных бар, чем больше было «земли и воли», тем *быстрее* шло развитие капитализма, тем *скорее* обнаруживалась *буржуазная* природа крестьянина».

Но что интересно. О том, как относились сами крестьяне к социализму, народникам было известно еще в те годы, когда Володя Ульянов постигал азы наук в гимназии. Один из них, О. В. Аптекман, в своих воспоминаниях рассказал любопытный случай. Однажды он встретился с честным, толковым крестьянином и прочел ему обзор из «Отечественных записок», где описывалось, как кулаки грабят своих же мужиков. На что последовала гневная отповедь: «Неправда все это; что тут у вас прописано! Неправда! Все это господа... Завидно им, что мужик на поправку пошел, ну и выдумывают про него». О том же писал и «ходивший в народ» Плеханов: «Легче восстановить крестьянина против царя, чем убедить его в том, что не надо частной собственности».

Почему же народники не смогли сделать выводы из извест-

ных им фактов? Да потому, что европейский опыт свидетельствовал: те самые либеральные буржуа, которые провозглашали лозунг свободы, равенства и братства, топили в крови Парижскую коммуну. Значит, капитализм не приближал, а уничтожал социализм. Отсюда выводилась формула: или крестьянская община, или «инородный» капитализм. Третьего не дано. Увидеть в нищих оборванцах-пролетариях могущественную общественную силу народники были не в состоянии.

24 января 1878 года в Петербурге градоначальник Ф. Ф. Трепов выслушивал посетителей. Тоненькая девушка, стоявшая среди просителей, выстрелила в него из револьвера. Девушку звали Вера Засулич. Она стреляла в сановника, которого видела первый раз в жизни, за то, что по его приказанию был высечен в тюрьме студент Боголюбов, которого она не видела никогда. Случилось невероятное. Суд присяжных единодушно заявил: «Невиновна!» Дело было не в том, что Трепова («Федьку-вора») презирало все высшее общество. И не в том, что к девушке отнеслись как к святой, мученице. Просто система всевластного произвола изжила себя. Идея террора носилась в воздухе. В самом деле, если один человек (царь) может обладать неограниченной властью, то почему один человек (герой) не может все переменить?

Михайловский понял свою ошибку: «Благонамеренные представители центральной власти и народ, в нашем предположении, должны были положить почин новому, особливому историческому пути для России. Но если между этими элементами протискивается братский союз местного кулака с местным администратором, то наша теоретическая возможность обращается в простую иллюзию». Самодержавие поддерживает развивающийся в России капитализм. Необходимо заставить монарха передать решение общественных дел в руки общества. Тогда чужеродный капитализм не сможет паразитировать на русской земле. Во имя этой благородной цели допустима любая форма борьбы, даже террор.

Он не примкнул ни к какой революционной партии, но симпатизировал «Народной воле» и писал в нелегальных изданиях: «Люди революции рассчитывают на народное восстание. Это дело веры. Я не имею ее. Но, становясь на точку зрения верующих, я спрашиваю: когда народное восстание вероятнее? Тогда ли, когда на вершине политического строя сидит далекий полумифический царь, в которого темный народ, по преданию, еще верит, или тогда, когда страной правят выборные люди, обыкновенные люди, без всякого мистического ореола?» Добиться прав для народа смогут «герои»-революционеры. Террор, по мнению Михайловского, не поднимет массу, но покончит с произволом самодержавия. А поэтому в тиши своего кабинета знаменитый публицист писал без помарок ровными крупными буквами: «У русского

гербового орла две головы, два жадные клюва — один династически-полицейский, а другой — буржуазный... они связаны единством ненасытного желудка... Бейте же по обеим головам хищной птицы!»

Он был очень острозен. О связи Михайловского с «Народной волей», о том, что он был не только автором и редактором подпольных изданий, но и доставал редакции секретные документы для публикации, стало известно только после его смерти. Но то, что печатал Михайловский в легальной прессе, позволяло Департаменту полиции безошибочно утверждать: «Собранными сведениями было установлено, что Михайловский, человек, безусловно, враждебный правительству, отличается неблагонадежным направлением, которое ясно обнаруживается во многих его литературных произведениях». Его дважды высылали из Петербурга, и устанавливали за ним негласный надзор полиции. Но ни житейские трудности, ни закрытие «Отечественных записок» не помешали Михайловскому писать по-прежнему много и талантливо. Знаящие Николая Константиновича удивлялись, когда он успевал, при спешной работе, подбирать огромный по объему материал. Как он мог, при необъятных редакторских обязанностях, участвовать в публичных чтениях, собраниях, дружеских встречах. Публицист А. М. Скабичевский, не находя объяснения фантастической работоспособности Михайловского, в своих воспоминаниях смог лишь констатировать: «Умение располагать временем и силами и в час сделать более, чем иному удается в сутки, — тайна людей, богато одаренных, и они уносят эту тайну в могилу, предоставляя обыкновенным смертным лишь дивиться, каким волшебством успели эти люди так много сделать, имея в то же время вид праздных гуляк».

В начале 90-х годов умами овладевало новое учение — марксизм. Выступление Михайловского против него было закономерным. Понять, что ход истории определяется не волею «героев», он был не в состоянии. В. И. Ленин объяснил почему: «Не только в экономической области, но и в философии и в социологии взгляды Михайловского были *буржуазно-демократическими* взглядами, прикрытыми *якобы* «социалистической» фразой. Такова его «формула прогресса», его теория «борьбы за индивидуальность» и пр.

Не понимая марксизма, Михайловский его искажал. Со страшицей «Русского богатства» он убеждал, что марксизм ведет к примирению с действительностью и пассивности. Если учесть, что марксисты не могли в легальной печати ответить Михайловскому, то читатель оказался свидетелем спора, где был слышен голос только одного из спорящих. Так продолжалось до выхода в свет книги никому не известного Н. Бельтова. Неведомый автор доказательно обвинял «властителя дум» в невежестве и полном непонимании того, о чем он

взялся судить. Вскоре открылось, что под псевдонимом «Бельтов» скрывался знаменитый Георгий Плеханов. Уж кого-кого, а Плеханова Михайловский не мог обвинить в пассивном принятии действительности.

Михайловский пережил свое время. Ему отдавали должное, как знаменитому редактору «Отечественных записок». В юбилей его 40-летней литературной деятельности был выпущен сборник «На славном посту». Но все это уже были отблески былой славы. Время, когда понятия «социализм» и «буржуазный демократизм» казались синонимами, безвозвратно ушло.

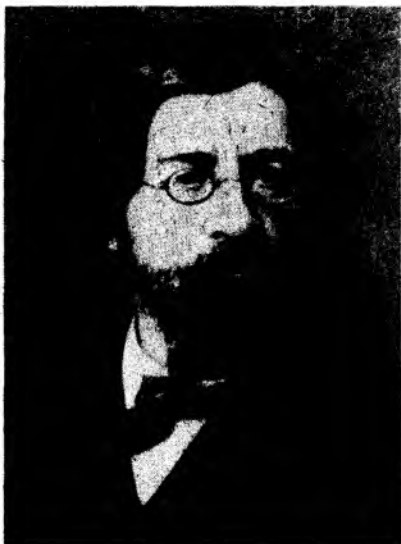
Когда отмечался 40-летний юбилей литературной деятельности Михайловского, ленинская «Искра» в эти дни писала: «Г-н Михайловский родился под счастливой звездой, первые литературные шаги его были овеяны бодрящим воздухом нашего ренессанса, а расцвет этой деятельности пришелся на революционнейшую из эпох в жизни русской интеллигенции. Он дал эпохе свою личность... Мы, русские социал-демократы, чтим заслуженного писателя, но в наше отношение к нему невольно примешивается горечь: до сих пор он был — ослепленный противник, наш строгий и несправедливый судья».

Таким несправедливым судьей Михайловский остался до конца своей жизни, что не помешало В. И. Ленину сказать о нем: «Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к «подполью», где действовали самые последовательные и решительные демократы-разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью... нельзя не помянуть добрым словом этой заслуги Михайловского».

Николай Константинович умер 28 января 1904 года так, как и предсказывал: «Я нажил сердце, которое обеспечивает мне быструю и безболезненную смерть». Его друг Владимир Галактионович Короленко писал: «Похоронная процессия растянулась очень далеко. Говорят, со времени похорон Тургенева Петербург не видел такой толпы за гробом писателя».

А навстречу похоронной процессии шла патриотическая манифестация, организованная по случаю войны. Неслись крики «ура» и пение «Боже, царя храни». До первой российской революции оставался один год.

Еще юношей Михайловский написал: «Есть святые заблуждения, на которые должно указывать, но не с пошлым смехом тупого самодовольства, но с глубочайшим уважением и искренним сожалением». Он и предположить не мог, насколько эта мысль будет верна по отношению к нему самому.

ГЛАВА РАДИКАЛЬНОГО ОРКЕСТРА

История жизни Николая Гавриловича Чернышевского, как и судьба его знаменитой книги «Что делать?», необыкновенна и драматична. Известный критик и литературовед Ф. Ф. Кузнецов справедливо заметил: «Мы еще до сих пор никак не можем избавиться от искуса не столько исследовать наших предшественников, сколько вершить над ними суд и судить их не тем временем, в котором и ради которого они жили, но современными представлениями о нем». Об одной и той же эпохе можно писать по-разному. А. Толстой создал «Хождение по мукам», Н. Островский — «Как закалялась сталь». О «новых людях» писали Тургенев и Чернышевский. Но если Толстой и Тургенев писали потому, что в литературе была их жизнь, не писать они не могли, то для Островского и Чернышевского литературная работа была единственно возможной в тех условиях, в которых они находились. Чернышевский одержим одной идеей, политически тенденциозен, его книга — оружие. Сама природа его творчества принципиально иная, чем у Тургенева, писавшего о том же времени. Можно не разобратся в эзоповском языке книги Чернышевского и пожимать плечами: «К чему все это?» Можно не принимать политической идеи Чернышевского и в этом случае снисходительно посмеиваться над его книгой и его жизнью. Это делалось и при жизни Николая Гавриловича, и после его смерти, в России и за ее пределами. Творчество разных писателей нельзя оценивать по пятибалльной системе. Но есть то общее, что позволяет без предвзятости подойти к большому

литературному произведению, — сила воздействия на читателей. Так вот, книга Чернышевского воспитала несколько поколений революционеров. Он стал символом своей эпохи. Впрочем, об эпохе стоит сказать особо. Для Чернышевского, родившегося в 1828 году, царствование Александра I — свежее детское предание. Время Николая I — отрочество и юность. Российская жизнь при этих монархах может быть охарактеризована одной фразой Салтыкова-Щедрина: «Карикатуры нет... кроме той, которую представляет сама действительность».

Еще будучи наследником престола, Александр I писал: «В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду». Об этом же (более кратко) сообщал летописец еще в XI веке: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет». Однако «дурное» управление не улучшалось, а попытка декабристов изменить его окончилась трагично. Николай I с грустью констатировал: «Россией управляют столоничальники». Императору, конечно, виднее. Когда Николай I присутствовал на представлении «Ревизора», он смеялся от всей души. Придворные (тоже не лишённые чувства юмора) хохотали вместе с властелином. Сценка, достойная пера Н. В. Гоголя. Богатейшая империя голодала. За полвека (с 1802 по 1852 год) было всего 10 урожайных лет. В 1848 году эпидемия холеры унесла 700 тысяч человек. Любой самозванец мог увлечь на бунт крестьян целой губернии. Несмотря на казни и плети, восстания длились годами. Но все это не мешало провозглашать триединую формулу государственного благоденствия: «православие, самодержавие, народность». Как позже заметит Чернышевский, «русский язык превосходит все другие богатством выражений для обозначения бессмыслицы».

Впрочем, детство Николая Гавриловича проходило вдали от самодержцев. Хотя вспоминать о нем Чернышевскому пришлось не так уж далеко от Зимнего дворца — в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, когда он среди прочих работ начал писать «Автобиографию».

По-разному входят в историю русской литературы. Например, жандармский полковник Ракеев приобщился к словесности, сопровождая по приказанию начальства гроб с телом Пушкина. Первый обыск у поэта М. Л. Михайлова поручили ему же, человеку предупредительному и опытному. Николай Гаврилович может гордиться. Обыскать квартиру, опечатать бумаги и доставить, как положено, по назначению самого Чернышевского поручили личности «исторической», знатоку своего дела.

Дверь одиннадцатой камеры секретного Алексеевского рavelина захлопнулась за ним на 678 дней. Для тех, кто попадал сюда, время останавливалось. Тысячи километров

вышагивались на пространстве 6 метров в длину и 3 в ширину. Прогулка в темном дворе — наслаждение. Если поднять голову, можно увидеть небо. Томительное ожидание решения своей участи пережили здесь А. Н. Радищев, декабристы, петрашевцы (среди них — Ф. М. Достоевский). Теперь — Чернышевский. От прогулок он большей частью отказывался, потому что ему не хватало времени. Более сотни томов на пяти языках громоздились на столе и на полу. Он читал, писал, переводил. Историк П. Е. Щеголев сделал интересный подсчет того, что написал за два неполных года этот человек: беллетристика — 68 печатных листов (по 40 тысяч букв в листе), научные работы — 12, автобиография — 10, судебные показания и объяснения — 4, компиляция — 11, переводы — 100, черновые редакции — 50. Итог невероятный — 255 печатных листов (около 6 тысяч страниц машинописного текста). Относительно дальнейшей своей участи Чернышевский был абсолютно уверен: его выпустят. А как же иначе, если даже спустя полгода после ареста в «Списке арестантов», составленном ежемесячно, в графе «За что содержится» напротив его фамилии по-прежнему значилось: «Неизвестно». Как охарактеризовал это положение сам узник, «человек арестован, а обвинений против него нет, ведь это, что называется, казус». Ему было всего 34 года. Рановато для писания мемуаров. Всю свою жизнь он думал о будущем. Но, оказавшись в Петропавловке, стоит оглянуться назад хотя бы ради того, чтобы трезво оценить себя и день сегодняшней.

Отец, Гавриил Иванович, выбился из низов. Родом из деревни Черныши, значит, по семинарскому обычаю — Чернышевский. Мать — Евгения Егоровна, дочка рано умершего саратовского священника. Уж какая тут родословная — черная кость, разночинцы. Однако о недалеких предках своих Николенька с жадностью выпрашивал у бабушки. Так, один из них был продан в рабство киргиз-кайсаками. Пленному разрезали пятки и набили в раны мелко изрезанный конский волос. Когда ноги зажили, раб мог ходить только на носках, а потому побега опасаться не приходилось. Но он решился на побег. Днем прятался от погони, а ночью вышагивал, кусая от боли губы. И добрался-таки до русских, сумел вернуться домой. Другой родственник — охотник, построил в лесу крохотную бревенчатую избушку с узкими щелями вместо окон. Около дома он привязывал поросенка и, пользуясь этой приманкой, убивал нескольких волков сразу. Но однажды случилось небывалое. Избушку окружила огромная стая. Десятки волков были убиты, но рассвирепевшие звери рвались к охотнику. Порох кончился. А волки сорвали доски с крыши и просовывали морды между бревен, пытаясь достать человека. Ему пришлось сесть на пол и отмахиваться от них топором. Более шуток продержался один, пока не подошла помощь из деревни.

Губернский город Саратов не был медвежьим углом Российской империи. В середине 40-х годов там был построен даже водопровод. Все как у людей — церкви, лабазы, трактиры, питейные дома. Бесчисленные городские лужи представлялись Николаю лагунами Венеции. Два культурных центра — гимназия и семинария — имели библиотеки. Газету «Саратовские губернские ведомости» регулярно получали раз в неделю 135 подписчиков. Так что просвещение было поставлено на должную высоту. И все же сына Гавриил Иванович решил подготовить к семинарии самостоятельно. В доме Чернышевских в отличие от бурсы порка как средство обучения и воспитания не применялась, а домашняя библиотека была много богаче, чем библиотеки семинарии и гимназии вместе взятые. Гавриил Иванович, человек честный, работающий и много знающий, стал для сына первым и лучшим учителем. К четырнадцати годам Николенька владел английским, французским, немецким, древнегреческим, древнееврейским, польским и татарским языками. Переписывался с отцом на латинском, брал у торговца апельсинами Ахмета-Али уроки персидского, расплачиваясь с ним уроками русского языка, в семинарии выучил еще и арабский. Он перечитал груды книг, писал сочинения и делал переводы для однокашников. В семинарии ему не было равных, и не случайно преподаватели пророчили ему будущность церковного светоча. Он убежден: только знания и труд принесут человечеству благо.

Забота о благе человечества для Чернышевского-семинариста пока всего лишь выполнение евангельских заповедей. Только в Петербурге он познакомится с сочинениями Прудона и Фурье. Пока он еще не рассуждает о социальных порядках. Но и прочитав крамольные книги, сойдясь с революционно настроенными студентами, Николай Гаврилович далеко не сразу выработает свою революционную программу. Чернышевский никогда не был узколобым догматиком. Он думал, искал, ошибался и даже совершал нелепости. Например, он долгие годы бился над изобретением вечного двигателя, хотя и знал, что сделать его невозможно. Он мечтал о славе, о жизни в Петербурге, о поступлении в университет. Он был честолюбив. Но порок ли это для юноши?

Родители не перечили желанию сына, хотя Гавриилу Ивановичу непросто было изыскать средства для содержания юноши в Петербурге. Евгения Егоровна, боясь превратностей долгого пути (пять недель на «долгих» занимал путь от Саратова до столицы), отправилась провожать Николеньку. Добрая, милая женщина, она умерла в 1853 году, не успев дожить до его славы. За несколько месяцев до его ареста умер отец («И хорошо сделал, что умер: вовремя, а то слишком много было бы ему тревоги и горя»). Об этих людях он напишет впоследствии: «Отец и мать! Все панегирики ничто перед этими священи-

ми именами, все похвалы — пустота и ничтожность перед чувством сыновней любви и благодарности».

Чернышевский — студент Петербургского университета. Книжки, профессорские лекции, научная работа, жажда деятельности. Восемнадцатилетний юноша пишет письмо своему двоюродному брату Александру Пышину: «Пусть и Россия внесет то, что должна внести в жизнь духовную мира. И да свершится чрез нас хоть частью это великое событие! И тогда не даром проживем мы на свете». Чернышевский скучал без Саратова и мечтал вернуться домой. Но разве так он хотел возвращаться? Вспоминались прощальные слова семинарского отца-диакона: «Приезжайте к нам оттуда профессором, великим мужем, а мы уже в то время посеем». Нет, не успели поседеть. Старший учитель словесности Саратовской гимназии Чернышевский приступил к своим обязанностям. Для любого другого разночинца неплохое начало карьеры. Но для Чернышевского! Об этом ли мечтал? «Быть преподавателем — занятие скучное и, в сущности, пустое». «Профессия преподавателя — одна из наименее выгодных между карьерами, представляющимися образованному человеку». Это его, Чернышевского, слова. Циркуляры министерства просвещения и распоряжения директора гимназии Мейера вызывают у него ярость. Но спустя десятилетия ученики Чернышевского с восторгом вспоминали своего «просветителя». Он давал замечательные уроки, не боялся скандалить с директором из-за несправедливо наказанных учеников. Он не в приватной беседе, а перед всем классом доказывал несправедливость крепостного права и восторгался Великой французской революцией. А когда Мейер внезапно врвался в класс, Николай Гаврилович спокойно менял тему и ничего не понимавший директор с удивлением лицезрел ухмыляющихся гимназистов. Не ради красного словца Чернышевский рисковал отправиться на каторгу.

Он считал: честный человек должен любое дело выполнять добросовестно. Гимназисты не были безразличны учителю. Систему просвещения Николая Павловича Романова он ненавидел (и это естественно), но с детьми ему было интересно. И он считал, что воспитывает своих будущих соратников по борьбе. Если бы занятия Чернышевского в гимназии оказались его последней общественной деятельностью, то и тогда бы он заслужил благодарную память многих людей. Девятнадцать его учеников впоследствии поступили в Казанский университет. Десять из них были обвинены в вольнодумстве. Впрочем, вольнодумством он заразил не одно поколение молодежи после того, как снова переехал в Петербург. В 26 лет он начинает работу в «Современнике». В Петербург Николай Гаврилович привез очаровательную жену — Ольгу Сократовну.

Ольга Сократовна Васильева, дочь саратовского врача,

вышла замуж за Чернышевского не по любви. Очень уж ей хотелось вырваться из отчего дома, где буйствовала самодурка-мать. Двадцать шесть человек уже предлагали ей руку и сердце, а выбрала она 25-летнего учителя гимназии. Он был высок, широкоплеч, не красавец, но на редкость умен, мягок. Ее привлекали его мечты о жизни в Петербурге, о занятиях наукой и литературой. Она была убеждена: он добьется успеха. Разговоры его о будущем бунте и то, что он непременно примет в нем участие (а значит, каторга, разлука), она не то чтобы не принимала всерьез, а просто пропускала мимо ушей. Он очень любил ее, не почувствовать это было невозможно. Его понятия о женщине и браке не совпадали с общепринятыми. «Женщина должна быть равной мужчине. Но когда палка была долго искривлена в одну сторону, чтобы выпрямить ее, должно много перегнуть на другую сторону. Каждый порядочный человек обязан, по моим понятиям, ставить свою жену выше себя — этот временный перевес необходим для будущего равенства». Но наряду с теорией была любовь. В Алексеевском равелине, на каторге, в ссылке он будет мучиться больше всего из-за нее. Из-за того, что не успеет обеспечить ее материально. Из-за того, что она испытает на себе наглость жандармов, когда отправится к нему в Сибирь, за семь тысяч верст, ради пятичасового свидания в присутствии надзирателя. Из-за того, что она останется одна, но не захочет (а как много доброжелателей ей это настоятельно советовали) развестись с ним. «Об одном только прошу тебя: будь спокойна и весела, не унывай, не тоскуй». Впрочем, не стоит забегать вперед.

Итак, Чернышевский в Петербурге. Он работает днем и ночью, иногда спит не более двух-трех часов. После четырех лет петербургской жизни он фактически стал главой журнала «Современник». Его имя известно любому грамотному человеку России. Сочинения по философии, истории литературы, написанные Чернышевским, обсуждаются в гостиных и студенческих кружках. Его статьи по крестьянскому вопросу блестяще доказывали — общественные порядки в России куцыми реформами не подлатаешь. Крепостное право надо не отменить, а уничтожить революционным путем. Конечно, в его статьях не было открыто сказано о революции или свержении самодержавия, но (это слова Ленина) «...он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей».

Наряду с «идейной» работой Чернышевский не чурался и работы для заработка: давал частные уроки, правил корректуры. Ольга Сократовна любила принимать гостей, и на веселые пирушки тратились немалые суммы. Да и сам Николай

Гаврилович не был аскетом в своих желаниях, хотя жил более чем скромно. И в то время, когда в его доме веселились, он работал в своем кабинете, только изредка выходя к гостям, которыми занималась Ольга Сократовна. Чернышевский много зарабатывал — 10—12 тысяч рублей в год, но он вовсе не считал это преступлением против революционности. В отличие от Льва Толстого, который думал, что он должен жить так же плохо, как живут российские мужики, Чернышевский был убежден: и другие должны жить так же хорошо, как я. Добиться этого было возможно только революцией. Но победоносная революция, которую ждал Чернышевский, была утопией.

Вот в этом-то и была трагедия Чернышевского и его друзей — Добролюбова, Михайлова, Некрасова, Шелгунова, всех тех, кого назовут позже революционными демократами. Они понимали, что революция неизбежна, что капитализм по образу и подобию западноевропейского несет народу не менее жестокую эксплуатацию, чем при крепостном праве, верили, что будущее человечества — социализм. Но считали: революцию совершат мужики (эту ошибку Чернышевский и его сподвижники не понимали и не могли понять в 60-х годах прошлого века). К мужикам, чтобы копили силы для восстания, и обращался Чернышевский в прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Но как бы ни был осторожен Николай Гаврилович, он точно знал (сколько раз говорил об этом Ольге Сократовне!): рано или поздно с ним найдут способ расправиться. Он не рассчитывал, что это случится так скоро. Даже оказавшись в крепости, он все же надеялся — еще не конец. У правительства нет никаких доказательств. За ним долго следили, перлюстрировали письма, подкупали прислугу. А результат? Перехваченное полицией письмо Герцена к Серно-Соловьевичу, в котором была фраза: «Мы готовы издавать «Современник» здесь с Чернышевским или в Женеве». Ни один даже самый верноподданный суд не сможет осудить Чернышевского на таком обвинительном материале. В царствование Александра II нельзя, как во времена Николая I, расправиться с неугодным литератором высочайшим росчерком пера. Александр II не был либерален, но, так как из-за крайне напряженной обстановки, сложившейся в России в 1859—1861 годы, страна находилась на грани революции, ему приходилось играть в законность.

Чернышевский продолжает отказываться от прогулок. Он пишет роман «Что делать?». Он сумеет в подцензурном романе учить подготовке к революции. Нет, он, конечно, не считал цензоров дураками. И уж если кому-то из них не хватало ума, то боязливой осторожности было более чем достаточно. Но Чернышевский был гениальный психолог. Он рассчитал точно.

Давным-давно один нерусский знакомец Николая Гавриловича, отслужив в армии, рассказал ему такую историю: «Солдатик вслух зубрил свои обязанности: «Солдату нужно,—остановка,—немного любить бога, царя и отечество».— Вы неправильно учите. В тексте двоеточие ошибочно поставлено после второго слова, а надо после третьего. «Солдату нужно немного: любить бога, царя и отечество». То есть обязанности солдата просты. А как вы читали, получается, что любить царя и отечество нужно мало. Солдатик ответил: «Вы правы. Но фельдфебель учит так». Знакомый Чернышевского пошел к ротному командиру. «Я и сам учу так, как написано,—ответил ротный,—а не так, как вы говорите». Знакомый дошел до батальонного командира. Батальонный проверил текст с типографской ошибкой, долго думал и наконец произнес: «Все правильно. В этом и есть настоящий смысл. Вы не русский, так вам нужно много любить бога, царя и отечество. А для русских это врожденное, а потому и немного любить их уже довольно». Так и осталось. Чернышевский прокомментировал этот рассказ: «Я нахожу в этой истории экстракт русской истории. За последние 375 лет». Установленное вышестоящими всегда верно. Так же и сам вышестоящий (потому что вышестоящий!) не может ошибаться, не может быть дураком. С этой аксиомой Чернышевский знаком.

Итак, Николай Гаврилович просит разрешение «продолжать начатый им беллетристический рассказ». Прецедента нет. Никогда еще подследственный (против которого вдобавок нет улик) не просил такого разрешения, но если он напишет что-то не то, все равно это останется в тюрьме, так почему же не разрешить? И вот первые главы (которые написаны по разрешению) перед следственной комиссией. Что подозрительного в описании таинственного самоубийства или в замужестве девицы со студентом? Вроде ничего. Но главное не в этом. Решает-то все цензура. С какой стати жандармский чиновник должен ломать голову над чужой работой? Пусть цензура и решает. Когда рукопись получил цензор, он уже знал: жандармское начальство читало и крамолы не нашло. В цензуре тоже сидит чиновник. Что ж, он умный, а в следственной комиссии дураки? И цензура разрешает к печати первые главы. А разрешив первые, как запрещать последующие?

Услугу в напечатании этого романа оказали не только жандармерия и цензура, но и полиция. Получив первые главы книги, Некрасов сам повез рукопись в типографию. Он вернулся домой белый как мел и сообщил жене невероятное — рукопись им потеряна. В «Ведомостях Санкт-Петербургской полиции» трижды печаталось объявление с обещанием нашедшему огромного вознаграждения — 50 рублей серебром. На пятый день, когда не осталось уже никаких надежд, из полиции прислали Некрасову записку: «Рукопись принесли». Так

был напечатан ответ Чернышевского на вопрос: что делать, чтобы освободить страну от крепостничества и самодержавия? Сразу же после выхода в свет роман будет запрещен и конфискован. (Хотя уже прочитан всеми.) Это выступление Чернышевскому обошлось дорого. За семь лет подцензурной работы — 21 год заключения в крепости, на каторге и в Вилуйской тюрьме. По три года за год!

В Третье отделение продолжали поступать доносы на «главу радикального оркестра» Чернышевского, от которого необходимо избавиться «ради общего спокойствия».

Доказательств вины не было. Нашли лжесвидетелей и подделали документы. Приговор Сената гласил: «За злоумышление к ниспровержению существующего порядка, за принятие мер к возмущению и за сочинение возмутительного воззвания к барским крестьянам и передачу оного для напечатания в видах распространения — лишить всех прав состояния, сослать в каторжную работу в рудниках на 14 лет и затем поселить в Сибири навсегда». «Законность» была соблюдена, теперь можно было проявить гуманность. Александр II наложил резолюцию: «Быть посему, но с тем, чтобы срок каторжной работы был сокращен наполовину». Чего стоило царское мягкосердечие, мы еще увидим.

19 мая 1864 года на Мытнинской площади Петербурга, перед огромной толпой Чернышевского поставили на колени и переломили над его головой шпагу. Толпа сняла шапки, а к ногам Чернышевского полетели цветы. Девуцу, бросившую первый букет, немедленно доставили в полицию. «Как вы посмели! Он что, ваш родственник?» И девушка, видевшая Чернышевского первый раз в жизни, ответила: «Я в него влюблена».

20 мая 1864 года в сопровождении двух жандармов Чернышевский навсегда покидает Петербург. Тобольск, Иркутск, Усолье-на-Ангаре, снова Иркутск, Чита, Нерчинский завод — таков установленный маршрут на край света. Кадаинский рудник у самой китайской границы — здесь назначено ему отбывать семилетнюю каторгу. Но и на каторге для всех мыслящих людей он продолжает оставаться «главой радикального оркестра». Его статьи и роман нелегально изучались, а судьба автора революционизировала молодежь не меньше, чем его книги. Поэтому Чернышевский остался кумиром революционеров и грозой для власти имущих. Вот почему первые предпринимают отчаянные попытки его освобождения, а вторые изыскивают способы уничтожить Чернышевского даже на краю света.

4 апреля 1866 года Дмитрий Каракозов неудачно стреляет в царя. Во главе Верховной следственной комиссии поставлен граф М. Н. Муравьев. Этот человек умеет развязывать языки. Повесить Каракозова дело легкое. Задача Муравьева слож-

на — искоренить «самый корень зла». Какова же была радость графа, когда он выяснил, что Каракозов учился в той самой саратовской гимназии, где преподавал Чернышевский. Однако документально доказано, что в первом классе, где учился Каракозов, Чернышевский никогда занятий не вел. А потому привлечь Николая Гавриловича по делу о царевубийстве не удалось.

После окончания срока каторги правительство, нарушая свои же собственные законы, отправило Чернышевского в Вилуйский острог. Жена жандармского унтера, одного из охранников Чернышевского, вспоминала: «В Вилуйске морозы еще страшнее, чем в Якутске. Была прямо погибель. Зима такая, что если плюнуть, то плевок, не долетая до земли, замерзает. Летом в комнате стоял «дымокур» — горшок со всяким тлеющим хламом — коровьим калом и листьями (там летом ставят и по улицам «дымокуры», так как страшнейшее комарье — скот заедает!). Если взять белый хлеб, то сразу мошка так обсядет густо, что подумаешь, будто икрой вымазан. Если, бывало, положишь на стол кусок свежего мяса, то оно через 1/2 часа будет совсем белое, как бумага: комары высосут всю кровь из него». Из-за особо тяжелых климатических условий жандармы, охранявшие Чернышевского, менялись каждый год. Чернышевского же держали здесь двенадцать лет, приняв «все возможные меры к предупреждению побега».

Герман Лопатин — человек отчаянной смелости и редкого мужества, близкий друг Карла Маркса, член I Интернационала. Организовавший успешный побег из ссылки Петра Лавровича Лаврова, он решил совершить невозможное — освободить Чернышевского. С паспортом турецкого подданного Сакича, под видом члена Географического общества Лопатин попытался в Иркутске выяснить местонахождение Чернышевского, и это ему удалось. Но Лопатин не знал, что заграничная агентура уже предупредила о нем власти. Лопатин был опознан и арестован. Трижды бежавший от жандармов в прошлом, он и на этот раз сумел скрыться. Стоит задуматься над фактом: такая крупная величина в революционном движении, как Герман Лопатин, рисковал головой, чтобы вытащить из ледяной могилы Чернышевского. И эта попытка не была последней. Ипполит Никитич Мышкин — в прошлом военный, затем правительственный стенограф, владелец типографии, печатавшей нелегальные издания народников. Когда типография была разгромлена, Мышкину удалось эмигрировать за границу. Этот человек, находившийся в полной безопасности, вернулся в Россию специально для того, чтобы спасти Чернышевского. Он сумел добраться до Вилуйска, представил начальству подложное предписание о выдаче ему Чернышевского, но бумаге не поверили, а Ипполита Никитича задержали. Общеизвестна история о том, что

Мышкин вызвал подозрение неправильно надетым аксельбантом. Это миф. Мышкин, профессиональный военный, никогда не допустил бы такой небрежности в форме одежды. Потому так легко создаются и так долго живут легенды, что объяснение в них просто и лежит на поверхности. Истинную же причину разглядеть всегда сложнее. В то время не было в Российской империи человека, которого охраняли бы столь тщательно, как Чернышевского.

А Николай Гаврилович продолжает работать. Он пишет еще один роман — «Пролог» (первая его часть будет напечатана в Лондоне, а полностью книга появится только после смерти автора), многочисленные статьи, письма. Чернышевский продолжает пропагандировать революцию.

Личный адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири Винников был направлен к Чернышевскому с предложением подать прошение о помиловании. Убежденный, что принес узнику радостную весть, Винников подал Николаю Гавриловичу прошение, которое нужно было подписать. Чернышевский взял бумагу, внимательно прочел:

— В чем же я должен просить помилования? Это вопрос... Мне кажется, я сослан только потому, что голова моя и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер. А об этом-то разве можно просить помилования?

«По правде сказать, — вспоминал Винников, — я растерялся и, пожалуй, минуты три стоял настоящим болваном».

— Так, значит, отказываетесь, Николай Гаврилович?!

— Положительно отказываюсь.

Фридрих Энгельс называл Чернышевского великим мыслителем, которому Россия бесконечно обязана. Все основные работы Чернышевского были в библиотеке Карла Маркса. Его изучали в России и за границей. Сколько же новых имен пришло в революцию! Сколько событий! Бомбой Гриневецкого убит Александр II. Грозный Исполнительный Комитет «Народной воли» наводил ужас на правительство. Так много лет прошло, а революционная партия продолжает требовать освобождения Чернышевского. В 1883 году Чернышевский был переведен «на жительство» в Астрахань (конечно, под наблюдение полиции). Сюда приехала и его семья. Сыновья совсем взрослые — Александру 29, Михаилу 25 лет. Постаревшая Ольга Сократовна только тень былой красавицы, но все равно такая же дорогая ему «милая голубочка». Только за несколько месяцев до смерти ему будет позволено вернуться в родной Саратов. Наконец-то рядом любимые им люди и хоть поднадзорная, но все же свобода. Как он хотел работать! Нет, конечно, издавать журнал Николаю Гавриловичу не позволят. Переводы, «Материалы для биографии Добролюбова», воспоминания. Он совсем отвык от нормальной пищи. Чай, жидкая каша. Небольшие прогулки по

городу. Уже поздно менять привычки. Мученик? До последнего дня он ни о чем не пожалел и ни с чем не смирился. Чужое мужество внушает уважение, хотя далеко не всегда становится предметом подражания. Когда хоронили Чернышевского, кто-то из друзей снял с венка ленту с надписью: «Автору «Что делать?». Мало ли что...

В 1888 году с карандашом в руках читал «Что делать?» Владимир Ульянов. В 1902 году в Штутгарте выйдет книга, в которой будут разработаны основы учения о партии нового типа, партии пролетарской революции. И совсем не случайно эта книга будет названа Лениным «Что делать?».

В Саратове на месте снесенного революцией памятника Александру II стоит сейчас памятник Чернышевскому. И это свидетельствует не только о торжестве исторической справедливости, но и о влиянии личности Чернышевского на все времена, о чем прекрасно сказал литературовед А. П. Ланщиков: «Жизнь Чернышевского со всеми радостями и страданиями не пример потомкам, а та нравственная опора, которая и за давностью дней не теряет ни своего значения, ни своей надежности».

ПЕРВЫЙ МАРКСИСТ РОССИИ

Смерть была мучительна не из-за болей и не от сознания того, что он умирает. В конце концов, что такое смерть? Шелли об этом сказал замечательно: «Он слился с природой». И глядя на прозрачные в мартовском солнце березки за окном, он думал, разве это так плохо превратиться в березу? И не потому было тяжело, что осталась незаконченной громадная «История русской общественной мысли». Не сам — туберкулез ставит последнюю точку в рукописи. А умирать так трудно потому, что даже смерть не спасает от трагической безысходности. Снова и снова он тщетно пытался понять, где же, в чем ошибся? Да и была ли эта ошибка? Кажется, он не может упрекать себя в непоследовательности или в несамостоятельности мышления.

Еще отец Валентин Петрович, отставной штабс-капитан гусарского полка, называл его упрямым и воспитывал по-своему. Однажды его, семилетнего, посадил верхом, плетью коня вытянул, крикнул: «Держись!», — а сам в сторону. Чудом тогда Жорж удержался в седле. В другой раз на просьбу сына дать горчицы Валентин Петрович положил ему большую ложку. Жорж тогда (хоть слезы ручьем) съел все, а на усмешку отца: «Еще хочешь?», ответил согласием. И если бы мать не отобрала, умер бы, но съел. Только ошибался отец, не упрямец это было, а чувство собственного достоинства. То же чувство, которое было так сильно в самом Валентине Петровиче.

Мелкопоместный дворянин, владелец села Гудаловка Ли-

пецкого уезда Тамбовской губернии (в этом селе и родился Жорж в 1856 году) славился на всю округу крутым нравом. Говорил, что его предки татарские князья, оттого, дескать, и фамилия: Пле-хан-ов. Богат был только детьми: семеро от первого брака и пятеро от второго. Потому и вникал во все тонкости хозяйства и из крестьян соки выжимал, что не мог иначе содержать огромную семью. Сам работал с утра до ночи и другим спуску не давал. Любимой его присказкой было: «Надо работать всегда, умрем — отдохнем!» Ни крепостным, ни детям, ни жене слова поперек молвить не давал, потому что все, что делал, делал — ясно же — для их пользы.

Обедневший дворянин был самолюбив и горд. Когда тамбовское дворянство чествовало обедом принца Ольденбургского, ему, Плеханову, за столом места не хватило. Так он прямым к генералу из свиты принца: «Извольте, ваше сиятельство, ваш стульчик мне уступить». Ох, что началось! Насмерть перепуганные адъютанты со всех ног помчались за стульями для Валентина Петровича. Верный слуга самодержавия, заслуживший за подавление польских мятежников Георгиевский крест, был убежден в справедливости существующих порядков и с презрением относился к либеральным болтунам, толкующим о необходимости перемен. Тем не менее царя не обожествлял и считал, что большая царская корона составлена из таких, как у него, малых корон, а поэтому требовал к себе должного почтения. Жорж был его любимцем, наверное, потому и выговаривал ему: «Не читай так много, а то смотри, мозг высушишь». Но книг все же не отбирал, понимая, что в воспитании они не лишние. Сына Валентин Петрович мечтал пустить по гражданской части, но, видя, что мальчишка бредит военной карьерой, перечить не стал.

К отцу Жорж относился уважительно, но никогда не любил. Много лет спустя записал: «Все хорошее, что у меня есть, я перенял от матери».

Мария Федоровна Бельнская, внучатая племянница Висариона Белинского, рано осталась сиротой. После окончания Тамбовского института благородных девиц ей пришлось долго служить в гувернантках. Затем замужество без любви, в котором единственной радостью были дети. Играла с ними, пока были маленькие, учила, когда подрастали. Вся — забота и ласка. И за крепостных не боялась заступаться перед грозным мужем. Богу молилась — всю себя в молитву вкладывала. А вот Жоржа не увлекла, хотя и занималась с ним до двенадцати лет, сама готовила к гимназии. В семь лет Жорж пожелал бога: «Как богу должно быть скучно. Он ведь один. Мужу и то веселее, ведь в деревне мужиков много». А еще через несколько лет он, к ужасу матери, будет распевать невесть откуда взявшуюся песенку: «А для поповской глотки — стакан вонючей водки и ржавая селедка — восхититель-

но...» Правда, в Воронежской военной гимназии он заинтересовался Библией, но ничего хорошего из этого не вышло. На уроках закона божьего Жорж стал задавать батюшке вопросы. Батюшка, на свое горе, увлекся. Диспут, где столкнулись Новый и Ветхий Завет, оказался столь занимательным, что даже отчаянные сорвиголовы и заматеревшие бездельники цепенели в тихом восторге, стараясь не пропустить ни единого слова. Но батюшка опомнился и на очередном занятии твердо произнес: «Нет, молодой человек, оставим эти диспуты, иначе уроки закона божьего превратятся у нас в уроки безбожия».

Причудливая память, как стеклышки в калейдоскопе, перемешивает события и каждый раз показывает новый узор, не считаясь ни с последовательностью событий, ни с настроением. Совсем недавнее, мучительное: 31 октября 1917 года. В этот день к нему в дом дважды приходили красногвардейцы для обыска. Искали оружие, интересовались, «какого он будет сословия». А он, больной, с трудом стоял на ногах.

Кем он был для красногвардейцев, седой, дряхлый старик? Проповедником «войны до победного конца», противником восстания. Разве не нужно следить за таким субъектом в оба? Он и не винил их. Откуда им знать, кто такой Георгий Валентинович Плеханов?

6 декабря 1876 года в Казанском соборе Петербурга служили молебен во здравие раба божьего Николая. И все было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство. Что-то слишком много собралось богомольцев. И народ все какой-то нецерковный: студенты, рабочие. Полиция забеспокоилась. Засуетились дворники. И, как оказалось, не напрасно. После богослужения на крыло колоннады поднялся молодой человек, уже хорошо известный рабочим:

— Друзья, мы только что отслужили молебен во здравие Николая Гавриловича Чернышевского и других мучеников за народное дело. Мы собрались, чтобы заявить перед всей Россией нашу солидарность с этими людьми.

Шестнадцатилетний рабочий Яша Потопов развернул красное знамя. Уже пробивались сквозь толпу кулаки дворников. Уже кому-то выворачивали руки полицейские. Стоявший рядом с Плехановым рабочий напялил на него свой картуз: «Бежим!»

С этого дня Георгий Плеханов получил партийную кличку «Оратор». Отныне он нелегальный, разыскиваемый полицией, активный участник первой в России политической демонстрации, где рядом с нигилистами шли рабочие. По решению тайного общества «Земля и воля» Плеханов должен на время уехать за границу.

Мог ли недавний студент мечтать о том, чтобы стоять в кабинете патриарха русского народничества Петра Лавро-

вича Лаврова и, что самое удивительное, быть ему известным: — Здравствуйте, Оратор, слышал о вашем выступлении на демонстрации, рад с вами познакомиться.

Каким он был тогда, 41 год тому назад? Нет, он совсем не был похож на нигилиста. Вежлив, корректен. «Типичный по внешности студент. Среднего роста, стройный, неправильные черты лица, небольшая темно-русая лопаткой борода, каштанового цвета волосы, мягкими прядями падающие назад, белый точеный лоб, карие, слегка миндалевидные глаза. Лицо приятное, оригинальное. Особенно живые, острые насмешливые глаза». Потомственный дворянин, пришедший в революцию по той же причине, по какой пришли и те совестливые люди, жившие в России в 70-е годы, мучившиеся безнравственностью существования за счет недавних крепостных. Чем он мог быть интересен тогда Лаврову? Пожалуй, только искренностью и неутолимой жадой дела. Какое уж там мировоззрение! Голова его была перегружена противоречивыми теориями, которые он был не в состоянии привести хоть в какую-нибудь систему. Знакомый с вожаками народников — Александром Михайловым, Софьей Перовской, Сергеем Кравчинским, Степаном Халтуриним, он тонет в революционных спорах. «Лавристы» требуют серьезной подготовки будущей революции. «Бакунисты» призывают к немедленному бунту. И все ссылаются на авторитеты, все выдвигают, с их точки зрения, несокрушимые доводы. В полемике часто звучит имя Маркса, но хоть что-нибудь понять из толстого тома на немецком языке ему не удастся. Изложение «по Марксу» переплетается с учением Бакунина. Вот почему каждое слово революционного ветерана Лаврова для него непререкаемая истина. Конечно, Плеханову известно о многочисленных провалах пропагандистов в деревнях. Но как не поддаться убеждениям Петра Лавровича? Да, он обязательно отправится в деревню и попробует продолжить начатую работу.

Снова Россия. Теперь Оратор — это уже не только кличка, а очевидный факт. Известна успешная работа Плеханова с рабочими Саратова, его яркая речь на похоронах Н. А. Некрасова и фантастический уход из полицейского участка.

В тот день он принес на фабрику большую пачку листовок, но, едва успев передать их, был задержан полицией. За ночь у него было время обдумать свое положение. Хорошо сделанный паспорт почетного гражданина и приличный костюм необходимо быстро использовать. Если начать копать, то докопаются, кто он такой, и тогда конец. О его деятельности полиции известно достаточно. Утром из камеры вышел рассерженный барин. Властный голос, нетерпеливые движения. Кивок полицейскому: «Милейший, принесите мне воды, и чтоб стакан был чистым!»

Пошедший за водой слышал, как хорошо одетый господин

не просил, приказывал околоточному: «Я самым энергичным образом протестую против моего совершенно произвольного ареста. Прошу составить протокол». Он вышел из участка недовольным, и хмурое лицо важного барина не предвещало ничего хорошего извиняющимся полицейским.

А потом, летом 1878 года было «хождение в народ» на Дон и триумфальное возвращение в Петербург. Костяк будущего казачьего восстания был сформирован. Дело оставалось за малым — отпечатать прокламации. Но успеху этому радоваться было некому. «Земля и воля» фактически перестала существовать. И причиной этого был раскол.

Всегда он считал необходимым говорить то, что думал. Дело не в амбиции, не в упрямстве. То, что он столь часто оказывался один против всех, объясняется только мерой самостоятельности мышления, которая и определяет меру независимости. Так было еще в те юношеские времена, когда окружающим его поведение казалось экстравагантным.

Это было осенью 1873 года, когда он, юнкер Константиновского военного училища, начитавшись запрещенных изданий Герцена, Чернышевского, Бакунина, Лаврова, уже растался с детской мечтой стать полководцем. Старший брат пытался ввести его в светское общество. На авторитетное замечание старого заслуженного генерала: «Ну, что Дарвин? Дарвин — мальчишка!», юнкер бросает на всю залу: «Помилуйте, ваше превосходительство. Дарвин старше вас!» Опытная хозяйка ловко перевела разговор, и через минуту все уже делали вид, что не замечают багровую шею генерала. А когда сам Александр II в коляске ехал по Невскому им навстречу, брат подтолкнул Жоржа: «Поклонись». На что последовал убийственный ответ: «С какой стати?! Я с ним незнаком».

Да что там светское общество. С родной матерью, которую любил и жалел, и то спорил, когда был уверен, что прав. После смерти отца он, только окончив курс Воронежской военной гимназии, вернулся в продающееся имение. Желающие его приобрести крестьяне не могли конкурировать с богатым купцом. Измучилась Мария Федоровна, пытаясь примирить два своих долга, — крестьянам и детям. Она выбрала детей. И тут вмешался Жорж: «Продадите купцу, я спалю первую жатву и сам пойду на каторгу. Выбирайте». Мать знала, что значит слово ее сына. Что уж тут выбирать? Пришлось отказаться от выгодной сделки.

И вот он снова один. Умиравший старик в санатории Питкеарви (час езды от Петрограда и вечность от революции). Теперь калейдоскоп памяти ставит два съезда рядом. Может быть, потому, что Лондонский съезд доказал его правоту в Воронеже?

Да, тогда, в 1879 году они собрались в Воронеже. Террористы и агитаторы. Друзья-враги. Очевидно, что агитация

в деревнях дает ничтожные результаты, а гибнут из-за нее лучшие люди. Дезорганизовать правительство может только террор. А потому главной задачей землевольцев должна стать организация казни Александра II. Противников тактики террора немного. Он был самым непримиримым:

«Политическая борьба во имя народа, но без его участия только оторвет революционеров от народа. Неужели вы не понимаете, что уничтожение самодержца ничего не изменит в политической системе, только вместо Александра с двумя палочками будет царствовать Александр с тремя палочками. В любом случае — удастся убить царя или нет — это дезорганизует не правительство, а партию».

Строго логичную, отточенную речь не слышат. Не могут, не хотят рассуждать эти молодые люди по законам логики. Долгая, прозаическая работа для революции, конца и края которой не видно, или возможность свергнуть ненавистный общественный строй одним удачным выстрелом, одной бомбой? И даже в случае неудачи можно повторить слова декабриста Одоевского: «Ах, как славно мы умрем!» «Тактика революции заключается в одном слове «держай», и ежели это будет несчастливо, мы своей неудачей научим других». Это из 1825 года говорит в 1879 год Рылеев. Декабристы тогда хотели того же, о чем теперь мечтают землевольцы. В бой! Сейчас! Немедленно! «Политическое убийство — это осуществление революции в настоящем» — вот и все обоснование землевольца А. Михайлова. Неотразимое обоснование! И будто Плеханову возражают не Морозов или Желябов, а отчаянный гусар Лунин («предлагает наперед энциклопедию написать, а потом к революции приступить»).

До чего трудно было произнести ему всего четыре слова: «Мне здесь нечего делать». Они означали окончательный разрыв с людьми, которых он любил, которые были его друзьями. Он ушел тогда. И ведь за ним не пошел никто даже из тех, кто почувствовал его правоту. Один против всех!

Как и предсказывал Плеханов, компромиссные решения съезда ни к чему не привели. Партия распалась на две самостоятельные организации — «Народную волю», целью которой стал террор, и «Черный передел», видевший свою задачу в пропаганде. Немногочисленные силы были раздроблены. Итог закономерен. «Черный передел» прекратил существование. «Народная воля» уничтожила царя, но была разгромлена. В России стал царствовать император Александр «с тремя палочками». Народ по установившейся традиции «безмолвствовал».

Его правоту подтвердила история. Но после Воронежского съезда потребовалось двадцать четыре года, чтобы то, в чем он тогда был убежден один, стало очевидным для всех.

30 июля 1903 года в помещении мучного склада города

Брюсселя открылся II съезд Российской социал-демократической рабочей партии. Съезд, на котором была фактически создана партия. Г. В. Плеханов, гордый и счастливый, стоял на импровизированной трибуне: «Товарищи! Организационный комитет поручил мне открыть очередной съезд РСДРП. Я объясняю себе эту великую честь только тем, что в моем лице Организационный комитет хотел выразить свое товарищеское сочувствие той группе ветеранов русской социал-демократии, которая двадцать лет тому назад, в 1883 году, впервые начала пропаганду социал-демократических идей в русской революционной литературе... Каждый из нас, российских социал-демократов, может воскликнуть и, может быть, не раз уже восклицал словами рыцаря-гуманиста: «Весело жить в такое время!» Хочется жить, чтобы продолжать борьбу; в этом и заключается весь смысл нашей жизни».

В чем же теперь, в 1918 году, смысл его жизни? Все, ради чего он жил, пошло прахом. А ведь он доказывал устно и печатно: Октябрьское восстание — это чудовищная ошибка.

Только тогда, когда фабрики, заводы, сельскохозяйственные предприятия сосредоточатся в руках немногочисленного слоя капиталистов, а большинство трудящегося населения станет пролетариями, пролетариат должен брать власть. При таком перевороте производство не расстраивается, а развивается. Но во главе его вместо горстки капиталистов стоит рабочее государство. В России же капитализм слаб. Огромная масса людей — мелкие собственники. Попытка введения при таких условиях социализма приведет страну к разорению и скомпрометирует саму идею социализма. Следовательно, пролетариат должен не брать власть, а использовать революцию для обеспечения себе влиятельного положения в правительстве, не мешая капиталистам продолжать экономическую организацию страны. Плеханов обращается к рабочим Петрограда и объясняет им преждевременность их диктатуры. Теперь большевики подписывают Брестский мир. Ленину нельзя отказать в последовательности. Для того чтобы сохранить установившуюся диктатуру, мирная передышка необходима. Но он, Плеханов, вовсе не считает необходимым, чтобы большевики оставались у власти. Эта революция — «нарушение всех исторических законов». А ведь именно ему Россия обязана тем, что эти законы стали известны и понятны рабочим.

Да, он отправился в эмиграцию через год после разрыва на Воронежском съезде. Полиция объявила тогда о денежной награде за его поимку, но дело было не только в личной безопасности. Ему было необходимо спокойно поработать в европейских библиотеках и найти выход из идейного тупика.

Уже на перроне в него стал всматриваться жандарм. Плеханов подошел к нему. Военная выправка, ледяной тон при-

каза: «Ну-ка, снеси мне чемодан в вагон». Георгий Валентинович хозяйским жестом сунул жандарму двугривенный. Старая тактика сработала.

Уезжал на несколько месяцев, а пробыл в эмиграции тридцать семь лет. Его пристанищем стали города Швейцарии, Франции, Италии. Но жил он Россией и для России.

Тоненькая книжечка оказалась откровением. Позже Плеханов запишет: «Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического Манифеста» составляет эпоху в моей жизни». Маркс и Энгельс из, казалось, ничем не связанных событий мировой истории создали стройную научную теорию, где не было ничего случайного и необъяснимого. Они не просто показали негодность существующего порядка, но и доказали неизбежность насильственного изменения существующего мира. Плеханов, еще недавно считавший себя бакунистом, отныне убежденный марксист. Теперь он знает, что ему нужно делать. Теория марксизма должна быть понята и принята в России. Если бы он мог посвящать работе все свое время! Но эмиграция — синоним нужды.

Семейное счастье пришло к нему не сразу, и он умел дорожить им. Наталия Александровна Смирнова, курсистка медицинских курсов, уже несколько лет оказывавшая помощь революционерам, познакомилась с Плехановым на студенческой вечеринке. Скоро Георгий узнал, что ее возлюбленный сослан, а она ждет ребенка. Он тогда все решил сам. Никаких препятствий. Венчание будет скромным. Ребенка он усыновит.

Семейная жизнь не сложилась. За то недолгое время, что они прожили вместе, он понял, что никаких чувств, кроме дружеских, жена к нему не испытывает. Горькой была эта любовь. Уже позже, когда Плеханов станет нелегалом, он узнает из письма, что его родной сын Николай, которого он даже не успел увидеть, умер. А Наталия Александровна возвращается к любимому, отбывшему ссылку.

Его вторая жена, Розалия Марковна Боград, подарила ему все, о чем он так мечтал: любовь, понимание, заботу. Она была так же непрактична житейски, как и он. Приехав к нему в эмиграцию, в первый же день помчалась к парикмахеру и продала свою роскошную косу, чтобы отметить в маленьком ресторанчике их долгожданную встречу. Они питались творческими сырками и сырыми яйцами (не на чем было готовить), но никогда ему не приходилось слышать упрека в том, что последние деньги уходят на книги. Она была замечательной женой. И теперь, в Питкееarvi, только она находится с ним рядом. Только она сможет позаботиться о его рукописях, бумагах.

Как он старался тогда, в эмиграции, хоть немного помочь ей в вечном доставании денег. Чем только ни приходилось ему заниматься. Переводил какой-то роман. Издателю перевод

понравился, но он почему-то исчез, забыв уплатить. Вместе с женой за мизерную плату надписали три тысячи конвертов с рекламой. А когда Георгий Валентинович пришел к дельцу с готовой работой, оказалось, что тот еще не соизволил подняться с постели. Не извинившись, он попросил Плеханова подать ему пакет с камина, где их лежала целая груда. Плеханов подал. Нет, не тот. И это не тот. Делец выругался по-польски. Георгий Валентинович знал язык достаточно хорошо, чтобы понять. Волной накатил гнев. Пачка надписанных конвертов веером полетела на пол. Плеханов хлопнул дверью. А дома, уже успокоившись, подсмеивался над собой. Дворянину без денег вспыльчивым быть не положено. О случайных заработках, неустроенности, заботах о семье, тоске по родине он не будет говорить даже друзьям. Кому это интересно? С друзьями — о главном.

Революция сможет победить в России только тогда, когда ее возглавит пролетариат. Без революционной партии пролетариат не станет такой силой. Теоретической основой партии будет только марксизм. Это и есть главное. Но понимали это пока только пять русских эмигрантов: Плеханов, создатель и идеолог первой русской марксистской группы «Освобождение труда», Павел Аксельрод, Вера Засулич, Лев Дейч и Василий Игнатов.

Прежде всего русские рабочие должны получить произведения Маркса и Энгельса. Пять человек выполняют работу целого издательства: переводят, добывают средства, издают. Уходят в Россию «Манифест Коммунистической партии», «Развитие социализма от утопии к науке», «Наемный труд и капитал», «Нищета философии». Но дать России марксистские работы — это полдела. Нужно еще доказать ошибочность народнической программы. Нелегальные книги Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» уже разошлись по рукам. Народники кляли «отступника» Плеханова, но ругань — слабый довод против фактов и логики. А Плеханов уже задумал новый удар. Одно дело потаенная литература (мал тираж, опасно чтение), а другое — издать книгу в России легально (конечно, под псевдонимом). Название длинное и до тошноты наукообразное — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Это чтобы цензура не скоро разобралась, какую книгу она разрешает. А разрешила она работу, которую Плеханов называл «В защиту марксизма». Таких книг по философии в России еще не читали: великолепная литературная форма, злое остроумие, полемический темперамент. Короче, когда цензура сообразила, что к чему, тираж был почти весь распродан. Об этой книге Плеханова Ленин скажет, что на ней «воспиталось целое поколение русских марксистов».

Все в прошлом. А теперь только призраки. Да, его стали

мучить галлюцинации: то вдруг появлялись в саду санатория греческие скульптуры, то он отчетливо видел трех парок с ножницами, готовых перерезать нить его жизни. А потом реальный мир возвращался, и возникали вопросы, на которые он не находил ответа. Как получилось, что Ленин оттеснил его? Когда они встретились впервые, кем был Ульянов и кем он?

Для мировой социал-демократии он — крупнейший теоретик, талантливый пропагандист марксизма. Он уже лично знаком с Фридрихом Энгельсом (если бы не бесконечные денежные затруднения, он мог бы приехать раньше и поклониться своему кумиру Марксу живому, а не мертвому). Его со вниманием слушают лидеры II Интернационала. Ему известно, что в России его книги изучаются в рабочих марксистских кружках. То, над чем посмеивались, как над нелепостью, народники — существование социал-демократической партии в России — уже почти реальность.

А Ульянов в то время (они познакомились в 1895 году) был известен как брат казненного Александра Ульянова и способный руководитель петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Слов нет — талантлив. Сам же и писал о нем: «Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди». Да, он был талантливый ученик, внимающий учителю Плеханову. Н. К. Крупская свидетельствовала: «Плеханов сыграл крупную роль в развитии Владимира Ильича, помог ему найти правильный революционный путь, и потому Плеханов был долгое время окружен для него ореолом, всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он переживал крайне болезненно».

Тогда они были единомышленны. Создать пророчески предсказанную Плехановым марксистскую партию в России заграничной группе «Освобождение труда» невозможно. Задачу практического соединения социалистического учения и рабочего движения решал ленинский «Союз...».

Их пути разошлись после II съезда РСДРП. Он был близок к меньшевикам, но в то же время не боялся критиковать их. Хотя с большевиками он тоже не был. Ленин потом будет писать о его «особой» позиции. Явно, открыто они столкнулись позже.

В дом Георгия Валентиновича пришел человек, имя которого обошло все газеты Европы, — священник Георгий Гапон. Это он письменно заверил царя, что ему не надо пугаться народа, пусть выйдет к любящим его верноподданным. Это он в подворотне трясущимися руками срывал с себя рясу и крест, когда началось убийство безоружных рабочих, и кричал: «Нет больше бога! Нет больше царя!» Нелепый патри-

архальный священник, за которым пошли на смерть темные, верящие в бога и царя люди. Теперь он среди революционной эмиграции. Он — гость Плеханова.

Странные это были собеседники: блестящий эрудит и невежественный поп. «Героем» революции Плеханов был откровенно разочарован. Вскоре Гапон уедет в Россию и станет тайным агентом охраны. Разоблаченный эсерами, будет судим и повешен.

Приходили к Плеханову и другие гости, например моряки восставшего «Потемкина», для помощи которым Плеханов сделал все, что мог. Но что любопытно. И Ленин и Плеханов разговаривали со множеством людей, читали одни и те же газеты. Оба анализировали ход первой российской революции и пришли к противоположным выводам.

Плеханов: «В этих восстаниях наш пролетариат показал себя сильным, смелым и самоотверженным. И все-таки его сила оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство не трудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие».

Ленин: «Напротив, громадное большинство с.-д. согласны в том, что восстание было необходимым отпором отнятию свобод, что оно подняло все движение на высшую ступень и доказало возможность борьбы с войском...», «...нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие».

Плеханов, который когда-то заявлял: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может», — теперь доказывал, что руководителем революции может быть только буржуазия, а рабочие должны ее поддержать.

В 1907 году Ленин напишет о нем, о своем учителе: «Как политический вождь русских с.-д. в буржуазной российской революции, как тактик Плеханов оказался ниже всякой критики».

Да, он, Плеханов, готов был на любые компромиссы, лишь бы не дать углубиться внутривнутрипартийному расколу. И даже когда он чувствовал правоту Ленина, он не мог идти за ним. Среди меньшевиков была старая гвардия, те, с кем он, Плеханов, прожил целую жизнь — Засулич, Аксельрод, Дейч. Он так и сказал: «Не могу я стрелять по своим». Может быть, потому и метался от одних к другим? Но даже в этом он остался последователем. После Октября он повторит свою фразу почти теми же словами.

Тогда к Георгию Валентиновичу пришел известный ему еще по эмиграции Борис Савинков, один из лидеров эсеровской партии, авантюрист и ярый враг Советов. Коротенькая беседа о семье, жизни и — главное:

— Георгий Валентинович, мы, истинно революционные силы России, готовимся к отпору большевикам. От имени многих — я не имею права их называть — прошу Вас дать согласие стать главой правительства, которое мы сформируем после разгрома ленинцев.

— Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и не я его буду расстреливать даже тогда, когда он идет по ложному пути.

Чем проще, примитивнее общественные отношения, тем легче ставить знак плюс или минус тому или иному общественному явлению, тем отчетливее мировоззренческие оценки исторической личности. Вспоминая инквизиторов и Кампанеллу, даже не зная, за кем останется победа, мы знаем точно, кто прав. Насколько же сложнее, противоречивее наша эпоха. А об эпохе, начавшейся в октябре 1917 года, мы можем говорить как о нашей, современной. Ибо все, что происходило более 70 лет назад, формировало наш сегодняшний день, судьбы ныне живущего человечества.

Приципиальные ошибки Плеханова объяснены в десятках монографий и в сотнях статей. Их суть такова. Пока в России капитализм развивался в рамках схемы марксистской теории, Плеханов не имел себе равных. Он уверовал в свою вечную правоту, в то, что последнее слово всегда должно оставаться за ним. Но капитализм вступил в новый этап — империализм. И Плеханов, неоднократно заявлявший о творческом характере марксизма, не сумел развить марксизм в условиях новой эпохи. Не сумел прежде всего потому, что отошел от практической работы партии, превратившись в кабинетного мыслителя. Могут ошибаться и меньшевики и большевики. Плеханов же — ортодокс марксизма — ошибаться не может. Если с ним пытались спорить, Георгий Валентинович сражал собеседника самым «убедительным» доводом: «Еще ваши маменьки и папеньки под стол пешком ходили, когда я уже был марксистом». Он не чувствовал, что его довод звучал почти как поучение старого фельдфебеля в памятной ему Воронежской гимназии: «Служба не что-нибудь и не как-нибудь. Чин чина почитать должен, а главное — не разговаривать». Вокруг Плеханова образовывалась пустота, а в результате логические построения подменили анализ реальной действительности.

Все верно, но далеко не так просто. Мы оцениваем свершившиеся события как данность. А для Плеханова они данностью не являлись. Он эти события готовил всей своей предшествующей жизнью. И представлял их себе по-другому. Кстати, Плеханов в своем видении перехода к социализму был не одинок. По сути, его точка зрения — это точка зрения лидеров II Интернационала. Жизнь сломала все схемы и предвидения.

Он возвращался в Россию. Он мечтал об этом тридцать

семь лет. Ненавистная монархия сметена! Февральская революция победила! Его встречают овацией. Первой мировой войне не видно конца. Лозунг большевиков известен — превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Что скажет Плеханов?

«Теперь мы сделали революцию и должны помнить, что если немцы победят нас, то это будет означать не только наложение на нас ига немецких эксплуататоров, но и большую вероятность восстановления старого режима». А поэтому буржуазное Временное правительство необходимо поддержать. Войну с Германией нужно вести до победного конца.

Плеханову рукоплещут. Кто? Нет, не только меньшевики. Его удостоивают визитом и беседой верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев, адмирал А. В. Колчак, черносотенец В. М. Пуришкевич. Его убеждают использовать свой громадный авторитет для «спасения Отечества». Георгий Валентинович искренне недоумевал: чего ради ходят к нему эти люди? Но вопрос, от кого же надо спасать отечество через 23 дня после победы буржуазной революции, перед ним не стоял. Понятно от кого — от большевиков, одурманивающих рабочих.

Здесь, около Казанского собора, Плеханов выступал на первой политической демонстрации. Тогда его окружали рабочие и студенты. И за слова, которые произносил Плеханов, он рисковал головой. 41 год спустя Георгий Валентинович снова говорит у тех же колонн. И молебен опять, на этот раз настоящий, «во славу победы русского оружия». Рабочих, правда, немного, но это не мешает Плеханову с жаром доказывать необходимость продолжения войны. Он говорит о революции, которую надо защищать. Правда, теперь ему уже ничего не угрожает...

Он понимал: участвовавшие галлюцинации, слабость — это уже агония. И более всего его мучило сознание того, что любимая им Родина пошла по неверному пути. В отличие от многих, предрекавших скорый конец большевиков, Плеханов говорил, что они много сильнее, чем кажется их противникам. Человек, первым в России предсказавший победу рабочего класса и доживший до этой победы, не сумел ее оценить. Конец мая 1918 года — последние его дни — были самыми горькими, самыми трагичными. Он умирал, так и не найдя ответа на мучивший его вопрос. Да и есть ли он, этот однозначный ответ? Если идеи и судьба одного из крупнейших марксистов — не спорный вопрос, а готовый ответ, то не окажется ли такой ответ поверхностным?

В 1921 году Ленин писал: «...*Нельзя* стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма».

*Вильгельм Либкнехт
1826—1900*

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

Председатель суда присяжных — человек геркулесовского сложения, огромные ручки которого, казалось, с трудом умещались на судейском столе, — заметно нервничал. Его фамилия фон Мюкке (по-немецки «комар») могла бы символизировать крохотное количество мозга в узкой голове, на которую у природы уже не хватило материала после изготовления столь мощного тела. Он очень старался. Не имея ни малейшего представления о социалистическом учении, смело пытался полемизировать с основателями социал-демократии Вильгельмом Либкнехтом и Августом Бебелем, но всякий раз подсудимые ставили его в нелепое положение — он не знал, что отвечать. Ему не удавалось сдерживать раздражение, и из-за этого он злился еще больше. Фон Мюкке знал — люди, сидящие на скамье подсудимых, олицетворяют идеи, несовместимые с основным принципом государственного строя Германии — бесконтрольным всемогуществом правительственной бюрократии.

Подсудимые будут осуждены, фон Мюкке получит орден, но поставленная цель — обвинительный приговор самой идее социализма — так и не будет достигнута.

А ведь это характерно: во всех странах и во все времена наиболее фанатичные представители власти, пытавшиеся публично обосновать свою монополию на всемогущество и непогрешимость, терпели позорные поражения. История древнего города Лейпцига тому классический пример. Через тридцать пять лет после этого процесса здесь же будут судить

сына одного из осужденных — Карла Либкнехта, по тому же стандартному (еще со времен Томаса Мора) обвинению в государственной измене. Как и отец, сын сумеет ответить так, что его услышит весь мир. Через шестьдесят один год здесь же командовать политическим процессом о поджоге рейхстага будет имперский министр авиации и глава правительства Пруссии Герман Геринг, а непобежденным героем останется болгарский коммунист Георгий Димитров. Но вернемся в 1872 год.

— Еще раз — я не профессиональный заговорщик, не странствующий ландскнехт конспирации. Назовите меня, если угодно, солдатом революции, против этого я ничего не имею. Двойкий идеал мечтался мне с юности: свободная и единая Германия и эмансипация трудящегося народа, то есть уничтожение классового господства, равнозначное освобождению человечества. За эту двойную цель я буду бороться, пока дышу. Так требует долг!

Вильгельм Либкнехт говорит просто и ясно, как будто он выступает не перед судом присяжных, а перед друзьями рабочими. Да так оно в сущности и есть. Это фон Мюкке думает, что ненавистные ему люди находятся на скамье подсудимых. Нет, лидеры социал-демократии получили трибуну, с которой их услышит вся страна.

В первой половине XIX века равнинный пейзаж университетского городка Гисена в Гессен-Дармштадтском герцогстве (в наши дни — земля Гессен в ФРГ) не портила ни одна фабричная труба. Уютные деревянные домики с таинственными лестницами и резными балконами скрывались за фантастическими воротами. Звуки клавесина плыли сквозь зелень садов и настраивали на романтический лад. Казалось, что чувствительный и неторопливый XVIII век здесь до сих пор не уступил место своему напористому и жесткому преемнику. Это был тихий город профессоров, чиновников и мелких торговцев. Здесь 29 марта 1826 года у чиновника Либкнехта появился третий ребенок — Вильгельм. Респектабельная семья гордилась своей родословной, начало которой положил великий реформатор Лютер. С почтением вспоминали и прадеда Вильгельма, Иоганна Георга Либкнехта, профессора математики и друга знаменитого философа Лейбница. Но впечатлительного мальчика гораздо сильнее взволновала судьба родственника по материнской линии, благородного пастора Вейдига, арестованного за распространение революционных изданий тайного «Общества прав человека» и замученного в тюремной камере.

Вильгельму было всего пять лет, когда умерла мать. Еще через год он стал круглым сиротой. Мальчик не доставил хлопот опекунам, но и не оправдал их надежд. Либкнехт не сделал ни административной, ни ученой карьеры. Хотя

еще гимназистом он был среди первых учеников и просиживал над книгами не только дни, но и ночи. Кто же знал, что юноша зачитывался сочинениями социалиста Сен-Симона? В шестнадцать лет Вильгельм уже студент университета. Никто из родственников по-прежнему не догадывался, что пишущий стихи домосед и книжник, увлеченный теологией, филологией и философией, считает себя социалистом и мечтает об уничтожении меттерниховских полицейских порядков. Сочинения Бруно Бауэра и Людвиг Фейербаха избавили его от веры в небесную власть столь же успешно, сколь статьи и книги Маркса, Энгельса, Сен-Симона, Фурье, Прудона отрешили от уверений в справедливости и незыблемости властей земных.

Его мучила жажда деятельности. «Мысль поступить на государственную службу я скоро окончательно оставил, так как она была несовместима с моими политико-социальными взглядами. Но я вынашивал какое-то время план сделаться приват-доцентом и надеялся, что, может быть, получу професуру в одном из небольших, более независимых университетов. В этом самообольщении я пребывал, однако, недолго. Я убедился, что не имею ни малейшей надежды, не жертвуя своими принципами, получить право на преподавание, и поэтом в 1847 г. принял решение эмигрировать в Америку». Вильгельм умолчал о большем, чем сказал.

Увлеченный философскими исканиями прилежный студент берет уроки у плотника и через шесть недель торжественно возводится в звание подмастерья. Наряду с этим он делает успехи в гимнастике, плавании и стрельбе. Все эти навыки ему безусловно пригодятся в Америке, ибо где же еще можно воплотить в жизнь идеи великих социалистов. Почему бы не организовать что-нибудь вроде земледельческой ассоциации? Однако красочные мечты о будущем отнюдь не мешают ему весьма активно действовать в настоящем. Он руководит студенческой забастовкой, причем столь успешно, что университетское начальство настоятельно советует ему перебраться в другое учебное заведение. Но и на новом месте его воинственный энтузиазм пришелся не ко двору.

В своих воспоминаниях Либкнехт напишет, что с 1846 года стал коммунистом. Но он лишь выдавал желаемое за действительное. Этот, по словам Бебеля, «человек с железной волей и детской душой» в те годы просто мечтал об обществе социальной справедливости, хотя смутно представлял, каким же оно должно быть и как его можно добиться. Именно поэтому отправившийся за океан юноша очутился в... Швейцарии. Да, так уж произошло, что его попутчиком в почтовой карете оказался красноречивый швейцарский учитель, который не только убедил Вильгельма не уезжать из готовой к революции Европы, но и посвятить себя педагогике. Что может быть

благороднее и увлекательнее, чем всестороннее развитие ребенка для будущей общественной жизни. Рекомендательное письмо откроет для Вильгельма двери частной школы Карла Фрёбеля, где юноша, без сомнения, сумеет воспитать будущих граждан в гуманном духе, завещанном Песталоцци и Руссо.

Совершенно неожиданно для себя Вильгельм понял, что школа его призвание. Он отдался педагогической работе со страстью и чувствовал себя счастливым. Даже в своих предсмертных записках Либкнехт, политический деятель и журналист с мировым именем, выразит сожаление, что жизнь не позволила ему остаться просто школьным учителем. Впрочем, если преподавание пришло к нему как неожиданный подарок судьбы, то грандиозное европейское событие явилось давно ожидавшейся необходимостью. Об этом он рассказал сам: «22 февраля 1848 г. я сидел у себя дома в Цюрихе с несколькими друзьями, не хочу скрывать, за карточным столом, так как и у меня, как у всех это бывает, случались времена, когда я, обреченный на безделье, рылся в своей совести и, не находя покоя своей душе, искал забвения во всевозможного рода пустяках; вдруг влетает один молодой приятель-швейцарец, имевший связи среди членов кантонального правительства, и возбужденно объявляет: «В Берне получена телеграмма от нашего посланника в Париже о том, что там строятся баррикады!» Со словами «Это революция!» я бросил карты, вскочил, быстро распрощался с друзьями, схватил свое великолепное ружье (которое, собственно, предназначалось для американских лесов) и несколько дорожных мелочей и поспешно отправился в Париж; там я, к величайшему своему сожалению, узнал, что парижане без меня уже справились со своим буржуазным королем».

Огорчаться ему пришлось недолго. И ружье, как оказалось, он взял не напрасно, потому что вслед за Францией поднялась Германия. В герцогстве Бадене началось восстание под руководством буржуазного демократа Густава Струве. К нему и поспешил Либкнехт со своими жаждущими дела друзьями. Догнать отряд Струве не удалось. Но это не мешало молодым людям совершить множество подвигов, о которых умудренный опытом политической борьбы Вильгельм Либкнехт не мог вспоминать без иронии: «С тринадцатью людьми и одним ружьем мы захватили в течение трех дней четверть Великого герцогства Баденского». Этот поход был закончен ими уже в качестве пленников правительственных войск. А затем восьмимесячное ожидание суда за железной решеткой замка Фрейбурга. Впрочем, замок сохранился в памяти Вильгельма не только из-за тягостного ожидания: четырнадцатилетняя дочь тюремного инспектора Эрнестина Ландольт поклялась узнику в вечной любви и верности.

Его, безусловно, ожидал смертный приговор или много-

летнее заключение в каземате, если бы не новый взрыв революции. В мае 1849 года великий герцог баденский Леопольд, спасаясь от восставшего народа, бежал из страны. Перепуганные судьи поспешили оправдать всех мятежников. За последующие несколько месяцев с Либкнехтом произойдет столько событий, сколько обычному человеку хватило бы на всю жизнь. Глава временного правительства либерал Brentano считает, что провозглашение республики — шаг чересчур радикальный, за что и будет награжден Либкнехтом титулом «предателя». В столице бывшего герцогства, Карлсруэ, Либкнехт убеждает солдат перейти на сторону революционного народа. Он одновременно агитатор, журналист, адъютант Струве и бомбардир батареи, которой командует Иоганн Филипп Беккер (в скором будущем друг Маркса и Энгельса). В июне Либкнехт арестован уже по приказу временного правительства. Но в Раштатской тюрьме Вильгельм просидел всего лишь три дня. Его освобождают распропагандированные им через окно камеры солдаты. А еще через четыре дня Либкнехт сражается против прусских войск, присланных для подавления восстания. После разгрома революции Либкнехт эмигрировал в Швейцарию. Здесь он и познакомился с Фридрихом Энгельсом. «Я смотрел на него снизу вверх, — вспоминал Либкнехт, — он уже совершил большие дела и был на пять лет старше меня, а в таком возрасте пять лет, — целое столетие». Только после общения с Энгельсом Вильгельм начинает понимать, что будущее не за буржуазными демократами. В августе 1849 года Либкнехт становится членом Женевского рабочего ферейна (общества). В то время, когда большинство «героев»-буржуа довольствовались хвастливыми воспоминаниями о революционных днях, не забывая при этом о делах, приносящих звонкую монету, Либкнехт только вступил на путь настоящей борьбы. Швейцарские власти, обеспокоенные деятельностью рабочих сообществ, к тому же подвергаемые нажиму со стороны правительств Священного союза, арестовали многих политических эмигрантов. После двухмесячного заключения, в мае 1850 года Либкнехт отправляется в тринадцатилетнее лондонское изгнание.

Скучное пропитание он зарабатывал уроками (благодарный швейцарский опыт!) и журналистикой, а тепло и книги в изобилии получал в библиотеке Британского музея, где серьезно изучал социологию, политэкономия и историю. Но главное — учитель превратился во внимательнейшего ученика. Член Союза коммунистов Вильгельм Либкнехт почти ежедневно бывает в доме Маркса. Только теперь совершилось превращение бунтаря и фантазера в революционного мыслителя, убежденного коммуниста.

Спустя шесть лет после фрейбургского заключения Вильгельм сумел выслать деньги на дорогу Эрнестине Ландольт.

Она приехала в Лондон и стала женой политического эмигранта. Понимала ли эта мужественная девушка, на какую судьбу обрекала себя, когда, преодолев сопротивление семьи, отправилась в чужую страну? Безусловно! О начале их совместной жизни рассказывает Маркс в письме Энгельсу: «Кажется, обоим приходится очень горько. Он лишается места... Его медовый месяц, проведенный в № 147 на Чёрч-стрит, в доме, где он сильно задолжал, таким образом основательно отравлен». Но у Либкнехтов, несмотря на постоянную нужду, хватило и любви и мужества, чтобы с юмором переживать эмигрантские невзгоды. К тому же, в крайнем случае, в доме Маркса всегда можно было съесть немного картошки и тарелку супа. И еще, они теперь могли читать Шекспира в подлиннике:

Но ежели для истинной любви
Страдание всегда необходимо,
То, видно, уж таков закон судьбы.
Научимся сносить его с терпением...

18 октября 1861 года Вильгельм I возложил на себя королевскую корону, доставшуюся ему, по его утверждению, божьей милостью. Вслед за этим событием последовала амнистия. Либкнехт, получивший приглашение возглавить иностранный отдел берлинской газеты, вернулся на родину. Впервые после своей педагогической деятельности он имел надежный заработок, хорошую квартиру и, основное, возможность в печати пропагандировать марксизм. Но это благословенное время прошло быстро. Главный редактор газеты, где работал Вильгельм, стал служить фактическому правителю Пруссии — Бисмарку. Нет, Либкнехт вовсе не обязан восхвалять железного канцлера. Он может продолжать в своем отделе писать так же, как и раньше... Эту игру Бисмарка Либкнехт понял сразу. Его, Либкнехта, дело сведется к роли пугала для либеральной буржуазии и поддержке иллюзорной помощи правительства рабочим организациям. Отцу двух маленьких детей, не имевшему никаких сбережений, было невероятно трудно решиться на такой шаг, но он его сделал — ушел из газеты.

Главный вопрос, поставленный перед Германией революцией 1848—1849 годов, — объединение страны — не был решен, но решения требовал. Отто фон Бисмарк считал, что единственный путь — династические войны и объединение страны под главенством Пруссии «железом и кровью». Мечтавшая встать у кормила государственной власти либеральная буржуазия (прогрессивистская партия) знать не желала грубого юнкера Бисмарка, но смертельно боялась революционного народа. Единственной реальной силой, которая могла противостоять притязаниям на объединение страны «сверху» под главенством реакционнейшей прусской короны, был рабочий класс. Это Либкнехт прекрасно понял, почему и вступил

в лассалевский Всеобщий германский рабочий союз, но в отличие от Лассалья не обманывался политикой Бисмарка. Либкнехт не сомневался в личной честности Лассалья, но, понимая создавшееся положение, писал о нем Марксу: «Он играет в такую запутанную игру, что скоро и сам не сможет из нее выпутаться».

После гибели Фердинанда Лассалья все силы Либкнехта были отданы борьбе с его преемниками. Задача рабочего союза — уничтожение буржуазного государства. «Итак, — убеждал Либкнехт, — не: либо с прогрессистской партией, либо с правительством, а: ни с прогрессистской партией, ни с правительством. Ни одно, ни другое — рабочие должны образовать самостоятельную партию».

Такого Бисмарк стерпеть не мог. Летом 1865 года Либкнехту было приказано в 24 часа покинуть Берлин и Пруссию. Ему пришлось переехать в Лейпциг, оставив жену и детей почти без средств. Это была нелегкая полоса его жизни. Но вот что пишет познакомившийся с Либкнехтом Август Бебель именно в это время: «Ему тогда шел уже сороковой год, однако он обладал пылом и живостью двадцатилетнего юноши. У нас сейчас же завязался политический разговор... Либкнехт был выдающимся человеком, и мы, несмотря на его резкость в обращении, вскоре подружились».

Объединение Германии произошло совсем не так, как об этом мечтал Либкнехт. После австро-прусской войны 1866 года Бисмарк мог праздновать победу. Но вот парадокс: Либкнехт, переоценивший силу демократического подъема в стране и продолжавший ратовать за демократическое объединение уже тогда, когда из-за успехов Бисмарка это было невозможным, в конечном счете, оказался прав. «И история оправдала Бебеля и Либкнехта, *несмотря* на то, что Германия объединилась по-бисмаркски. Только последовательно-демократическая и революционная тактика Бебеля и Либкнехта, только их «неуступчивость» национализму, только их непримиримость по отношению к объединению Германии и обновлению ее «сверху» помогли заложить прочный фундамент действительно социал-демократической рабочей партии. А дело шло тогда именно о *фундаменте* партии» (Ленин).

Биографию Либкнехта, при всем ее внутреннем драматизме, писать трудно, потому что его жизнь — это история развития социал-демократии Германии. Съезды, речи, конференции, политические споры столетней давности. Кому это интересно сегодня? Но ведь именно тогда закладывались первые камни в основание социалистического будущего страны. В этих давно принадлежащих истории событиях ключ к пониманию многих социальных потрясений XX века. И не только в Германии.

Вильгельм Либкнехт отправляется в агитационную поездку по Саксонии. Агитатор, диалектик, блестящий полемист, он

мастерски владел аудиторией. Его речь, пересыпанная меткими сравнениями и юмором, была понятна и пробуждала энергию: «Кто на кратере вулкана вывесил бы полицейское объявление: «Извержение вулкана воспрещено под страхом наказания», был бы не менее неразумен, чем те, которые хотят втиснуть макрокосм (великий мир) человечества в микрокосм (ничтожный мир) их узкого мозга и каждый протест, каждое сопротивление этому воспрещают «под страхом наказания». Он доказывал устно и печатно, что лассальянцы, подчиняясь правительству, губят самостоятельное рабочее движение.

После создания Северогерманского союза и амнистии Вильгельм поехал к семье в Берлин и немедленно был схвачен. Этот арест был не только незаконным, но и страшным по своим последствиям. Когда Либкнехт вышел из тюрьмы, Эрнестина, не выдержав переживаний, тяжело заболела. Она умерла в мае 1867 года, оставив мужу двух девочек, восьми и двух лет. Когда осенью этого же года Либкнехт, депутат рейхстага, будет издевательски освистан правыми, он произнесет слова, которые даже этих людей заставят замолчать: «Вы очень легко относитесь к этим вопросам. Я возвратился домой и нашел жену при смерти, — она умерла, и на совести тех, кто меня выслали, разрушил мое семейное счастье, лежит смерть спутницы моей жизни! Это лишь один случай. Я один из многих. С сотнями людей, особенно рабочих — ежегодно поступают таким же образом».

Для Либкнехта его депутатство было только способом открыто говорить с народом. Сам же рейхстаг Либкнехт публично назвал «фиговым листком абсолютизма». Будущее страны зависело не от него, а от организации рабочего класса. Борьба за это и была целью и смыслом его жизни.

В сентябре 1868 года на объединенном съезде немецких рабочих союзов в Нюрнберге принята программа, в основе своей стоящая на марксистских принципах I Интернационала. А на следующий год в Эйзенахе прошел объединительный рабочий конгресс. Социал-демократическая партия Германии была создана. И появилась она, как свидетельствовал Энгельс, «благодаря главным образом усилиям Либкнехта и Бебеля».

Летом 1868 года Либкнехт обвенчался с Наталией Ре, доброй и умной женщиной, которая сумела заменить мать его девочкам от первого брака. Она родила Вильгельму пятерых сыновей, один из которых — Карл, станет великим продолжателем отцовского дела.

Франко-прусская война 1870 года, спровоцированная Бисмарком и долженствующая завершить объединение Германии «железом и кровью», началась. Из почти трехсот депутатов рейхстага лишь двое, Либкнехт и Бебель, отказались голосовать за предоставление правительству 120 миллионов талеров на военные расходы. И Либкнехт объяснил почему:

«Ассигнования, которых от нас требуют, предназначены для проведения аннексий... Но аннексия принесет не мир, а войну. Создавая постоянную опасность войны, она укрепит военную диктатуру в Германии... На основании всего этого я, само собой разумеется, против ассигнований и внес вместе с моим другом Бебелем предложения об их отклонении».

Обвиненные в государственной измене они используют любую возможность говорить правду. И чинный лейпцигский суд слушает «безумные», но оказавшиеся пророческими слова Вильгельма Либкнехта о судьбе созданного «железом и кровью» германского государства: «Бисмарковское прусско-германское государство своим происхождением с фатальной неизбежностью обречено на насильственную гибель... Рожденное на поле битвы, дитя государственного переворота, войны и революции сверху, оно будет метаться от одного государственного переворота к другому, от одной войны к другой и либо погибнет на поле битвы, либо падет в результате революции снизу».

В 1875 году лассальянцы и эйзенахцы вошли в единую партию. И хотя Либкнехт, стремившийся к объединению, согласился на Готскую программу-компромисс (за что выслушал суровые слова Маркса), тем не менее германская социал-демократия перестала быть послушной игрушкой в руках Бисмарка. И это не на шутку обеспокоило «железного канцлера». Теперь у него остался один путь — уничтожение социалистов как партии. Необходим был только предлог.

В мае 1878 года авантюрист Хёдель совершил покушение на Вильгельма I. Бисмарк был счастлив не от того, что старик император остался невредим, а потому, что получил возможность телеграфировать в Берлин: «Исключительный закон против социалистов». Тогда речь Либкнехта сыграла решающую роль, чтобы драконовский закон не прошел. Но в июне из окна дома на Унтер-ден-Линден душевнобольной Нобилинг стрелял в императора и ранил его. Что с того, что нет никаких свидетельств принадлежности Нобилинга к социал-демократической партии? Нобилинг умер в тюрьме. Пусть за него отвечают социалисты. Бисмарк добился своего. Сессия рейхстага приняла Исключительный закон против социалистов. Была запрещена вся партийная печать, рабочие союзы, собрания.

Редактор партийной газеты Либкнехт оказался на улице. Ко всему прочему его вместе с Бебелем выслали из Лейпцигского округа. Либкнехт устроился в полуразвалившемся домике в Борсдорфе. Сырость и холод не мешали мышам прекрасно себя чувствовать рядом с людьми. Самая большая проблема — отопление. Денег на уголь у Либкнехта не было, поэтому любая прогулка использовалась для того, чтобы подобрать на дороге что-нибудь для печки.

Надежда Бисмарка на уничтожение партии не сбылась.

Либкнехт неукоснительно следовал своему жизненному правилу: «На каждый выпад врага надо отвечать двумя». Борсдорф стал центром нелегальной партийной работы. Сын Либкнехта Карл, уже будучи взрослым, вспоминал: «Самым, пожалуй, трогательным переживанием моей жизни было следующее. Во время действия закона против социалистов, это могло быть в середине восьмидесятых годов, однажды к моему отцу, проживавшему в изгнании в Борсдорфе, прибыла делегация сельскохозяйственных рабочих из Восточной Пруссии. Они поделились с ним своими бедами и убедительно просили замолвить за них словечко германскому кайзеру, чтобы он улучшил их положение. В высказываниях этих честных и простодушных людей нашла выражение захватывающая, прямо-таки детская вера в социал-демократию, в то, что она действительно может избавить их от всех бед и напастей». Верил в это и сам Вильгельм Либкнехт.

В феврале 1890 года при выборах в рейхстаг гонимая социал-демократическая партия получила около полутора миллионов голосов. Бисмарк был вынужден подать в отставку. Исключительный закон против социалистов не был продлен.

Либкнехт останется «солдатом революции» до последнего своего дня — 7 августа 1900 года. Книги и статьи, им написанные, будут издаваться во многих странах мира. Их названия красноречивы: «Без компромиссов! Об отношении социал-демократии к буржуазным партиям», «В защиту правды», «Знание — сила, сила — знание», «Германия полвека тому назад (К юбилею Мартовской революции)», «Наши цели», «История Коммуны», «Воспоминания о Марксе»... Ленин будет советовать российским рабочим учиться по его сочинениям. Что ж, Вильгельм Либкнехт умел учить и гордился этим.

Его ученик, один из основателей Коммунистической партии Германии, Карл Либкнехт до последнего дыхания будет бороться за социалистическую республику, о которой всю жизнь мечтал его отец.

**«САМЫЙ ДАРОВИТЫЙ
ПАРЛАМЕНТАРИЙ
ЕВРОПЫ»**

В сентябре 1882 года Маркс прочел о смерти Августа Бебеля и в отчаянии написал Энгельсу: «Это ужасно, величайшее несчастье для нашей партии! Он представлял собой исключительное явление в немецком (можно сказать, в «европейском») рабочем классе». Склонялись головы на траурных митингах. Статьи, посвященные его памяти, читались в Лондоне, Нью-Йорке, Париже. В это же время выздоравливающий Август Бебель оказался в положении знаменитых героев Марка Твена, которые выслушали надгробную речь о самих себе. Он действительно был тяжело болен, но преждевременной смертью Бебель был обязан не болезни, а «утке» журналистов. Вот почему со свойственным ему юмором он написал Фридриху Энгельсу: «После того, как я убедился, насколько меня ценят друзья и единомышленники, я обязуюсь принять все меры к тому, чтобы жить и исполнять свой долг... Пока я продлил договор со смертью еще на 40 лет. Я надеюсь, что времени этого будет достаточно не только для того, чтобы пережить крушение старого, но увидеть еще и кусочек нового строя».

Людам, склонным к объяснению будущей деятельности выдающегося человека его родословным древом, «естественной» передачей идей, эстафетой поколений и прочими идиллиями, будет небезынтересно узнать, что среди возможных родственников Августа Бебеля были гуманист Генрих Бебель, прославившийся своей борьбой против католического мракобесия на рубеже XV и XVI веков, и типограф Иоганн Бебель

в Базене, напечатавший в 1518 году знаменитую «Утопию» Томаса Мора. Сообщая читателю эти факты, стоит напомнить, что Ленин, хорошо понимавший многообразие и относительную самостоятельность идеологий, считал, что «социальная идея... порождается известной социальной обстановкой и может действовать на известную социальную среду, а не остается личной причудой...». Тем же, кто склонен пророчествовать на основании предзнаменований, Август Бебель рассказал, что он, родившийся 22 февраля 1840 года в казарме крепости Дейц, около Кёльна, в девять часов вечера (время отбоя), нарушил установленный порядок своим первым криком. Впрочем, это еще не означало его врожденного неприятия государственных установлений.

Августу и двум его младшим братьям, детям прусского унтер-офицера, получавшего ничтожное жалованье, для полного счастья не хватало только еды. Солдаты и офицеры с удовольствием играли с малышами. А во время строевых занятий ребятишки топали по плацу и познавали премудрости шагистики. После свежего воздуха и беготни им не приходилось жаловаться на аппетит. И хотя мать устроила что-то вроде мелочной лавочки для солдат (торговля велась в той же единственной комнате, где жили, ели и спали всей семьей), все равно не хватало ни картошки, ни хлеба и приходилось голодать «во славу бога, короля и отечества». Но и это полуголодное счастье оказалось до обидного коротким. В 1844 году на тридцать пятом году жизни умер отец. Мать и трое детей, не имея никаких сбережений, были спасены братом мужа, который взял на себя заботу о семье и для этого женился на вдове своего брата. Жить стали на новом месте, в исправительном доме Браувейлера, где служил отчим. Это были страшные два года. Бебель вспоминал: «С заключенными в то время обращались жестоко. Не раз бывал я свидетелем того, как молодые и старые люди, приговоренные к длительному заключению, подвергались следующей гнусной процедуре. Заключенный должен был лечь на пол камеры вниз животом. На руки и ноги ему надевали кандалы. Затем левую руку через спину привязывали к правой ноге, а правую руку к левой ноге; но и этого было еще мало: его, кроме того, обворачивали скрученной в виде веревки простыней и, туго затянув, завязывали узел на спине. В таком виде наказанный арестант, связанный точно живой клубок, должен был лежать два часа. Затем оковы с него снимались, но после нескольких часов процедура повторялась снова. Крики и стоны подвергавшихся истязанию разносились по всему зданию и, понятно, производили на нас, детей, ужасное впечатление». К мукам нравственным добавлялись мучения физические. Большой чахоткой, раздражительный отчим из лучших побуждений нещадно лупцевал своих пасынков, не предполагая, что это

не лучший способ обучения добру. Вскоре от болезни умер любимец семьи младший брат. Следом за ним — отчим. Мать и двое детей перебрались в Вецлар, где жила родня.

По какой-то жестокой закономерности, которой Август в те годы не мог понять, все несчастья доставались тем, кому и так было плохо. Истощенная хроническим голодом и безмерной работой мать заболела чахоткой, но продолжала шить солдатские перчатки по 20 пфеннигов за пару. Август как старший взял на себя все заботы о семье. После школы он бежал в ресторан, где до позднего вечера прислуживал при кегельбане. Все хозяйство в доме лежало на нем. Он убирал, чистил, мыл, готовил. Последнее, правда, не требовало особенных хлопот. Несколько лет семья питалась бутербродами. У него тогда было только одно желание: хоть раз досыта наестся хлебом с маслом. Иногда вместе с братом Август помогал одной из своих теток при уборке картофеля. За это мальчики получали большой кусок пирога и мешок клубней. Но и этой жизни пришел конец. В 1853 году умерла мать. Братья были взяты в разные дома родственниками.

Народную школу, которую Август как неимущий посещал бесплатно и где был одним из лучших учеников, он до конца жизни вспоминал с благодарностью. Здесь он познакомился с тайнами логарифмов, грустной мудростью Гете, древней историей и увлекательной географией. Здесь он получил первый политический урок.

В провинциальном Вецларе буржуазная революция проходила сравнительно мирно. Толпы крестьян шли с дубинами, косами и ружьями к княжескому замку, охранявшемуся солдатами местного гарнизона. Но все кончалось пересказами забавных анекдотов о переговорах крестьянских вожаков с изрядно перетрусившим князем. Отсутствие кровавых столкновений вовсе не означало безучастного отношения к происходящему. Большая часть населения называла себя республиканцами, и в словесных баталиях оппозиция правительству была непобедима. Школа, во все времена являющаяся зеркалом происходящих в стране социальных процессов, естественно, не оставалась безучастной. Во время школьного «политического спора» выяснилось, что только два человека в классе (один из них Август Бебель) являются монархистами. «Нас за это изрядно поколотили», — иронически повествовал Бебель как раз тогда, когда его продолжали «колотить» те самые политические противники, которые в годы его детства были столь беспощадно революционны.

В 1854 году Август закончил школу, но никакой радости по этому поводу не испытал. Он с удовольствием продолжал бы учиться и с волнением ожидал предстоящий разговор:

«— Кем ты желаешь стать? — спросил меня мой дядя и опекун.

— Я хотел бы изучать горное дело.

— Разве у тебя есть средства на учение?

Этот вопрос сразу развеял все мои иллюзии».

Четырнадцатилетний ученик токаря работает четырнадцать часов в день. Никогда не евший досыта заморыш после изнурительного рабочего дня находит в себе силы читать. Он проглатывал все, что мог достать: «Робинзон Крузо» сменялся историей Древней Греции и Рима, «Хижина дяди Тома» — книгами по истории Пруссии, Вальтер Скотт — военными романами. Конечно, о социалистическом учении он не только ничего не читал, но и не слышал. Но и это бессистемное самообразование было прервано 1 февраля 1858 года.

По установившейся традиции токарь-подмастерье Август Бебель отправляется странствовать. Своего брата он видит в последний раз, скоро он узнает о его смерти. У любимого Августом Робинзона где-то далеко в Англии были дом и семья, куда он мечтал вернуться. У девятнадцатилетнего странствующего подмастерья не было на свете ничего и никого.

За два года он прошел пешком Южную Германию и Австрию. Было все: относительное благополучие и голод, увлечение политикой и неудовлетворенная жажда учения. Он уже понял, что жизнь устроена далеко не лучшим образом, но еще не подозревает о том, что он, Август Бебель, станет во главе тех, кто поставит своей целью ниспровержение существующего общественного строя. Пока же поиски работы приводят его в Лейпциг.

В 50-е годы Германия — по-прежнему раздробленное, экономически слабое государство. Крестьяне еще мечтают добиться благосостояния трудолюбием и экономией, подмастерья — стать мастерами. Но Лейпциг именно тот город, где промышленность, а значит, и рабочее движение развивались быстрее, чем в других местах. Бебель, не имеющий ни малейшего понятия об организованной борьбе пролетариев, приходит к ее необходимости на собственном опыте. В токарной мастерской, где мастер отвратительно кормил своих пятерых подмастерьев, Бебель уговорил товарищей подать хозяину требования, в случае отклонения которых они бы отказались выйти на работу. Так еще до того, как кто-либо из подмастерьев услышал слово «стачка», она уже была ими успешно проведена.

Творцы нового редко представляют себе, во что превратится их детище. Французский садовник Жозеф Монье изготовил металлический каркас, залил его бетоном и продал немецкой строительной фирме замечательное изобретение — легкую и прочную цветочную кадку. Он не подозревал, что продал не цветочную кадку, а одно из величайших открытий XIX века — железобетон, произведя тем самым революцию в стро-

ительном деле. Когда либералы в Германии организовывали экономические сообщества, просветительные организации, производственные товарищества, они хотели держать рабочее движение в своих руках и использовать эту силу в своих интересах. Они тогда и помыслить не могли о том, что готовят рабочих к восприятию идеи объединения в самостоятельную политическую партию.

19 февраля 1861 года Бебель впервые идет на собрание либералов для учреждения ремесленного просветительного союза. «Рабочая масса в то время стояла на такой ступени развития, на которой она не могла еще ни сознавать свои классовые интересы, ни знать о существовании какого-то социального вопроса», — вспоминал Бебель. Вот почему молодой токарь, простояв 13 часов за станком, с увлечением приходит на лекции и занимается организационной работой, а по ночам сидит над книгами, пытаясь разобраться в происходящем. Он еще верит либералам и считает борьбу Фердинанда Лассалья за всеобщее избирательное право пустым делом, ничего не меняющим в жизни рабочих. Только познакомившись с Либкнехтом, Бебель сумеет посмотреть на известные ему факты другими глазами. Друг Маркса и Энгельса, старший и по опыту и по возрасту, широко образованный, «Либкнехт, — вспоминал Бебель, — должен был оказать на меня большое влияние. Было бы позорно для него, если бы он не сумел использовать свое влияние, а также для меня, если бы я из знакомства с ним ничему не научился». То, что либералы только используют рабочие организации в своих интересах, Бебель понял сам. Он уже проштудировал труды Лассалья («я, как и почти все ставшие в те годы социалистами, пришел к Марксу через Лассалья») и признал, что, несмотря на все ошибки, в главном — необходимости борьбы за самостоятельную рабочую партию Лассаль был прав. Бебель найдет в себе мужество заявить, что он раньше относился к нему «совершенно несправедливо». Либкнехт появился удивительно вовремя. Именно он дал Бебелю «Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих». Через год Август Бебель вступил в Интернационал. Бывший противник социализма стал его апостолом.

Теперь Бебель убежден в том, что будущее Германии — демократическая республика. Добиться ее возможно лишь революционным путем. Он ведет громадную партийную переписку, руководит Союзом немецких рабочих обществ, сотрудничает в рабочем отделе журнала, совершает агитационные поездки, избирается представителем рабочих в рейхстаг Северогерманского союза. Но первый и единственный рабочий в рейхстаге не получает за свою деятельность ни гроша. Бисмарк знал, что делал, когда запретил выплачивать депутатам денежное вознаграждение. Кто сумеет засесть в рейх-

стаге, не имея состояния? Нищие саксонские ткачи не могли содержать своего лидера или оплачивать его расходы во время поездок. А Бебель остро нуждался в деньгах.

В 1866 году он женился на модистке лейпцигского магазина Юлии Отто. Эта женщина умела довольствоваться малым и никогда не жаловалась на лишения. И главное — она понимала необходимость политической деятельности мужа. Ей он посвятит впоследствии свои воспоминания. О ней, любящей, преданной, он напишет: «Всею тем, что я сделал в своей жизни, я обязан прежде всего ее неутомимой заботливости и неизменной готовности помочь мне. А ей пришлось изведать немало тяжелых дней». Август выбывался из сил, стараясь заработать на жизнь. Ему, самостоятельному мастеру, приходилось страдать не только из-за конкурентов. Заказчики-предприниматели не могли простить Бебелю его выступлений в рейхстаге. Какой-то неимущий токарь смеет требовать введения фабричной инспекции, запрещения на фабриках труда детей до 14 лет, десятичасового рабочего дня, свободы профессиональных объединений. Интересно, чем этот красноречивый депутат будет кормить свою дочь, если объявить бойкот его изделиям?

Бывали дни, когда он не отходил от станка по 36 часов (здесь нет ошибки — тридцать шесть часов!). Он едва сводил концы с концами, но, бывало, только окупал стоимость сырья. Что значит эксплуатация труда капиталом, он знал не только из экономических трактатов. Можно было удивляться, откуда у этого болезненного человека берутся силы и энергия.

«Бебель дал новое доказательство своего блестящего ораторского таланта и своей целью природы, — сообщила отнюдь не дружественная социал-демократам газета. — Следует заметить, что молодой токарь, несмотря на то, что он в рейхстаге совершенно изолирован и взгляды его встречают почти единогласное осуждение, успел занять совершенно исключительное положение и завоевал себе у большинства, даже у консерваторов, уважение... Его природные способности и прилежание сделали его вождем хотя и немногочисленной, но небезопасной партии и выдающимся оратором в германском парламенте».

Над ним издевались реакционные листки. Его изображали в бесчисленных карикатурах. Вот одна из них: маленький Бебель в виде Давида с пращей, а рядом с ним неуязвимый в своем величии Бисмарк-Голиаф показывает своему противнику нос. Автор карикатуры, по-видимому, забыл окончание знаменитой библейской легенды. Жизнь подтвердит ее правоту. «Железного канцлера» вынудят подать в отставку. Голиаф будет повержен. А о его противнике советский дипломат, академик И. М. Майский напишет: «Когда на лейпцигском съезде 1909 г. я впервые увидел эту маленькую подвижную фи-

гурку, с легкой юношеской походкой, с благородным овалом вдумчивого лица, шапкой белоснежных волос на голове и яркими, глубокими, смотрящими куда-то вдаль глазами, я невольно подумал: «Так должны выглядеть пророки».

Но до того, как Августа Бебеля признают пророком, он будет судим как «государственный изменник». Вместе с Либкнехтом он великолепно держался на суде. И вместе с ним станет отбывать срок в крепости и тюрьме. Наконец-то Бебель получил время для серьезных занятий. Он штудирует сочинения по политэкономии, истории, философии: Маркса, Энгельса, Лассалля, Стюарта Милля, Томаса Мора, Бокля, Дарвина... Изучает языки, переводит, пишет популярную книгу для рабочих, подбирает материалы для своей будущей работы, которая принесет ему мировую известность. Об этом, пока еще готовящемся сочинении Плеханов впоследствии напишет: «Кто не читал книги Бебеля «Женщина и социализм»? Или, по крайней мере, кто не слышал о ней? Она выдержала в Германии до шестидесяти изданий и была переведена едва ли не на все языки цивилизованного мира». И еще один факт признания, который был бы, безусловно, приятен Бебелю не менее похвал знаменитых марксистов. А. М. Топоров (учитель космонавта Г. С. Титова) вспоминал, как в 20-х годах в алтайской деревне какой-то крестьянин сказал районному представителю: «Хотят верха, чтобы мужик политическую книгу читал, пусть пишут политики, как Бебель про «Женщину и социализм». Невозможно в нескольких строчках дать даже краткий обзор этой богатой мыслями и фактами работы. Бебелю удалось научно доказать, что только социализм принесет освобождение наиболее угнетаемой части человечества — женщинам. И сегодня эта книга читается с захватывающим интересом.

Впервые в жизни у Бебеля появилось время на отдых. Он пытается (правда, безуспешно) выращивать редиску на тюремном дворе, регулярно выходит на прогулки. В тюрьме, несмотря на тоску от разлуки с семьей, волнения, связанные с положением дел в мастерской, Бебелю удалось не только получить серьезные знания, но и поправить здоровье. Начавший процесс в легких прекратился. Все же забавно, что полицейское государство, уподобившись Мефистофелю, явилось «частью силы той, что без числа творит добро, всему желая зла». Впрочем, это не последняя отсидка. В тюрьмах в разное время Август Бебель проведет в совокупности почти пять лет.

После отмены Исключительного закона против социалистов Бебель и Либкнехт становятся вождями социал-демократии. Рабочие говорили о них: «Тем, чем раньше был Иисус Христос, будут Либкнехт и Бебель». В этой фразе, пусть в наивной форме, конечно, выражалась любовь. Но Бебель

никогда не согласился бы с этим. Только не обожествление! Ему, Бебелю, принадлежат эти слова: «Вождь партии становится действительным вождем только благодаря тому, что он делает для партии в меру своих сил и способностей как честный человек... Пока вождь удовлетворяет этой задаче, он остается доверенным лицом партии, но если она замечает, что ее обманывают... и ведут по ложному пути, то она не только имеет право, но и обязана отнять у вождя его руководящую роль и лишить его доверия. Не партия существует для вождя, а вождь для партии. А так как всякое положение, дающее власть, создает возможность злоупотреблять ею, то партия обязана самым строгим образом контролировать действия своих вождей». Бебель знал, о чем говорил. «Вожди рабочих не ангелы, не святые, не герои,— писал Ленин,— а люди, как все. Они делают ошибки. Партия поправляет их. Немецкой рабочей партии случалось поправлять оппортунистические ошибки даже таких великих вождей, как Бебель». Да, в эпоху империализма Бебель, не разобравшись в характере новой стадии капитализма, допустил ряд ошибок в тактических вопросах, но (и Ленин это оговорил особо) «это ошибки человека,— с которым мы идем одним путем и которые исправимы только на этом, марксистском, социал-демократическом пути».

Смысл всей его жизни заключался в борьбе за завоевание политической власти пролетариатом. Этой цели он посвящал все свои силы. Мечтавший, живший социализмом, он спешил. Не он первый и не он последний среди тех, кто, будучи безукоризненно честны, тем не менее выдавали желаемое за действительное. На Эрфуртском съезде он уверенно скажет: «Да, я убежден, что осуществление наших целей так близко, что только немногие из присутствующих в этом зале не доживут до этих дней».

Вот почему с такой страстью он борется против оппортунистов, не принимая ни «левизну» анархизма, ни ревизионизм бывшего марксиста Бернштейна. Исходя из неправильных предпосылок, Бернштейн приходил к неверным выводам и требовал превращения партии из революционной в реформистскую, выдвигая на первый план задачи данного момента. Его лозунг «Движение — все, конечная цель — ничто» был подхвачен всеми врагами марксизма. Даже начальник московской охраны Зубатов включил одну из работ Бернштейна в список книг, рекомендовавшихся для чтения рабочим. Бебель блистательно докажет, что теория Бернштейна не имеет ничего общего с марксизмом. Но идейная непримиримость никогда не мешала Бебелю относиться по-человечески к своим врагам. «Я отношусь настолько терпимо к противнику, что не считаю его негодяем, пока он этого не докажет. Держитесь твердо того, что по нашему историческому пониманию

наши противники должны быть такими, какими они являются...»

Сын прусского унтер-офицера, родившийся в казарме, всю жизнь ненавидел войну. И это ему принадлежат гневные слова о милитаризме: «Этой системе ни одного человека, ни одного гроша!» Бебель был последователен. В одном из первых своих выступлений в рейхстаге он сказал: «Свободолюбивые требования народа будут осуществлены не раньше, чем будет свергнута и уничтожена система милитаризма. Я убежден, что система милитаризма будет ниспровергнута не в парламентских сражениях: сила должна быть устранена силой». В одном из последних своих выступлений Бебель произнес пророческие слова: «И так они будут вооружаться до зубов, и вновь вооружаться, будут вооружаться до того момента, когда та или другая сторона однажды скажет: лучше ужасный конец, чем ужасы без конца... А затем в Европе протрубят большой генеральный марш, и по его сигналу от 16 до 18 миллионов мужчин, цвет мужского населения различных наций, людей, оснащенных самыми совершенными орудиями убийства, двинутся друг против друга, как враги, на поля сражений. Но я глубоко убежден в том, что за большим генеральным маршем последует великий крах... Вам придется его отведать, и вы пожнете то, что вы посеяли. Гибель буржуазного мира приближается».

Это было сказано за три года до начала первой мировой войны и за шесть лет до Великой Октябрьской социалистической революции.

В его жизни было немало горя, но только к старости он понял — только одно несчастье непреходяще: потеря дорогих тебе людей. Он пережил смерть очень многих, которых так любил: отца, матери, братьев, Маркса, Энгельса, Либкнехта. Но под конец жизни судьба нанесла ему еще один удар. В ноябре 1910 года от рака умерла Юлия Бебель, находящаяся с ним рядом сорок пять лет. От этого несчастья ему уже не удалось оправиться. Но и смертельно больной Бебель продолжал работать. Он готовил к печати переписку Маркса и Энгельса, писал воспоминания.

После его смерти в августе 1913 года Ленин писал в газете «Северная Правда»: «Август Бебель, сам рабочий, вырабатал себе ценой упорной борьбы социалистическое мировоззрение, отдал на служение целям социализма все свои богатые силы целиком, без остатка, шел рука об руку в течение десятилетий с растущим и развивающимся немецким пролетариатом и сделался самым даровитым парламентарием Европы, самым талантливым организатором и тактиком, самым влиятельным вождем международной, враждебной реформизму и оппортунизму, социал-демократии».

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ КОММУНЫ

Закономерность происходящего Эмиль Золя объяснил так: «Горсточке авантюристов, укравших трон, нужно было царствование, полное авантур, темных дел, продажных убеждений и продажных женщин, всеобщего дикого пьянства». Это написано о времени правления Наполеона III, вошедшего в историю под названием Второй империи.

Париж перестраивался. Новые широкие проспекты (мало пригодные для возведения баррикад) и роскошные особняки свидетельствовали: старый призыв времен Луи-Филиппа «Обогащайтесь!» успешно проводился в жизнь. Воровство и коррупция нуворишей выставляли себя напоказ. Париж Ругон-Маккаров сверкал бенгальскими огнями и танцевал на карнавалах. Наполеон III в костюме бедуина и императрица Евгения в наряде цыганки могли служить эталоном роскоши и безвкусицы. Париж развлекался. 25 тысяч винных лавок и пивных зазывно распахивали двери.

И все же настоящего веселья не получалось. Не зря правительственные агенты чутко прислушивались к уличным разговорам. Неудачные военные аферы следовали одна за другой. Где только не проливалась кровь французских солдат: в России и Алжире, Китае и Сирии, Индокитае и Мексике. «Было бы нетрудно доказать, — писали Маркс и Энгельс, — что во внутреннем управлении Второй империи находит свое отражение претенциозная посредственность ее системы ведения войны, что и здесь видимость заменила действительность и что «экономические» походы отнюдь не были успешнее похо-

дов военных». Доказать-то, конечно, нетрудно, но где и кому? Печать, находящаяся под жестким контролем, либо искажала события, либо умалчивала о них. Противники режима были убиты, сосланы, ограблены, оклеветаны.

Живописец и график Эжен Делакруа записывал в дневник: «Никто не представляет себе, до какой степени посредственность захватывает все: люди, ворочающие делами в области искусств, в правительстве, в армии, везде, — именно эти люди тормозят машину, пущенную в ход талантливыми людьми». Талантливые люди империи не требовались, ей нужны были верноподданные. Вот почему школа была отдана во власть духовенства, а ханжество получило право быть воинствующим. Картины и книги, вошедшие в золотой фонд общечеловеческой культуры, признавались безразличными. «Эти буржуазные идиоты, — писал поэт Бодлер, — непрестанно твердящие: «аморальный, аморальность в искусстве» и прочие глупости, напоминают мне пятифранковую проститутку Луизу Вильдье, которая однажды, первый раз в жизни, пошла со мной в Лувр и при виде бессмертных статуй и картин начала краснеть, закрывать лицо, на каждом шагу тянула меня за рукав и спрашивала, как можно было публично выставить такую непристойность».

Но главное — пышное здание Второй империи покоилось на шатком основании. Наполеон III, представлявший интересы крупной буржуазии, уже самим фактом своего существования лишал ее политической власти, а значит, подрывал ее экономическое могущество. И это губительное противоречие не в силах были разрешить ни солдаты, ни святоши, ни чиновники.

Из эмиграции крах империи предрекал великий Гюго. Несмотря на полицейский террор, агитация против Наполеона III продолжалась. Свидетельством революционных настроений явилось и повальное увлечение... историей. Характерно: в период социальных потрясений люди больше интересуются своим прошлым. Так было в России незадолго до восстания декабристов (повсеместное чтение «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина). Так было во Франции накануне Парижской коммуны (два издания шеститомной «Истории революции» Жюль Мишле молниеносно раскуплены). Так было... Впрочем, читатель может исследовать эту закономерность самостоятельно.

История учит лучше, чем теория. Именно в это время социалистические учения завоевывают множество умов. Один из них — Вайян, приход которого к социалистам было бы трудно понять, если бы не «необычайность эпохи безумия и позора» Второй империи.

Эдуар Флоримон Мари Вайян (Вальян) родился 29 января 1840 года в городке Виерзане департамента Шер, в зажиточ-

ной семье нотариуса, вскоре перебравшегося с семьей в Париж. Жизненный путь юного Эдуара Вайяна не был тернист. Привилегированный лицей Сент-Барб, увлечение математикой, затем Центральная школа наук и искусств, откуда Эдуар вышел с дипломом инженера, но с неудовлетворенной жадной жаждой знаний. Теперь он серьезно заинтересовался медициной. Лекции в Сорбонне чередуются с работой в химической лаборатории музея естественных наук. Потом четырехлетнее пребывание в Германии и Австрии, где Вайян занимается в университетах Гейдельберга, Тюбингена, Вены. И в итоге — высшее образование, обеспеченная будущность.

Вернувшись на родину в 1870 году, Вайян стал известен не как врач или инженер, а как бланкист, подписавший знаменитую «Красную афишу». Дело в том, что, еще обучаясь в Сент-Барб, он облизился с людьми, тайно агитировавшими против империи. Себя эти люди называли бланкистами, но не потому, что их группа была основана или руководима Бланки, а потому, что хотели действовать так, как он.

Имя Огюста Бланки связано со всеми революциями во Франции в XIX веке. Дважды приговоренный к смерти, он отсидел в тюрьмах в общей сложности 37 лет. Из великих социалистов только Кампанелла мог сравниться с ним сроком заключения. «Вечный узник» Бланки верил, что хорошо организованная группа заговорщиков, действуя отважно и решительно в надлежащий момент, может увлечь за собой народ и победоносно завершить революцию. Суть бланкизма объяснил Ленин: «Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства».

Теория этого социалиста «по чувству» была бы ошибочной даже в том случае, если бы заговор удался. Много позже Вайян поймет, почему Энгельс при всем уважении к Бланки назовет его революционером прошлого поколения. «Из того, — писал Энгельс, — что Бланки представляет себе всякую революцию как переворот, произведенный небольшим революционным меньшинством, само собой вытекает необходимость диктатуры после успеха восстания, диктатуры, вполне понятно, не всего революционного класса, пролетариата, а небольшого числа лиц, которые произвели переворот и которые сами, в свою очередь, уже заранее подчинены диктатуре одного или нескольких лиц».

В 60-е годы прошлого века социалистические теории соперничали между собой. Попробуй-ка разобраться, что прудонизм и бланкизм во Франции, лассальянство в Германии, либеральный тред-юнионизм в Англии, бакунизм в Испании и Италии лишь по-разному отражали иллюзии утопического коммунизма.

Вайян изучает социалистическую литературу, штудирует

политэкономии и философии. Он знакомится с социалистами и вступает в Интернационал, что не мешает ему оставаться правоверным бланкистом. Впрочем, в отличие от большинства последователей «вечного узника» Вайян будет гораздо дальновиднее и опытнее, считая, что прогнивший режим Наполеона III не может быть заменен старой буржуазной республикой, не сумевшей защитить себя от политического проходимца.

Тридцатилетний Вайян не новичок в борьбе. Едва вернувшись в Париж, он сразу же становится одним из главных участников событий конца франко-прусской войны и Парижской коммуны.

19 июля 1870 года спровоцированное Бисмарком правительство Второй империи объявило войну Пруссии. Наполеон III совершил очередную авантюру, которая оказалась для него последней. Почти миллионной немецкой армии противостояло только 300 тысяч человек. Французские войска уступали противнику во всем: артиллерии, подготовке командного состава, боевой выучке, организации материального снабжения. Казнокрадство и злоупотребления, как ржавчина, разъели французскую военную машину. Поражение следовало за поражением, а 2 сентября наступил крах. 84-тысячная армия во главе с Наполеоном III сдалась в плен при Седане. 4 сентября, как только известие о катастрофе достигло Парижа, империя рухнула. Толпа, стоявшая у Бурбонского дворца, ворвалась в кулуары Законодательного корпуса с криками: «Низложение! Да здравствует Франция! Да здравствует Республика!» Один из руководителей восстания, Эдуар Вайян, в этот же день телеграфирует Марксу о революции в Париже.

События развивались стремительно. Буржуазные деятели, провозгласившие себя правительством «национальной обороны», превратились в правительство «национальной измены». Все объяснялось просто. Прусские солдаты были менее страшны почтенным буржуа, чем собственный народ. Вот почему ничего не было сделано не только для наступления, но и для обороны. Осажденный Париж голодал. Собаки, кошки и крысы стали вожаками добычей, конина — деликатесом. Дрова ценились на вес золота. Во имя защиты родины можно вынести любые мучения, но в это время маршал Базен без боя сдал немцам крепость Мец со 170-тысячной армией.

Первый выборный орган революционного Парижа Центральный комитет 20 округов стал готовить восстание. Созданный им секретный Комитет пяти — бланкисты Ферре, Сапиа, Вайян, Тридон и Леверде должны действовать немедленно. Отпечатанные листовки на темно-розовой бумаге («Красные афиши») читались парижанами: «Муниципалитет или Коммуна, каким бы именем ее ни называть, — единственное спасение народа, единственное его средство против смерти...» Правительство Тьера готовило сдачу Парижа немцам и заботи-

лось не о борьбе с захватчиками, а о разоружении рабочих кварталов и национальной гвардии. Это была «странная война», прообраз той, которая произойдет 70 лет спустя, когда Париж будет сдан немецким фашистам без боя.

Но в этот раз не удалось! 18 марта 1871 года стал днем победы Коммуны. Член ЦК национальной гвардии Эдуар Вайян назначен уполномоченным по министерству внутренних дел. Он же — член Исполнительного комитета Коммуны и глава Комиссии просвещения. Как и все коммунары, Вайян работает до изнеможения. Он спит всего два-три часа в сутки. Слишком много надо успеть — ему поручен один из важнейших постов революции. Он помнит, что писал его учитель Бланки: «Армия, магистратура, христианство, политическая организация — простые преграды. Невежество — грозный бастион». Нет ничего страшнее шарлатанов от коммунизма, приспособленцев, хамелеонов, которые могут использовать невежественную массу для своих целей. Вот почему вывод Бланки бесспорен: «Всеобщее просвещение без коммунизма и коммунизм без всеобщего просвещения представляют две равносильные невозможности». Вайян обязан выполнить требование, звучавшее на конгрессах Интернационала: всеобщее, бесплатное, обязательное, светское и всестороннее образование.

Положение было невероятно тяжелым. Духовные наставники и светские учителя, бросив детей и школы, бежали вслед за правительством в Версаль. Не хватало желающих работать преподавателей. Не существовало ни готовых программ, ни разработанной методики, соответствующих новому времени.

Эдуар Вайян — широко образованный человек и поэтому не пытается изображать всезнающего чиновника. Он обращается ко всем гражданам, изучившим вопросы образования, с предложением немедленно принять участие в проведении школьной реформы. Поощряемое революционной властью творчество рядовых граждан приносило успех. Появляются невиданные доселе Сиротские дома Коммуны. Вайян изучает отчет одного из них: «Когда монахини, содержавшие школу, бежали, мы завладели помещением, которое они занимали, и немедленно приспособили его к новому назначению. Позавчера мы перевели туда 47 мальчиков и девочек. Здесь они будут окружены лаской и заботами; здесь они получат здоровое моральное воспитание и «свободное образование». Учить их будут приходящие преподаватели, независимые от учреждения, ибо, — вы согласитесь с нами, — педагогическая работа несовместима с несением административных обязанностей по приюту. Загружать преподавателей вопросами питания и ухода за детьми — значит принижать высокое звание педагога».

А вот проект еще одного нововведения. В детский сад,

находящийся при школе, будут принимать трехлетних детей. К пяти годам они уже научатся читать, писать и считать. Причем все занятия будут проходить публично, и родители, по желанию, смогут на них присутствовать. Гимнастика, музыка, рисование станут обязательными предметами.

Вдумайтесь, читатель! Все это говорилось и делалось более ста лет тому назад в Париже, задыхавшемся от голода и крови, и мы с вами знаем (не можем забыть!), что всем этим мечтам и проектам жить всего лишь 72 дня. Но история оптимистична именно потому, что великие идеи не умирают во времени.

Вайян объявляет об открытии «первой профессиональной школы». Приглашаются дети от 12 лет, желающие научиться какому-нибудь ремеслу, и рабочие разных специальностей для организации мастерских. Наряду с ремеслом дети будут изучать математику, естествознание, историю, языки.

Из разных частей Парижа в Комиссию просвещения продолжают поступать сообщения: в IX округе сделано бесплатное оспопрививание детям; в XVII округе школа для мальчиков преобразована в светскую и приступила к работе; в VIII округе создается специальный «корпус гимнастов», обучающий гимнастике «гражданской и военной». Уже готов декрет, вдвое увеличивающий зарплату учителям. Но где же взять деньги? Деньги для защитников Парижа, для голодающих, больных, детей.

Из учебника истории, из любой монографии, посвященной Парижской коммуне, читатель может узнать о многих «ошибках» коммунаров: не разбили в Версале армию Тьера и позволили ему собраться с силами; не захватили Французский банк, в котором находилось три миллиарда франков; поздно приступили к арестам контрреволюционеров и не сразу закрыли реакционные газеты. И главное — отсутствие революционной партии обрекало коммунаров на поражение. Все это, конечно, верно. Но одну причину (и очень важную) обычно не принимают в расчет. Несколько строчек из писем Маркса: «По-видимому, парижане будут побеждены. Это их вина, но вина, которая на деле произошла от чрезмерной *честности*». «Если они окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их «великодушие». «Момент (нападения на Версаль.— А. Ш.) был упущен из-за совестливости».

Какая горькая правда. Ведь коммунары действительно были «виновны» в честности, совестливости, великодушии. Множество их ошибок объясняется именно этим. Конечно, можно утешиться тем, что ошибки Коммуны станут историческим опытом будущих пролетарских революций, но, наверное, не менее важно то, что сами личности коммунаров даже десятилетия спустя продолжали воспитывать честность, совестливость, великодушие.

Коммуна продолжала бороться. В газете «Клич народа» поэт Клеман писал: «Нам мало дела до того, исполняются декреты Коммуны или нет. Пусть нас убьют, если угодно, пусть изорвут наши афиши и замажут известью стены, — принципы, которые возведены в декретах, останутся. Что бы там ни говорили и ни делали, но это памятники, которых версальцам не уничтожить ни пером, ни картечью». С первой частью этого утверждения Вайян не может согласиться. Член Исполнительного комитета, он обязан добиться выполнения всех решений Коммуны. Протоколист записывает его выступление: «Коммуна вверила мне ведомство, в котором у меня часто возникают конфликты с некоторыми муниципалитетами, тогда как с другими дело обстоит как нельзя лучше. Преподавание идет далеко не так, как следовало бы. Сегодня я хочу обратить ваше внимание на иезуитов. Они вмешиваются повсюду и всеми средствами. Муниципалитеты, известные своим рвением, покончили с ними в два дня; в других же они все еще не изгнаны. Было бы крайне важно, чтобы, спустя два месяца после революции 18 марта, эти люди не попадались больше на глаза в наших школах». И Вайян добился того, что через 48 часов «черные клубуки» были изолированы от детей.

За короткий срок Вайян сумел доказать свою компетентность в деле просвещения. Но разве театр не великое средство просвещения народа? Однако предложение Вайяна о контроле Коммуны над театрами вызвало полемику.

Изучая сегодня бесстрастные протоколы Коммуны, можно только представлять себе все то, что не отмечено пером протоколита: красные шарфы делегатов на потрепанной запыленной одежде, яростную жестикуляцию спорщиков, воспаленные от хронического недосыпания глаза, отчаяние от невозможности примирить полярные точки зрения и мужество подчинения своей воли большинству (когда справедливость твоих слов кажется столь явной!) во имя торжества социальной справедливости и победы над врагом. Все это за строкой протокола. Здесь — только мысли.

Феликс Пиа (литератор): «Я не допускаю вмешательства государства ни в область театра, ни в область литературы. В государстве, находящемся в младенческом состоянии, театры нуждаются в покровительстве какого-нибудь Ришелье, какого-нибудь Мецената, но в свободной стране, провозглашающей свободу личности, свободу мысли, ставить театры под опеку государства значит действовать не по-республикански. Не должно быть государственной литературы, государственной науки, как не должно быть государственной религии».

Эдуар Вайян: «Я полагаю, что гражданин Пиа не понял смысла моего предложения. Первая республика понимала свободу театров не так, как сейчас понимаем ее мы. Она

управляла ими несколько по-диктаторски. Так, например, она предписывала им играть такую-то пьесу три раза в неделю. Но заметьте, когда действуют согласно справедливости, всегда действуют во имя свободы. А когда государство носит название Коммуны, оно должно вмешиваться часто и вмешиваться во имя справедливости и свободы. В искусстве эксплуатации, быть может, еще более ужасна, чем в мастерских, и весь персонал театров эксплуатируется сверху донизу. Танцовщица вынуждена продаваться, чтобы существовать. Одним словом, это грабеж от начала до конца. Необходимо внедрить в театрах режим равенства, режим ассоциации».

Коммуна признала правоту Вайяна. Театры были переданы в ведение Комиссии просвещения.

Как был бы удивлен Тьер, узнай он, о чем спорили коммунары. Театр? Школы? Нет, эти люди не политики. Поучились бы у него, Тьера, как надо завоевывать власть. То, что немецкое командование позволило довести численность версальской армии до 130 тысяч штыков, это полдела. Необходимо было убедить французских военнопленных, что в Париже хозяйничают уголовники и иностранцы. Нужно было покраснее расписать зверства коммунаров. Прокурор Коммуны Рауль Риго любит хлесткую фразу. Это замечательно! Пусть в Версале узнают о том, как он допрашивал иезуита отца Дюкурдэ:

- Ваша профессия?
- Служитель божий.
- Где живет ваш хозяин?
- Везде.

— Запишите, — диктует Риго секретарю, — Дюкурдэ, слуга некоего бога, занимающегося бродяжничеством.

Председатель кассационной палаты Бонжан заявляет о незаконности его ареста, на что следует ответ Риго: «Мы занимаемся не законностью, мы занимаемся революцией». Ну, что, запоминающиеся факты? В то время, как он, Тьер, расстреливает коммунаров и добивает раненых, коммунары объявляют декрет о заложниках и торжественно клянутся ответить на смерть каждого казненного коммунара смертью трех заложников. Тьер убивает и кричит на весь мир, что не делает этого. Коммунары же отпускают большинство заложников на все четыре стороны без всякого шума, но на весь мир кричат о возмездии. Им, видите ли, порядочность мешает расстреливать безоружных. Но ничего, Тьер заставит их создать вокруг нужных ему людей ореол мучеников. В числе заложников архиепископ Парижа Жорж Дарбуа. Рауль Риго согласен обменять архиепископа (да что там архиепископа, всех заложников!) на арестованного Бланки. Когда-то еще станет известно, что сам архиепископ написал Тьеру письмо, умоляя его согласиться на обмен. А пока Тьер

произносит «историческую» фразу: «Обмен невозможен, так как возвращение Бланки в лагерь восставших было бы равносильно посылке им на помощь силы, равной армейскому корпусу!» Бланки, конечно же, опасен, но суть не в нем. Он, Тьер, вынудит коммунаров расстрелять заложников, а потом их же и объявит жаждущими крови зверьми, которых необходимо уничтожить. Пусть потом историки сопоставляют число жертв: 84 человека, расстрелянных коммунарами, и 30 тысяч человек, расстрелянных версальцами. Дело-то будет уже сделано.

Оклеветанная, оторванная от провинций страны, окруженная двадцатикратно превосходящими силами противника, Коммуна умирала под залпами версальских карателей. Вайян делает последнюю попытку спасти защитников Парижа ценою жизни руководителей Коммуны. Он предлагает послать к версальцам парламентаря. Оставшиеся в живых члены Коммуны сдадутся на милость победителя (читай: на расстрел) с единственным условием — прекратить бойню и гарантировать свободу защитникам Парижа. С ним не соглашались, считая, что современники и потомки оценят величие Коммуны, погибшей в бою, но не пожелавшей капитулировать перед врагом.

Вайян среди тех немногих, которые сложили оружие только тогда, когда дальнейшее сопротивление было невозможным. Лишь тогда он подумал о личной безопасности. Верные люди прячут его, пока не удастся достать паспорт, с которым Вайян перейдет испанскую границу, а затем отправится в Португалию и Англию.

На родине Вайян будет приговорен заочно к смертной казни, что не помешает ему не только дожить до почтенного возраста — 75 лет и вернуться на родину в 1880 году после амнистии, но и стать одним из лидеров Социалистической партии Франции. Впереди полемика с бакунистами в Интернационале, руководство Центральным революционным комитетом бланкистов, успешная борьба за новый проект рабочего законодательства в парижском муниципалитете, выступление против оппортуниста Мильерана и членство в палате депутатов. И все же звездный час Вайяна — это его работа в Коммуне. Именно ей Вайян обязан восторженному отношению к нему рабочих многих стран мира (русские большевики приглашали его на свой митинг, посвященный празднованию 1 Мая). И не случайно в 1913 году социалисты выдвинули своим кандидатом в президенты Французской республики Эдуара Вайяна. Значение выдвижения Вайяна объяснил В. И. Ленин: «Голосование за Вальяна было демонстрацией в честь Коммуны. Вальян — живая память о ней. Достаточно хоть раз видеть, как встречают парижские рабочие появление на трибуне седого, как лунь, Вальяна, чтобы понять это».

Жан Жорес
1859—1914

Трибун

Проблемы конца XIX — начала XX века кажутся сегодня безвозвратно ушедшими. Космос и возможность нападения из него занимали воображение только любителей фантастических романов Герберта Уэллса. Трамвай никак не мог окончательно вытеснить конку, а самолет братьев Райт, продержавшийся в воздухе 59 секунд, казался чудом технической мысли. Кинематограф — редкий и забавный аттракцион, а двигатель внутреннего сгорания еще не успели установить в танке. Последняя, франко-прусская война закончилась в 1871 году, и Европа благоденствовала в мире уже более сорока лет. Однако это не мешало обучать солдат и испытывать оружие во всех частях света. Теперь такие войны называют региональными, тогда — малыми. Главы государств уверяли друг друга в своем искреннем стремлении к миру и все больше втягивались в начатую Германией гонку вооружений, памятуя завет древних римлян: «Хочешь мира — готовься к войне». О том, что эта поговорка неверна и готовящийся к войне получает именно войну, выросшие без войны поколения еще не догадывались. Десять миллионов убитых, двадцать миллионов изувеченных, десятки миллионов изломанных человеческих судеб, демонстрации требующих увеличения нищенских пенсий калек под Триумфальной аркой в Париже, вдоль Унтер-ден-Линден в Берлине, на Трафальгарской площади в Лондоне — еще впереди. А пока мир мог бы наслаждаться жизнью, если бы не они — возмутители спокойствия, социалисты. Они везде — в России, Германии, Англии. И в каждой стране есть особо не-

навистные имена. Во Франции такое имя — Жан Жорес — было известно всем.

Среди родственников Жана Жореса, родившегося 3 сентября 1859 года в южном городке Франции Кастре, числились два адмирала, епископ, фабрикант, мэр города. Это не помешало родителям Жана, добропорядочным и неглупым буржуа, вести более чем скромную жизнь на собственной ферме Федиаль, в общем-то ничем не отличающуюся от жизни крестьян среднего достатка. Отцу Жана Жюлю Жоресу не везло в коммерции. Человек нерешительный и мягкий, он вскоре тяжело заболел и не смог кормить семью. Дом и двое детей обеспечиваются стараниями матери. Жан и его младший брат Луи живут и работают, как и все крестьянские дети: косят, вяжут снопы, плескаются в ручье и чернеют под обжигающим солнцем Юга. Впрочем, отличие есть. Немногие из крестьянских ребятишек имеют возможность учиться. Каждый день братья идут за четыре километра в Кастр, в пансион аббата Сежала — самое бедное учебное заведение департамента. Блестящие успехи и денежная помощь богатой родни обеспечивают братьям места в коллеже. Жан изучает латинский, греческий, французский, немецкий языки, историю, географию, риторику, философию, религию и естественные науки. И по всем предметам он первый. Неуклюжий толстяк в немислимого вида латаных штанах, в перевязанных веревочками туфлях покори́л преподавателей и друзей редким добродушием, феноменальной памятью и красноречием. Чего он добивался в жизни, кроме школьных наград? Мать уверяла, что он создан для должности почтмейстера. Жан не возражал. Ему действительно все равно, лишь бы учиться.

Удача пришла к Жану в образе инспектора министерства просвещения Феликса Дельтура. Замечаете закономерность? Всем замечательным людям непременно подворачивается случай, который дает им возможность проявить себя. Впрочем, удача приходит ко всем, но воспользоваться ею чаще всего может только тот, кто ее заслужил. Дельтур поднял случайно выпавший из книги листок с латинским текстом:

— Кто это написал?

— Ученик Жорес.

Улыбающийся инспектор разглядывает перепачканного чернилами мальчика:

— У вас, мой друг, наверное, есть планы на будущее, поскольку вы так хорошо пишете на языке Цицерона?

— Когда я получу степень бакалавра, я буду сдавать экзаме́н, чтобы занять должность почтмейстера.

Пораженный Дельтур навел справки. Ему довелось видеть много талантливых детей, но с учеником, обладающим такими выдающимися способностями, он встретился впервые. Нет, расточительства талантов он не допустит:

— После коллежа вы поедете в Париж и поступите в Эколь Нормаль.

— Но у моих родителей нет денег.

— Я помогу вам получить стипендию.

Так убежденный монархист, консерватор и католик стал добрым гением будущего республиканца, социалиста и безбожника.

Среди 72 учеников привилегированного парижского лицея Сент-Барб, готовящего для поступления в Эколь Нормаль — учебное заведение, где могли учиться только наиболее одаренные дети «лучших» семей Франции, Жан Жорес опять первый.

Нелепого вида провинциал был встречен в Эколь Нормаль воплями и хохотом студентов. Редко представляется возможность так позабавиться. Лес рук возносит Жана на высокую печь:

— О чем ты думаешь на этом троне? Ах, ты не умеешь думать? Говори или никогда не уйдешь отсюда!

Жорес заговорил. Двадцать минут самоуверенные шалопаи, таланты, аристократы стояли в мертвой тишине и слушали поразительную импровизацию. Он был принят в студенческую корпорацию как равный, и никто больше не смеялся, глядя на его костюм. Дни потекли спокойно и счастливо. Никакой отупляющей зубрежки. Профессора старались пробудить интерес к предмету, прихотить к систематическому чтению и дать полную самостоятельность в учебе. При сочетании таланта преподавателя и таланта ученика такой метод всегда себя оправдывал.

Другие предпочитали амуры и ложу в театре. Любимое развлечение Жореса — слушать речи знаменитых ораторов: Гамбетты, Ферри, Клемансо. Пока еще его волнует, не что говорят эти люди, а как они говорят. Разобраться в пестрой политической жизни Третьей республики было непросто. После позорного поражения в войне с Германией в 1871 году о восстановлении монархии нечего было и думать. Правительство возглавил палач Парижской коммуны Адольф Тьер. Его сменил ярый монархист маршал Мак-Магон, живой символ всего реакционного и отжившего. Когда ему показали паровую машину, сообщив, что ее мощность двести лошадиных сил, этот, по выражению Ф. Энгельса, «величайший осел Франции» потребовал проводить его на конюшню, чтобы убедиться в этом лично. Совершить монархический переворот маршалу не удалось, к власти пришли буржуазные республиканцы. За красивыми словами о республиканских идеалах и прогрессе цивилизации — жажда обогащения, коррупция, мелкое честолюбие. Ни о чем этом Жорес пока не догадывается. Для него республика — это продолжение замечательных традиций Великой французской революции. Поэтому он убежденный республиканец.

В 1881 году выпускник Эколь Нормаль Жан Жорес становится преподавателем философии лицея в Альби, недалеко от родного Кастра. Он тщательно готовится к лекциям, но у него нет нужды даже заглядывать в конспект. О самых скучных материях Жорес умеет говорить занимательно. Он не строгий ментор, а товарищ. Ученики его боготворят. Он пишет диссертацию, он влюблен, и ему отвечают взаимностью. Нет, его жизнь далеко не безоблачна. Любимая выйдет замуж за другого (ее родителей не устроят материальные возможности молодого философа). Он тяжело переживает смерть отца. Но ораторский талант Жореса замечен. Ему предлагают место в Тулузском университете. Его кандидатуру выдвигают от республиканцев на выборы в парламент.

Жорес выступает перед избирателями. Позднее русский поэт Андрей Белый, с восхищением слушавший его речи, записывает: «Пракситель мог бы извать эту голову: в ней — что-то Зевсово». Энциклопедизм знаний, глубина мысли, бешеный темперамент и почти колдовское умение моментально находить самые яркие, точные слова подчиняли публику. В те времена микрофонов не было. Мощный голос Жореса перекрывал шум толпы: «Я не стану частью какой-либо группы. Я считаю себя сыном народа и буду голосовать за все реформы, которые улучшат участь тех, кто страдает».

Республиканцы в восторге. С какой подкупающей искренностью Жорес говорит о необходимости признания профсоюзов, об улучшении положения рабочих. То, что для них, прожженных политиканов, только маневр в предвыборной борьбе, для Жореса бесспорная истина. Подавляющим большинством Жорес побеждает противников. Теперь он депутат, один из 584 избранных нации. Кого же он поддерживает? Лидер республиканцев Жюль Ферри ничего не делает, чтобы объединить силы и покончить с опасностью реставрации монархии. Лидер радикалов Жорж Клемансо пугает революционными фразами, но по сути разделяет политику Ферри. Социалисты? Вот на трибуне один из них, бывший рудокоп Бали. Он развернул листки, собираясь читать подготовленную речь. Презрительные выкрики правых, и полный достоинства ответ:

— Да, я читаю. Но вы, если бы вы, как я, проработали восемнадцать лет в шахте, вы не смогли бы даже читать!

Что ж, он прав. Но что он говорит? Доведенные до отчаяния шахтеры пришли к администратору. Тот отказался даже разговаривать, и тогда его выбросили в окно. Разъяренная толпа докончила дело. Бали продолжает:

— Вы утверждаете, что рабочие не имели права сами вершить суд. Это верно при условии, что существует подлинное правосудие. Но разве господин министр юстиции собирается преследовать лихоимство? Ах, нет? Ну тогда надо было предоставить все народному правосудию.

С этим Жорес согласиться не может. Издевательства над шахтерами омерзительны. То, что делают с ними — преступление. Но варварское убийство человека не должно оставаться без наказания. Нельзя так защищать свои права.

От мечтателей Великой французской революции, от философов-просветителей XVIII века Жорес унаследовал веру в великую силу разума. Превыше всего гуманизм. Высшая ценность — человеческая личность. Нет, социалистов он тоже принять не может.

Если Гегель прав, то самая серьезная потребность есть потребность познания истины. Теперь Жорес ищет истину не только в философских трактатах, а в жизни. Его первые речи: о правах местных властей в области начального образования и против введения таможенных пошлин на импортный хлеб — встречаются монархистами криком, а республиканцами холодным молчанием. Что-то подозрительно близко его мнение к позиции социалистов. Его юмор жесток: «Крупный капитал напоминает мне тех кормилиц, которые забирают себе лучшие куски, говоря, что это для малютки». Его резолюции отвергаются, но он становится все более популярным. Это уже не наивный новичок. Взятничество, протекционизм высших должностных лиц государства Жоресу теперь прекрасно известны. Депутат Вильсон, зять президента, уличен в продаже наград республики, которые сам он называл «жестянками». Сто тысяч золотых франков — и ленточка ордена Почетного легиона украсит грудь жаждущего. Любой прохвост имеет шанс пробраться к власти, если играет на патриотизме и обещает выгоду. Жорес убеждается, что зло не в республиканской форме правления, а в системе капиталистической собственности. Негодная система порождает негодную власть. Некоторые из социалистов уже уверены, что приход к ним Жореса всего лишь дело времени.

Женитьба Жореса на Луизе Буа, дочери коммерсанта, не приносит ему счастья. Всю жизнь эта столь же красивая, как и равнодушная дама будет со скукой выслушивать все, что ей будут рассказывать о деятельности мужа. И только один раз она проявит к нему интерес вопросом: «Когда же ты станешь министром?»

После поражения на очередных выборах (буржуазные республиканцы его не поддержали, а к социалистам он еще не пришел) Жорес вновь возвращается к преподавательской работе. Он успешно защищает две диссертации. Молодой профессор философии читает лекции и изучает социалистическую литературу: Бакунина, Прудона, Лассалья, лидеров французских социалистов Лафарга и Геда. Штудирует он и «Капитал» Маркса. Теория сочетается с практикой. В 1890 году его избрали в муниципалитет и назначили заместителем мэра Тулузы. Он уже знает, как одетые в лохмотья дети рабочих выхватывают

друг у друга найденные огрызки хлеба. Знает он и о бесцельных неорганизованных бунтах доведенных до отчаяния людей. Жизнь этих людей должна быть изменена. Критика капитализма Марксом обоснованна и глубока. У каждого из социалистов Жорес находит интересные мысли. Но он не может принять полностью ничью точку зрения.

Мера самостоятельности мышления всегда определяет меру независимости. Жорес приходит к убеждению, что только социализм может обеспечить будущее человечества. Но новое общество станет явью не в результате классовой борьбы, а как итог развития республиканской демократии. Вот почему он убеждал радикалов: «Не воображайте, что социальные проблемы можно разрешить, используя формулы французской революции. С 1789 года возникли новые вопросы, которые надо решать на почве единства и солидарности — в этом путь к социализму. Вот почему я призываю радикалов идти к социалистам, объединиться с ними в парламенте и сформировать великую партию социалистического действия, способную успешно провести все реформы». С 1893 года Жорес — депутат рабочих-горняков Кармо и будет защищать в парламенте их интересы.

1888 год. Такого скандала Франция еще не знала. Общество для прорытия Панамского канала обанкротилось, и тысячи мелких акционеров разорились. Вроде бы обычная история. Но вскоре стало известно, что из 1400 миллионов, собранных компаниями, на строительство ушло менее половины этих денег. Где же остальные? Накануне новых выборов за расследование взялись монархисты. Оказалось, что разрешение на выпуск акций было получено, благодаря подкупу крупнейших государственных деятелей, почти всех редакций буржуазных газет. На это и были потрачены миллионы. Когда начались судебные процессы, то почти все высокопоставленные жулики были оправданы и только один министр получил пять лет тюрьмы, так как откровенно признался в получении взятки. Монархисты радостно потирали руки. Но радовались они зря. В своей речи Жорес все поставил на место:

— Я обращаю внимание на незаконное и растлевающее влияние власти денег, той власти, уничтожение которой является смыслом нашего существования, существования республиканцев и социалистов.

Там, где выступал Жорес, всегда собиралась толпа. Он начинал с доводов, которые не мог не принять любой буржуа, доказывал прогрессивность буржуазии, ее историческую миссию. Но вскоре, следуя за безукоризненно логичными построениями Жореса, слушатели начинали понимать, что их вынудили вплотную подойти к социалистическим выводам. И вот уже убежденные противники социалистов стыдливо опускают глаза: как же это они так опростоволосились?

Не надо обладать большой смелостью, чтобы выступать против пороков вообще. Это с успехом делали даже церковные проповедники. Но чтобы обличать зло по именам и должностям, требовалось мужество. Он уже свалил кабинет премьер-министра Шарля Дюпюи. Следующий — президент республики Казимир Перье. Он, Жорес, не допустит, чтобы Францию превращали в страну, где преследуют за правду и властвует мешок с золотом. Он выступает адвокатом человека, не побоявшегося сказать правду о президенте. В отточенной речи Жорес дает портрет Перье, грязного ростовщика, грабившего казну и рабочих:

— Признаюсь, я предпочел бы для нашей страны дома распутства, в которых агонизировала монархия старого режима, подозрительному дому банкиров и ростовщиков, в котором агонизирует честь буржуазной республики.

— Господин Жорес, — перебивает председатель, — ваши последние сравнения переходят всякие границы. Вы сравниваете дом президента республики с домом терпимости.

— Я его не сравниваю, я его ставлю ниже, — во всю мощь своего голоса парирует Жорес.

Социалисты отпечатали это выступление отдельной брошюрой. Имя Жореса становится самым ненавистным для крупной буржуазии. Ф. Энгельс пишет о нем: «Жорес стоит на верном пути. Он *учится* марксизму, и не следует его слишком торопить. И он уже сделал довольно большие успехи, гораздо большие, чем я мог ожидать». Жорес никогда не станет последовательным марксистом. До конца жизни он будет верить в возможность преобразовать буржуазное государство путем компромиссов с буржуазией. Но разве вынужденный уход в отставку «президента реакции» Казимира Перье не сыграл свою роль в демократизации республики? Могучий ораторский талант Жореса становится общественной силой. Ромен Роллан вспоминал: «Большой, сильный, с внешностью и манерами простолюдина, бородатый и краснощекий, с крупными, мясистыми чертами лица, небрежно одетый, излучая радость жизни и борьбы, он поднимался тяжелым быстрым шагом по ступенькам трибуны. Он выступал без всяких записей, и никакие реплики с мест не могли нарушить ход его мыслей. Как раз наоборот: любая реплика только стимулировала его мысль, подстегивала и вдохновляла его. Слова били ключом, пламенные, неожиданные, и вдалбливали его мысли даже в самые враждебно настроенные умы. Быстро парируя удар противника, он играл с ним, как большой кот с мышью: ласкал его, заставлял под хохот аудитории прыгать то вправо, то влево и под конец резким, тяжелым ударом лапы укладывал его наповал».

В 1894 году по обвинению в шпионаже в пользу Германии был осужден на вечную каторгу офицер генерального штаба,

еврей по национальности, Альфред Дрейфус. Это было грубо сфабрикованное дело. Реакционеры использовали осуждение невинного человека для раздувания шовинизма и, в конечном счете, для издания законов против республиканцев и социалистов. В ответ на строгую логику защитительной речи Жореса министр Луи Барту публично обвинил его во лжи. Всю жизнь Жорес считал дуэль диким обычаем. Но он не может позволить своим противникам обвинить его, социалиста, в трусости. И Жорес посылает к Барту своих секундантов. В этом поступке не было проявления оскорбленного самолюбия или замаскированной попытки самоубийства, как у Лассаля. Просто по законам общества, в котором Жорес жил, необходимо было продолжить борьбу не словом, а оружием. Дуэль не кончилась кровью. Оба противника промахнулись. Жорес доказал, что обладает хладнокровием и смелостью, но вспоминать об этом не любил. На вопрос писателя Жюль Ренара, дрался ли Жорес когда-нибудь на дуэли, он уклончиво пробормотал: «Да как сказать». За оправдание Дрейфуса выступила вся прогрессивная Франция. Звучали голоса Эмиля Золя, Анатоля Франса... Нет, не Жорес сыграл главную роль в освобождении Дрейфуса, но Жорес, всю жизнь ненавидевший насилие и несправедливость, сказал свое слово, и его услышали. Борьба в защиту Дрейфуса, открытое выступление Жореса против клерикально-шовинистической реакции стоили ему депутатского места.

Когда хотят привести пример беспринципности, предательства интересов рабочего класса, называют имя социалиста Мильерана. Этот человек, мечтавший о министерском портфеле, примкнул к социалистам по тактическим соображениям. После панамской аферы и дела Дрейфуса социалисты приобретают все большее влияние, а значит, их можно выгодно использовать. Мильеран знакомится с Жоресом. Спокойные, умные беседы, уверения в дружбе и единстве целей, Мильеран входит в доверие и к «аристократу буржуазии» Вальдеку-Руссо. Мильеран не понимает, почему умные люди боятся социалистов. Они всегда готовы поддержать правительство республиканских реформ. И Вальдек-Руссо приходит к мудрой мысли соединить в своем кабинете правых и левых, чем нейтрализовать и тех и других в интересах буржуазии. От правых — палач Коммуны генерал Галифе (вскоре, получив портфель военного министра, он будет, нагло улыбаясь, стоять перед разгневанными левыми депутатами и на выкрики: «Убийца!», спокойно ответит: «Убийца? Я здесь»). От социалистов — Мильеран. Как может социалист быть рядом с Галифе? Нужно идти на компромисс. Иначе кто сумеет усмирить армию? Республика может погибнуть, и тогда... Жорес уже понял, что представляет собой Мильеран. Социалист не должен входить в буржуазное правительство. Но уж лучше так, чем гибель

республики. И Жорес, мучаясь и негодуя, все-таки поддерживает Мильерана. Сколько людей будут впоследствии называть Жореса, увы, не без основания, оппортунистом.

Так легко с высоты сегодняшних дней, уже зная, как развивались события многие десятилетия спустя после смерти этого человека, констатировать, что Жорес чего-то не понял, был наивен, непоследователен. Как будто мы сердимся, что перед нами не простой и правильный хрестоматийный лик, а живой, сложный и противоречивый человек, вошедший в историю социализма не только вопреки своим ошибкам, но и благодаря им. Несмотря на все свои противоречия, он был честен и никогда не изменял своим убеждениям. Это прекрасно понимал Ленин: «Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм, тот должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия. Субъективно, Жорес хотел спасти республику, вступая для этого в союз с буржуазной демократией. Объективные условия этого «опыта» состояли в том, что республика во Франции была уже фактом и никакой серьезной опасности ей не грозило».

Жорес работает над многотомной «Социалистической историей французской революции». В. И. Ленин отнесет этот труд к числу «полезнейших сочинений». Бывают случаи, — считает Жорес, — когда революционное насилие неизбежно, но его можно применить лишь тогда, когда исчерпаны иные, более гуманные формы борьбы. Жорес изучает уроки революции, чтобы со знанием дела использовать их в современной политической деятельности. Это не просто талантливо написанный исторический труд. Пять тысяч его страниц еще и страстная публицистика. Жорес не академический констататор фактов — трибун. Он сам ощущает себя участником революции вековой давности. «А если бы, например, социалист или коммунист потребовал слова от имени наемных рабочих и сказал бы...», и Жорес произносит свою беспощадную речь. Он не зря назвал свою историю социалистической. Он не пытается быть «объективным». Жорес пристрастен и заявляет об этом даже названием, что не помешает крупнейшим буржуазным историкам отметить высочайшее качество его труда. И эту работу Жорес пишет, ни на день не отходя от активной политической деятельности.

Он убеждает в необходимости объединения всех социалистических группировок во Французскую социалистическую партию. Он создает газету «Юманите» («Человечество») — ту самую газету, которая с 1920 года станет органом французских коммунистов и где на первой странице будут стоять слова: «Основатель Жан Жорес». На страницах газеты Жорес пишет о российской революции 1905 года: «Освобождение русского народа безусловно поставит русский пролетариат в авангарде европейского пролетариата». Когда царское правительство нуждалось во французском займе, в редакцию «Юма-

ните» пришел человек, выполнявший поручение русского посольства в Париже. Он знал о материальных трудностях газеты, поэтому был предельно краток:

— Дело вот в чем: если вам нравится, вы можете каждый день называть царя убийцей, ругать его бюрократию и его министров, но в интересах вашей газеты вы будете избегать всего, что касается финансов. Вы получите двести тысяч франков.

— Я предпочитаю увидеть, как моя газета исчезнет, чем согласиться на это.

— Послушайте, вам все равно не удастся помешать русским получить деньги. Но тогда ничто не спасет вашу газету.

Жорес так посмотрел на посетителя, что тот почел за благо удалиться поскорее. Откуда было знать русскому атташе, что ни купить, ни запугать Жореса было невозможно?

И после поражения этой революции, за пять лет до Октября, Жорес уверенно заявлял: «Россия готовится стать, ввиду громадной силы ее рабочих, державой цивилизации и справедливости; в результате усилий ее пролетариата она скоро создаст один из наиболее чудесных источников благосостояния человеческого рода».

Парадоксально, но «реформист» Жорес, столь часто ошибаясь в теории, оказался прав на практике. Это ему принадлежит крылатая фраза: «Капитализм несет в себе войну, как туча — грозу». Жюль Гед, один из лидеров социалистов, утверждал: раз война следствие капитализма, значит, надо вести борьбу не против следствия, а против порождающей его причины. Это теоретически правильное положение на практике приводило Геду к безучастному отношению к угрозе войны. Жорес видел, как за вежливыми улыбками дипломатов, за трескучими патристическими фразами вставал призрак войны. Войны такой страшной, какой человечество еще не знало.

Жорес умел не только предвидеть, он умел видеть так, как видят поэты и ученые. Своему другу капитану Жерару Жорес расскажет, какой будет новая война:

— Прошли времена, когда война носила внешние черты грозной красоты, рыцарства, благородства. Представьте поля Шампани, где все выжжено, земля изуродована, где страшный фейерверк взрывов ослепляет и оглушает солдат, где звон металла, грохот, пламя, дым... Потери достигнут миллионов. Европе паразит такое страшное бедствие, что повергнутые в горе и ужас народы увидят, как на них надвинется видение апокалипсиса!

Несколько лет спустя майор Жерар во время битвы на Марне в ужасе застынет, не имея сил двинуться с места. Кто-то его окликнет и услышит в ответ: «Кажется, я уже видел все это. Жорес предсказывал мне этот ад, это всеобщее уничтожение».

Война опрокинет тех, кто ее начнет, и станет прологом к социализму? Безусловно! Но платить за новое общество такую цену — преступление. Его статьи, саркастические и негодующие, не проходили незамеченными. Читая их сегодня, невозможно не поражаться, нет, не предвидением первой мировой войны, — сегодняшней актуальностью.

«Чем больше военная мощь каждой страны, тем надежнее обеспечен международный мир». Великолепная формула, как нельзя лучше подытоживающая основную нелепость, коренную несообразность нашей цивилизации. Страстно желаемый всеми мир может быть обеспечен лишь доведенным до предела всеобщим вооружением. Пусть все народы, швыряя миллиарды, обрастают толстой броней и оцетиниваются штыками! Пусть все бюджеты трещат под тяжестью военных ассигнований — это условие мира».

«Сторонники мира в Англии приходят к выводу, что мир может быть сохранен лишь посредством усиления ее армии. Миролюбие Германии столь велико, что она предполагает удвоить мощь своего военного флота. Последние депеши из Италии извещают, что в доказательство своего отвращения к войне она намерена увеличить свои сухопутные и морские силы. Что касается Франции, то ее любовь к миру никогда не была столь пылкой, поскольку государственные деятели, дабы лучше обеспечить мир, ни с того ни с сего предлагают ей расширить и военные и морские ассигнования».

Со своей трибуны он продолжает взывать к совести и разуму правящих кругов. Он не перестает надеяться:

— Я же, несмотря ни на что, несмотря на ненависть, внушаемую пролетариату обманам и изменами, я еще верю, — я говорю здесь от всего сердца, как на народных собраниях, — я верю в могущество организованного в демократию прогресса.

Что же произносили и что делали правящие круги?

Президент Французской республики Раймон Пуанкаре: «Возникшая в таких условиях война явилась бы вызовом, брошенным здравому смыслу, человечеству, цивилизации». Он же проводит закон об увеличении сроков военной службы и проповедует войну-реванш против Германии. А когда война начнется, будет требовать ее продолжения «до победного конца». Английский государственный деятель Уинстон Черчилль: «Мир скажет о поколении, допустившем возникновение подобной войны: это было поколение безумцев». Он же проводит широкую подготовку флота к предстоящей войне. А много позднее, уже после первой мировой войны, не будет препятствовать Гитлеру захватывать страну за страной, а еще позже цинично заметит: «Англия будет воевать с Германией до последнего советского солдата». Так будет действовать «демократия прогресса».

И против них этот добродушный толстяк не от мира сего?

Да, это был до нелепости рассеянный, всегда плохо одетый и по-детски верящий в совестливость человек. Он вечно таскал с собой библиотечные книжки, терял их, платил штрафы, находил и эти, уже оплаченные, книги возвращал в библиотеки. Он бесцельно рылся в карманах, чтобы заплатить кондуктору, но кондуктор не сердился. Он знал, что пойдет за деньгами в «Юманите», где получит у сконфуженного Жореса щедрые чаевые. О нем рассказывали анекдоты. Однажды Жорес с приятелем, проголодавшись, решил зайти в первое попавшееся кафе. «Попался» ему самый дорогой и модный ресторан «Максим». Увлеченный беседой Жорес понял, куда он попал, только когда ему подали счет. В карманах одна мелочь. И могучий Жорес, которого нельзя было ни смутить, ни сбить с толку на трибуне, растерялся под презрительным взглядом официанта. Он может оставить в залог свои часы? Не золотые? Да это же дешевка... Управляющий рестораном узнал Жореса. О! Порядочность господина депутата вне сомнений. Конечно, он принесет деньги позже.

Но этот рассеянный человек мог продиктовать по телефону прямо в номер блестящую статью, которую он тут же и импровизировал. О его речах говорила вся страна. Его соблазняли деньгами, министерским портфелем — он не поддавался. Ему грозили убийством, и Жорес знал, что это не пустые слова, — он не струсил. Он зашел слишком далеко: «В случае, если агрессор, враг цивилизации, враг пролетариата доведет человечество до кровавой бойни, Интернационал говорит, что долг пролетариев — не растрачивать свои силы на службе преступному правительству, а сберечь винтовку, которой авантюристические правительства вооружают народ, и пустить ее в ход не против рабочих, но против пролетариев по ту сторону границы, но для революционного низвержения преступного правительства». И это заявляет не частное лицо в приватной беседе. Жорес — лидер социалистов. В апреле 1914 года социалисты получают почти полтора миллиона голосов. Они сила, с которой невозможно не считаться.

Реакционные газеты окружают Жореса ненавистью: «Действиям г-на Жореса на чрезвычайном социалистическом конгрессе предшествовали сотни подобных актов, отмеченных тем же знаком подлости. Каждый знает, что г-н Жорес — это Германия». Обвинения в шпионаже дополняются призывами к его физическому уничтожению: «Не думаете ли вы, что генерал, который перед началом войны прикажет четырем солдатам и капралу поставить к стенке гражданина Жореса, чтобы всадить ему в голову кусок свинца, которого там не достает, что этот генерал лишь выполнит свой элементарный долг? Я бы ему помог в этом».

Его знали все. Он ничего не боялся и ни от кого не прятался. Убить его было так просто. За два месяца до начала войны

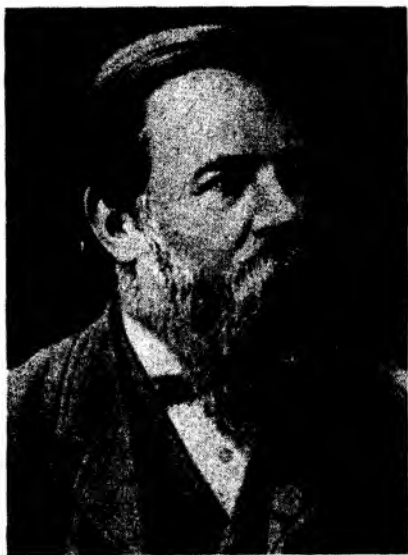
Жорес скажет другу: «Не пройдет и шести месяцев, как начнется война. Я получаю столько писем с угрозами, и я не удивился бы, если бы оказался ее первой жертвой. Я прощаю того, кто меня убьет. Виновными будут те, кто даст ему оружие».

Занавеска в окне, за которым сидел Жан Жорес с друзьями, была отодвинута с улицы, и просунувшаяся рука с револьвером замерла за спиной трибуна. Два выстрела в упор, в голову. Смерть наступила мгновенно.

Рауль Виллен, юноша без определенных занятий, но почему-то не нуждавшийся в деньгах, был схвачен сразу же и с гордостью признался в совершенном убийстве. Однако суд состоялся только после окончания войны. Дело простое и ясное. У молодого человека нездоровая психика, к тому же он действовал по благородным, патриотическим побуждениям, да и столько лет уже прошло. Сообщники? Очевидно, что он действовал в одиночку. Расследовать нечего, пора выносить приговор. Юноша, без сомнения, заслуживает снисхождения. И Виллен был оправдан.

Так удобно иметь дело с убийцами-одиночками. Это они, одиночки, стреляли в Линкольна, Кеннеди, Мартина Лютера Кинга... Процесс Виллена будет потом, после войны. После войны триста тысяч рабочих выйдут на демонстрацию, протестуя против такого решения суда. После войны по требованию трудовой Франции горняки Кармо внесут прах Жореса в Пантеон, где покоятся величайшие гении страны. А пока жарким августом 1914 года жители Парижа читали расклеенные на стенах сообщения: одно — об убийстве Жореса, другое — о всеобщей мобилизации. Смерть Жореса и начало войны стояли рядом не только во времени — в миропонимании.

И жизнью своей и смертью Жорес принадлежит дню сегодняшнему. Советский писатель Илья Эренбург заметил: «Часто, присутствуя на различных конгрессах или конференциях мира, я думаю: а ведь все это уже говорил Жорес». И когда сегодня, семь десятилетий спустя, коммунисты заявляют о том, что не существует фатальной неизбежности войны и что вопрос о войне и мире не находится в безраздельной власти империалистов, а во многом зависит от единства миллионов борцов за мир, то как современно и своевременно звучат строки из последней статьи Жореса в «Юманите», написанной им за несколько часов до смерти: «Самое главное — непрерывно действовать, настойчиво будить мысль и сознание рабочих масс. В этом наш истинный оплот. В этом, и только в этом гарантия будущего».

**«Я — ЕДИНСТВЕННЫЙ
ИЗ ОСТАВШИХСЯ
В ЖИВЫХ...»**

1820 год. В Испании началось восстание под руководством Рафаэля Риго. В Италии революция, возглавляемая тайной организацией карбонариев, одержала победу на всей территории Неаполитанского королевства. В Троппау конгресс Священного союза разрабатывает карательные акции...

Учение об историческом материализме еще не создано. Фридрих Энгельс, первенец текстильного фабриканта Фридриха Энгельса-старшего, в этом году появился на свет. И никто пока не может объяснить, не ссылаясь на неисповедимую волю провидения, почему революции начинаются в разных странах почти одновременно, почему созвездия великих имен появляются в одно время и в одной стране: Платон и Сократ в Греции; Микеланджело, Леонардо да Винчи и Рафаэль в Италии; Дарвин и Гексли в Англии...

Впрочем, в Рейнской провинции Пруссии, куда входит и город Бармен, подобные вопросы еще ни у кого не возникают. Река Вуппер несет свои благодатные для беления пряжи воды, привлекая сюда предприимчивых людей еще с начала XVII века. Во второй половине XVIII века прадед Фридриха-младшего занялся мелкой торговлей, имея всего 25 талеров и таская корзину на собственной спине. Своим детям он сумел оставить фабрику кружев и лент с собственной белильной. Шло время. По неизвестным пока еще никому законам состояние семьи Энгельсов постоянно росло. Но пусть не подумает читатель, что уважаемое в Бармене семейство бездельничало и прожигало жизнь. Нравы в соседних городках Бармене и Эльбер-

фельде (впоследствии слившихся в крупный промышленный центр Вупперталь) были строги. Вставали и ложились рано. Одевались добротнo, но скромно. Смирение, бережливость, религиозное благочестие, трудолюбие и отказ от всех соблазнов — норма поведения. Буржуа Бармена удивительно напоминали английских пуритан, женеvских кальвинистов и российских купцов-старообрядцев.

Родители Фридриха не были ханжами, хотя и относились к числу глубоко верующих людей. Мать — интеллигентная, веселая и добрая женщина была любима всеми своими детьми (после Фридриха в семье появились еще три сына и четыре дочери). Отец — поездивший по свету, предприимчивый фабрикант, интересовался техническими новшествами и умел по-деловому взглянуть на окружавшие его порядки. Он хорошо играл на фаготе и скрипке, а уезжая по делам из Германии, даже ходил в театр. Но Фридрих Энгельс-старший прекрасно понимал, что малейшее отступление от вуппертальевских порядков незамедлительно скажется на предпринимательской деятельности. А то, что его дети должны пойти по его стопам и их будущее — коммерция, в этом он не сомневался. Раз консервативное мышление имеет так много преимуществ, то не стоит рубить сук, на котором сидишь. Сохранилось письмо Фридриха Энгельса-старшего жене, в котором много внимания уделено их первенцу: «Фридрих принес на прошлой неделе посредственные оценки. Внешне он, как ты знаешь, стал благовоспитаннее, но, несмотря на прежние строгие взыскания, он, кажется, даже из страха перед наказанием не хочет научиться беспрекословному повиновению. Так, я, к моему огорчению, опять нашел сегодня в его секретере мерзкую книгу из библиотеки, рыцарский роман из жизни тринадцатого столетия. Поразительна беззаботность, с которой он оставляет в своем шкафу подобные книги. Да сохранит господь его душу, мне часто страшно за этого в общем-то превосходного мальчика».

Городская школа находилась под контролем религиозных ханжей Вуппертала. Но если в духовной области учителя не могли учить ничему, кроме ортодоксального благочестия (на вопрос ученика, кто такой Гете, последовал убийственный ответ: безбожник), то деловая программа будущих негоциантов и промышленников была хорошо продумана. Фридрих знакомится с основами физики и химии, к которым сохранит интерес до конца жизни, а преподаватель французского языка Шифлин обнаружит у своего ученика феноменальные лингвистические способности. Вскоре Фридрих овладеет латинским, древнегреческим, древнееврейским. Легкость, с какой Фридрих изучал новые языки и даже отдельные диалекты (он будет свободно владеть двенадцатью и читать еще на шести языках), удивляла всех его друзей. Впоследствии Поль Лафарг вспоми-

нал: «У Энгельса было своего рода кокетством писать каждому, с кем он находился в переписке, на его родном языке: Лаврову он писал по-русски, французам — по-французски, полякам — по-польски и т. д.».

В Эльберфельдской гимназии, куда перешел Фридрих в 1834 году, у него появились новые увлечения. Его конспект по древней истории украшен великолепными рисунками: египетскими пирамидами и вавилонскими воинами, окрестностями Карфагена и греческими колоннадами. Уроки истории сменяются не менее занимательными уроками литературы. Он изучает Гете, Шиллера, Гердера, Лессинга. Пишет сам, хотя и не обольщается на свой счет: «Мое рифмоплетство не имеет никакой цены для искусства». Ему одинаково легко даются и гуманитарные и естественные науки. Он немного музицирует и сам пробует сочинять. И при этом Фридрих вовсе не домосед и не тихоня. Он хорошо плавает, фехтует, ездит верхом.

Фридрих Энгельс-старший не жалеет денег на обучение, но с тревогой замечает, что его первенец бойкостью и своенравием совсем не похож на своих братьев. Дочь Маркса Элеонора, рассказывая об Энгельсе, не могла не вспомнить старой андерсеновской сказки: «Пожалуй, никогда еще в подобной семье не рождался сын, который был бы настолько чужд ее традициям. Фридрих должен был в этой семье казаться «гадким утенком». Возможно, что родные до сих пор еще не понимают, что «утенок» этот оказался «лебедем». Эти слова сказаны о семидесятилетнем соратнике Маркса. В конце же 30-х годов прошлого века Фридрих Энгельс-старший имел все основания взяться за сына всерьез.

Продолжение образования имело смысл только в том случае, если бы Фридрих готовился стать государственным чиновником. Но бюрократическая карьера интересует юношу не более коммерческой деятельности. Это прекрасно понимают и отец и сын. Писательский труд, о котором мечтает Фридрих, — юношеская химера. Только серьезное дело может превратить пылкого, увлекающегося мальчишку в серьезного человека. Такое дело есть. Энгельс-старший не поладил со своими братьями. После раздела имущества он основал бумагопрядильную фабрику в Манчестере («Эрмен и Энгельс») и фирму «Ф. Энгельс и К^о» в Бармене, занятую производством и продажей галантереи. Менее чем за год до окончания Фридрихом гимназии отец решил, что сыну пора сменить учебники на торговые книги. В 1838 году начинающий негоциант отправлен для изучения коммерческой практики в Бремен.

Вольный город Бремен насчитывал около 50 тысяч жителей. На Соборной площади каждый день занималась строевой подготовкой «великая ганзейская армия», состоявшая из 40 солдат, 25 музыкантов и 8 офицеров. Здесь не царил тошнотвор-

ное благочестие вупперталевских святош, а в книжных лавках можно было купить книги и газеты, которые в родном Бармене не только издавать, но и прочитать не было никакой возможности. Служба Фридриха в конторе не отнимает много времени и сил. Конечно, добропорядочных бременских буржуа, как и их вупперталевских коллег, превыше всего занимают торговые операции, но жить здесь несравненно приятнее, о чем и сообщает Фридрих своим друзьям братьям Греберам и любимой сестре Мариин. На той же конторке, где Фридрих составляет деловые письма, нередко лежит новая книга или очередное послание, как правило, испещренное смешными рисунками и иностранными литерами. Одно из них начинается на древнегреческом, продолжается по-латыни, а затем следует английский, итальянский, испанский, португальский, французский и голландский языки. Начинаящий коммерсант играет интеллектом, как атлет мускулатурой. Из этих писем можно узнать, что он ездит верхом при любой погоде, дерется на дуэли и наносит противнику «знатную насечку на лбу», komponует хоралы, без отдыха четырежды переплывает реку Везер, много читает и изучает языки. Остроумные, шуточные, а порой и хвастливые строки его писем только подчеркивают серьезнейшие религиозные, политические, философские проблемы, которые его волнуют. Он «открыл» Гегеля с его диалектикой и зачитывается «Лекциями по истории философии», знакомится с либеральными литераторами «Молодой Германии». В журнале «Германский телеграф» Энгельс печатает свою первую статью «Письма из Вупперталя», которая безусловно доказывает, что ее автор не испытывает ни малейшего почтения к порядкам, существующим в родном углу: «Среди низших классов господствует ужасная нищета... в одном Эльберфельде из 2500 детей школьного возраста 1200 лишены возможности учиться и растут на фабриках — только для того, чтобы фабриканту не приходилось платить взрослому рабочему, которого они заменяют, вдвое против той заработной платы, какую он дает малолетнему. Но у богатых фабрикантов эластичная совесть». Если бы в Вуппертале знали, что статья, подписанная «Ф. Освальд», принадлежит перу отпрыска известного всем семейства Энгельсов!

Фридрих не испытывает ни малейшего трепета перед алтарем и тронном. Если веру нельзя примирить с доводами разума, то она убивает «в человеке божественное», а потому ей не должно быть места в жизни. С «помазанниками божьими» тоже все ясно. «Нет времени, более изобилующего преступлениями королей, чем время с 1816 по 1830 год; почти каждый государь, царствовавший тогда, заслужил смертную казнь. Благочестивый Карл X, коварный Фердинанд VII испанский... и отцеубийца Александр российский, так же как и его достойный брат Николай, о чудовищных злодеяниях которых излишне

было бы говорить, — о, я мог бы рассказать тебе интересные истории на тему о любви государей к своим подданным. От государя я жду чего-либо хорошего только тогда, когда у него гудит в голове от пощечин, которые он получил от народа, и когда стекла в его дворце выбиты булыжниками революции». Энгельс считает себя революционером, хотя пока его революционность выражается только в отрицании изжившего себя феодального мира. Он еще не знает, ни что противопоставить этому миру, ни как это сделать.

Вольноопределяющийся гвардейского пехотно-артиллерийского полка Фридрих Энгельс отбывает воинскую повинность в Берлине. Как и в торговой конторе, он изучает новое дело без энтузиазма, но основательно, а в свободное время посещает лекции в Берлинском университете. В Европе немало университетов, но именно сюда, в Берлин, в это же время приезжает Николай Огарев. Здесь усердно конспектирует лекции Михаил Бакунин. Объяснение этому дает сам Энгельс: «Берлин насчитывает среди своих университетских преподавателей представителей всех направлений и этим создает живую полемику, которая доставляет учащемуся возможность легкого, ясного сопоставления тенденций современности». Разве не в философии надо искать ответ на революционные вопросы? В то время многие будущие социалисты представляли себе освобождение человечества примерно так, как писал об этом Лавров в «Исторических письмах». Силой в борьбе угнетенных представлялись не сами угнетенные, а «критически мыслящие личности», которые будут сражаться за них, ради них. Мечтает о борьбе за свободу и Энгельс.

Срок военной службы окончен. Что же касается революционных планов Фридриха, то с ними придется подождать. Энгельс-старший знает о политических взглядах сына и не намерен им потакать. Или Фридрих поступает на службу в фирму «Эрмен и Энгельс» в Манчестере, или он, Энгельс-старший, лишает его всякой финансовой поддержки. Сумеет ли прокормить себя пером Ф. Освальд? И так, возможность совершенствования в коммерции и должность помощника управляющего ожидают его, как только он пересечет Ла-Манш.

Величественный город Лондон встретил Фридриха гигантскими доками, бесчисленными кораблями, каменными лабиринтами улиц, бесконечными вереницами экипажей и толпами прохожих. Столица Англии — промышленной мастерской мира. Сюда тянулись рельсы железных дорог, по которым доставлялись чугун, уголь, текстиль. Здесь уже полновластно царит фабричная система. Здесь ошеломляющая, по немецким меркам, свобода. Англичанин имеет свою газету, ходит в свой союз, поддерживает свою партию. Партия есть и у рабочих — чартистская. Пока еще Фридрих знает о ней до обидного мало. Да и что вообще знает Энгельс об Англии, в которой до этого

он был недолго вместе с отцом. После манчестерской торговой конторы у него остается свободное время, и он не намерен его тратить на шампанское и званые обеды преуспевающих дельцов.

Мери Бернс, черноглазая ирландская прядильщица, покорила Фридриха жизнерадостностью и энергией. Это она водила его на политические собрания рабочих и знакомила с удивительными людьми, борющимися за свои человеческие права. С ней он чувствовал себя счастливым. Сын фабриканта и простая работница никогда не смогли бы пожениться. Но ни Фридрих, ни Мери не собираются отказываться от своей любви из-за буржуазных предрассудков. «Общество» не допустит этого? Они обойдутся без его благословения. И без церковного таинства они будут считать себя мужем и женой.

В 1845 году в Лейпциге вышла книга, на титуле которой значилось: «Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам. Фридрих Энгельс». Да, «славный перечень грехов» предъявил английской буржуазии 24-летний автор. Блестяще сочетаются на этих страницах скрупулезный анализ исследователя и художественная публицистика. Не так уж много можно насчитать научных книг, которые бы читались со столь захватывающим интересом. Полистаем ее страницы.

Кривые грязные улицы больших английских городов, где торгуют почти несъедобными продуктами. Ветхие дома со сколоченными из досок дверьми. Откроем одну из них: небольшой чулан, два плетеных стула без сидений, столик с двумя сломанными ножками, куча тряпья в углу. Здесь живет женщина с девятью детьми. Двое из них украли из лавки полу-сырую телячью ногу и тут же съели ее, после чего предстали перед судом.

А в этой комнате побывала смерть. 45-летняя женщина «лежала рядом со своим сыном на куче перьев, которые пристали к ее почти голому телу, ибо не было ни одеяла, ни простыни. Перья так крепко облепили весь труп, что его нельзя было исследовать, пока его не очистили, и тогда врач нашел его крайне истощенным и сплошь искусанным насекомыми».

Так живут тысячи семей, но это не самое страшное. Пятидесяти тысячам бездомных еще хуже. Убогие ночлежки в трущобах, куда попасть не так-то просто. Работные дома, где содержание страшнее и хуже, чем в тюрьме. Так, в рабочем доме Басфорда простыни не менялись 13 недель, постели кишели насекомыми, а миски для еды мылись в ведрах для нечистот. Люди предпочитали умирать с голода, чем идти сюда. Впрочем, в этом случае констатировалось, что они умерли «от упрямства».

Трущобы, пьянство, преступления — результаты социальной войны всех против всех.

Преуспевающая буржуазия ежедневно совершает убийство в буквальном смысле этого слова. Факты? Вот они: «12 июня в Манчестере от столбняка умер мальчик, которому машина раздробила руку.— 16 июня в г. Садлуэрте подхваченный колесом подросток разбился насмерть... — 24 июля... погибла девушка, которую приводной ремень подхватил и перебросил пятьдесят раз, так что ни одна косточка не уцелела... — В манчестерской больнице перебивало за один только 1843 г. 962 человека, израненных и искалеченных машинами». Вины, конечно, не машины, а их владельцы. Ведь охрана труда стоит денег.

В цивилизованной, богатейшей стране мира есть работа для женщин и детей, но ее нет для здоровых мужчин, потому что платить им нужно больше. «Когда же читаешь... о том, как надсмотрщики вытаскивают раздетых детей из постели и побоями загоняют их на фабрику с одеждой в руках... как они кулаками разгоняют детский сон, как дети тем не менее засыпают за работой, как несчастный ребенок, заснувший уже после остановки машины, при окрике надсмотрщика вскакивает и с закрытыми глазами проделывает обычные приемы своей работы... когда читаешь обо всем этом и о сотне других гнусностей и мерзостей, и читаешь об этом в отчете, все показания которого даны под присягой... когда подумаешь, что сам этот отчет — «либеральный», что это буржуазный отчет... то нельзя не возмущаться, нельзя не возненавидеть этот класс, который кичится своей гуманностью и самоотверженностью, между тем как его единственное стремление — любой ценой набить свой кошелек».

Каждый предприниматель старается произвести больше товаров и при меньших затратах, чем его конкурент. Кризисы перепроизводства стали обыденными. Буржуазия имеет власть над жизнью и смертью рабочих, потому что владеет средствами производства. Парадоксально, но чем больше производит пролетарий, тем он становится беднее. Рабочий — товар. Его отличие от античного раба в том, что он сам вынужден продавать себя.

Так что же, эта книга о бедствиях рабочих? Но такие книги уже были. Достаточно вспомнить Шарля Фурье. Что нового в этой работе? На этот вопрос ответил Ленин: «И до Энгельса очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необходимость помочь ему. Энгельс *первый* сказал, что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат *сам поможет себе*».

Вот в чем суть. Энгельс не взывает к совести буржуа. Ему давно известно, что эта совесть «эластична». Он не призывает

на помощь «героев». Он доказывает, как ученый, фактами и логикой — придет время, когда пролетариат осознает свою революционную миссию.

Конечно, молодой Энгельс не избежал ошибок. Много позже, при переиздании этой работы, он укажет, что умышленно не вычеркнул многие несбывшиеся предсказания, на которые «отважился под влиянием своей юношеской горячности». Но в то же время именно эта «горячность» делала книгу столь притягательной, что почти двадцать лет спустя Маркс напишет: «Когда я вновь перечитывал твою книгу, то с сожалением заметил, что мы старимся. Как свежо, страстно, с каким смелым предвидением, без ученых и научных сомнений написана эта вещь! И сама иллюзия, что завтра или послезавтра можно будет воочию увидеть исторический результат, придает всему так много теплоты и жизнерадостности, по сравнению с которыми наша более поздняя манера писать «в мрачных тонах» порождает чувство чертовской досады».

Когда по воле отца Фридрих ступил на землю Англии, он был революционным демократом. 21 месяц спустя в Париж на встречу с Марксом уезжал убежденный социалист. Кажущийся хаос капиталистических противоречий не привел Энгельса в тупик морального негодования. Он знал, что ищет. Потому и подошел вплотную к познанию законов развития общества — историческому материализму.

В августе 1844 года они встречаются по сути впервые. Два года назад холодное мимолетное знакомство ничем не кончилось. Теперь они знают друг друга по статьям, напечатанным в «Немецко-французском ежегоднике». Знают, что независимо друг от друга и почти одновременно пришли к одинаковым выводам: об исторической миссии рабочего класса, значении политической экономии для понимания законов развития общества, необходимости насильственного уничтожения частной собственности.

Они были очень разными людьми, но изумительно дополняли друг друга. Маркс — гениальный аналитик, не мог написать ни слова, пока не находил пять, десять доказательств своей правоты, добиваясь афористичности речи и необычайной глубины своих исследований. Энгельс, работавший легко и быстро, умевший выделить главное из массы фактов, казалось, запросто разбирался во всем на свете. На вопрос «Ваш любимый девиз» полушутливой анкеты дочерей Маркса Энгельс ответил: «Относиться ко всему легко», Маркс: «Подвергай все сомнению». Маркс работал за столом, на котором хаотически громоздились книги и бумаги. Энгельс не терпел на рабочем месте ничего лишнего, доходя в своем образцовом порядке до аккуратности «старой девы». Люди, столь разные по темпераменту, манере работать, привычкам, жить друг без друга не могли. Занимаясь одними проблемами, они понятия не имели о научном

соперничестве. Маркс уверял друга, что, «во-первых, у меня все приходит поздно и что, во-вторых, я всегда следую по твоим стопам». Энгельс же, даже после смерти Маркса, всегда доказывал, что играл только вторую скрипку в их совместном дуэте. Десять парижских дней, проведенных ими вместе, стали началом их сорокалетней совместной работы.

Они уже поняли, в чем сила и слабость учений социалистов-утопистов, знали о восстаниях лионских ткачей и английском чартистском движении и пришли к выводу, что социализм — необходимый результат развития производительных сил в современном обществе. Но какой во всем этом смысл, если рабочее движение и учение социализма существуют, не влияя друг на друга. Значит, необходимо найти уже существующую организованную силу, чтобы вооружить ее жизнеспособной теорией борьбы.

Отношения Энгельса-старшего с сыном складываются не лучшим образом. В конце концов Фридрих не выдерживает. Он пишет Марксу:... «Видя огорченные лица обоих стариков, я опять попытался взяться за коммерцию... Но мне это опротивело раньше, чем я начал работать... Можно еще, будучи коммунистом, оставаться по внешним условиям буржуа и вьючной скотиной торгашества, если не заниматься литературной деятельностью, — но вести в одно и то же время широкую коммунистическую пропаганду и занятия торгашеством, промышленными делами, этого нельзя. Довольно, на пасху я уеду».

Маркс и Энгельс вступают в рабочую организацию «Союз справедливых». В этом «Союзе» господствуют утопические взгляды Вейтлинга и Прудона. Здесь все — от лозунга «Все люди — братья!» до проекта программы «Символ веры» — не выдерживает критики. И Энгельс бросается в бой. Отчаянный спорщик, он перетягивает на свою сторону большинство. Кончилось тем, что «Союз» поручает ему составить новую программу. Через несколько дней Энгельс отправляет Марксу черновой вариант катехизиса, названного им «Принципы коммунизма». Он предлагает другу: «Подумай над «Символом веры». Я считаю, что лучше всего было бы отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистическим манифестом». В конце января 1848 года Маркс завершает окончательную редакцию рукописи. Первый программный документ научного коммунизма увидел свет. Об этой работе Ленин написал так: «В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества».

«Манифест» появился вовремя. В феврале 1848 года нача-

лась революция во Франции. «Призрак коммунизма» увидели в Австрии, Чехии, Венгрии, Польше, Италии, Бельгии, Южной Германии, Пруссии. Подняли головы чартисты Англии.

Маркс и Энгельс приезжают в Рейнскую провинцию как наиболее развитую промышленную область в Германии. В Кельне они начинают издавать «Новую Рейнскую газету». Разоблачение либералов, изменивших своему же делу борьбы с остатками старого режима, требование объединения Германии в единую республику, пропаганда войны с Россией, главным жандармом Священного союза, — основные темы газеты. Первое время Маркс не успевает писать. На нем держится вся организационная сторона работы. Энгельс оказывается незаменимым сотрудником. «Он — настоящая энциклопедия, — восторгается Маркс, — работоспособен в любое время дня и ночи, трезвый и навеселе, пишет и соображает быстро, как черт». По сути дела, редакция становится руководителем Союза коммунистов, который, по меткому замечанию одного из его членов, был «повсюду и нигде».

Революция развивается не так, как об этом мечтали Маркс и Энгельс. Заклебнулось кровью июньское восстание рабочих в Париже. Русскими штыками добывает венгерскую революцию Николай I. Увенчался успехом контрреволюционный переворот в Пруссии. Значит, все было зря? Ничего подобного! Маркс доказывал в «Новой Рейнской газете»: «Главным плодом революционного движения 1848 года является не то, что выиграли народы, а то, что они потеряли, — *потеря их иллюзий*». Буржуазия доказала свою неспособность бороться с феодальным дворянством. Сила, способная вести за собой, — молодой рабочий класс.

Последовал приказ о высылке Маркса, аресте Энгельса и закрытии «Новой Рейнской газеты». Последний, 301-й номер вышел, отпечатанный красной краской. Энгельс впоследствии писал об этом: «Мы вынуждены были сдать свою крепость, но мы отступили с оружием и снаряжением, с музыкой, с развешиваемым знаменем последнего красного номера».

Революция агонизировала. И все же, когда Энгельс узнал, что в рейнско-вестфальском районе началось восстание, он поспешил принять в нем участие. Зачем? Он считал, что сдача позиций без боя более деморализует народ, чем поражение с оружием в руках.

Итак, Энгельс на родине. В Эльберфельде он организывает саперную роту, перестраивает баррикады. В один из этих дней он случайно встречается с Энгельсом-старшим. Фридрих наотрез отказался подчиниться отцу и уйти с баррикады. Это была тяжелая встреча, закончившаяся жестокой ссорой.

Мелкие буржуа, воюя с правительством и боясь его, еще больше боялись коммуниста Энгельса. Они действительно требовали, чтобы он покинул город. Трусливая, половинчатая

политика восставших обрекала себя на поражение. Настаивать бессмысленно. Энгельс отправляется в отряд члена Союза коммунистов полковника Виллиха. В первый же день он участвует в бою. Ведет себя смело, хладнокровно и не прячется от пуль. Мужественным людям не в чем было упрекать себя, когда их отряд потерпел поражение от шестеро превосходящих сил противника. Вместе с оставшимися в живых Энгельсу удалось перейти швейцарскую границу. «Так или иначе, я счастливо миновал все опасности, и в конце концов хорошо, что один из сотрудников «Neue Rheinische Zeitung» принимал участие в боях...»

Вильгельм Либкнехт, познакомившийся с Энгельсом в Швейцарии в это время, вспоминал: «На нем была синяя блуза, которая делала его, державшегося прямо, как свеча, с чисто прусской выправкой, еще выше. Сияющие веселые глаза, звонкий, веселый голос, ироническая шутовская речь — олицетворение полной жизненных сил молодости».

Энгельс был убежден — главные бои еще впереди.

И он и Маркс уверены, что жизнь в лондонской эмиграции долго не продлится. Новое восстание парижского пролетариата — дело ближайших месяцев. Но скоро им становится ясно, что «новая революция возможна только вслед за новым кризисом». Ни Энгельс, ни Маркс не были фантазерами и всегда исходили в своих действиях из анализа реальной обстановки, а не своих надежд. Положение же друзей было сложным. Маркс, считавший своим партийным долгом написать «Капитал» — труд, который станет главным его произведением, оказался с семьей почти без средств к существованию. Без гроша сидел и Энгельс. После встречи с отцом на баррикаде ни на какую помощь рассчитывать не приходилось.

Для Энгельса не было ничего мучительнее после счастливых и горьких революционных дней снова сесть за торговую конторку, но иного выхода он не видел. Фридрих уезжает в Манчестер. Довольный таким оборотом дела Энгельс-старший пишет сыну: «Могу себе представить, что пребывание в Манчестере не весьма для тебя приятно, но для нас и для дела это, при сложившихся особых обстоятельствах, во всяком случае весьма полезно». Коммунист Фридрих Энгельс становится, как с горьким юмором заметила жена Маркса, «крупным хлопчатобумажным лордом». Отношения с отцом налажены. «Ты меня чрезвычайно обрадовал, — писал Энгельс-старший сыну, — своим предложением и дольше там оставаться. Ты вполне на своем месте, и никто не мог бы быть лучшим моим представителем, чем ты». Отец, конечно, не строил иллюзий относительно причин, побудивших его строптивного первенца вернуться к респектабельной жизни. Он не предъявляет сыну никаких требований. Пусть пишет и думает, что хочет. Лишь бы жил, как все.

В 1860 году Фридрих Энгельс-старший умер счастливым. Как он и мечтал, все его дети, не исключая и Фридриха, пошли по его стопам. Все, что узнавал отец о своем старшем сыне, не могло его не радовать. Дело фирмы находилось в надежных руках.

Фридрих Энгельс-младший — знающий коммерсант, воспитанный, корректный, безукоризненно честный в финансовых операциях; веселый собеседник, понимающий толк в хороших винах, страстный охотник и превосходный наездник, любезный кавалер и гостеприимный хозяин. Англичане не любопытны по отношению к тому, что их не касается. Поэтому никто из них не догадывался, что эта проходящая у всех на виду жизнь преуспевающего фабриканта была для самого Энгельса «египетским пленом», на который он согласился только ради Маркса. Почти двадцать лет он будет прикован к проклятой коммерции.

Впрочем, у Энгельса была отдушина. В маленькой квартирке на окраине города его ждала невенчанная жена. Там собирались близкие друзья. Там он штудировал работы по военному делу, считая, что в будущих революциях военная подготовка приобретет огромное значение. Здесь он писал Марксу.

От Манчестера до Лондона по железной дороге 300 километров. Всего восемь часов — и они могли бы встретиться. Но для таких поездок не было ни времени, ни денег. Каждый фунт стерлингов, который удавалось сэкономить Энгельсу, отправлялся в Лондон. Это были не просто деньги, на которые можно было что-то купить. Банкноты Английского банка означали жизнь и здоровье для большой семьи, возможность спокойной работы без мучительных дум о насущном хлебе. И не случайно, закончив первый том «Капитала», Маркс напишет другу: «Итак, этот том готов. Только тебе обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвования ради меня я ни за что не мог бы проделать всю огромную работу по трем томам. Обнимаю тебя, полный благодарности».

Да, видятся они не могли. Но мысленно они почти всегда были вместе. Более 1300 писем, написанных за это двадцатилетие, дошло до нас. Четкий, легко читаемый почерк Энгельса и торопливый, неразборчивый, похожий на каракули почерк Маркса. Эти письма опубличованы. Попробуйте сегодня, искушенный читатель конца XX века, почитать эту переписку. Она не предназначалась для печати. Но по праву, дарованному великой наукой историей, мы можем ее знать. И не боясь обвинений в технической косности, вы сможете порадоваться тому, что телефон тогда еще не вытеснил переписку. Вы убедитесь, что Маркс и Энгельс — это не памятники, застывшие в недостижимом величии (как это может показаться при чтении иного учебника), а живые люди, не боявшиеся крепкого словца, жившие обычными человеческими заботами (болезнь печени,

брюки, заложенные в ломбард, хворающие дети, конторские ссоры с компаньоном, «проклятые хлопчатобумажные ткани»), а рядом — политика и философия, математика и военное искусство, языковедение и художественная литература, политэкономия и рабочее движение. И мысли, мысли — озорные, гениальные, трагичные, противоречивые... Настоящая энциклопедия человеческого общения. Если бы после Маркса и Энгельса остались только эти письма, они бы уже могли претендовать на память потомков. А ведь эта переписка — отдых после изнурительной работы, возможность раскрыться перед близким человеком без оглядок и церемоний.

В 1863 году умерла Мери Бернс. Это была тяжелая потеря. Энгельс чувствовал, что с ее жизнью ушла и его молодость. Только присутствие сестры Мери Лиззи, жившей вместе с ними десять лет, помогало приглушить горе. Со временем Лиззи станет его второй женой.

1 июля 1869 года Энгельс был самым счастливым человеком на свете. «Дорогой Мавр! Ура! Сегодня покончено с милой коммерцией, и я — свободный человек». Срок контракта истек, и Энгельс выходит из торгового дела, получив солидную компенсацию. Материальная будущность его и Маркса обеспечена. Отныне вся его жизнь принадлежит науке и партии.

Не зря Энгельс столько лет потратил на изучение военного дела. Он предсказывает крах Наполеона III, безошибочно оценивает соотношение военных сил в Европе, потому и называет его больше всерьез, чем в шутку — генералом.

Теперь вместе с Лиззи Энгельс живет в Лондоне. Он счастлив и деятелен. Каждый день они встречаются с Марксом. Энгельс избран членом Генерального Совета Интернационала. Он работает над «Диалектикой природы», предвосхищая на десятилетия развитие естествознания, дает советы лидерам социал-демократии многих стран, пишет работу, которую впоследствии назовут «энциклопедией марксизма», — «Анти-Дюринг».

Среди германской социал-демократии стало приобретать популярность учение немецкого философа и экономиста Евгения Дюринга. Он вызывал к себе симпатии и смелостью своих выступлений, и личным мужеством. Слепой человек, которому читали необходимые ему книги вслух, мог не только диктовать свои работы, но и читать лекции по истории механики, политической экономии, философии. Неподготовленным слушателям казалось, что его идеи архиреволюционны. Он обрушивался с бранью на социалистов — Фурье, Оуэна, Сен-Симона. Он громил философов от Фихте до Гегеля. А уж экономическая теория, которую выдвинул «некий» Карл Маркс, свидетельствует только о научной отсталости последнего. Разве не очевидно, что главным фактором в истории является фактор политический? Насилие — вот главный двигатель человеческого развития. Упростим модель общества. Отправимся на остров,

где нет никого, кроме Робинзона и Пятницы. Робинзон «со шпагой в руке» заставляет подчиниться себе дикаря. И так, сначала насилие, потом — экономические отношения. К сожалению, это так. К сожалению, потому что первый акт насилия явился грехопадением человечества. Насилие деморализует того, кто его применяет. Социализм — это не воплощение диких фантазий Фурье или псевдонаучных экономических теорий. Социализм коренится в «универсальном принципе справедливости». Разве Робинзон и Пятница не превратились в добрых друзей?

Энгельс не без присущего ему юмора доказывает, что насилие ничего не может создать. Насилием можно только перераспределить ту собственность, которая произведена трудом людей. Робинзон «со шпагой в руке» вызывает вопрос: а где он эту шпагу взял? Насилие не волевой акт. Оно требует известных орудий или оружия. Насилие — зло? А как же революции, которые ломают окаменевшие политические формы! Где же провозглашенная Дюрингом окончательная истина в последней инстанции? Дело было, конечно, не в язвительной критике учения Дюринга. Сам Энгельс отметил, что, «несмотря на неизбежно скучный характер полемики с незначительным противником, эта попытка дать энциклопедический очерк нашего понимания философских, естественнонаучных и исторических проблем оказала свое действие». По этой книге учились первые русские марксисты. Ленин рекомендовал эту работу как удивительно содержательную и поучительную книгу, где «разобраны величайшие вопросы из области философии, естественнонаучных и общественных наук».

Читая ее сегодня, трудно представить, что в то время, когда Энгельс работал над этой рукописью, он переживал большое несчастье. Лиззи Бернс, с которой он прожил пятнадцать лет, умирала. Он уже ничем не мог ей помочь. Никогда Энгельс не нуждался в государственном благословении на свою семейную жизнь, но от него зависело выполнение последнего желания любимой женщины. 11 сентября 1878 года, за день до смерти Лиззи, он официально оформляет этот брак.

Отложены в сторону незаконченные работы. 14 марта 1883 года умер Маркс. Лучший, любимейший друг как-то назвал Энгельса своим alter ego — вторым «я». Теперь это стало фактом. Его долг перед Марксом — довести до конца главную работу — «Капитал». Он разбирает рукописи второго тома, готовые части, наброски, варианты третьего тома. Рукописи с переходом с одного языка на другой, множеством сокращений, ужасным, нечитаемым почерком... Энгельс все хуже видит, часто болеет. С горечью он сообщает Лаврову: «Ах, этот второй том! Если бы Вы знали, мой старый друг, как бы мне хотелось поскорее его подготовить! А вот пришлось потерять полгода из-за моей проклятой болезни... А я могу, не переутомляясь,

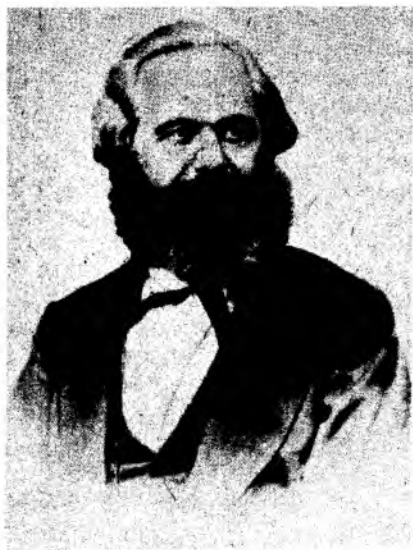
заниматься этим всего лишь по несколько часов в день. Особенно это беспокоит меня потому, что я — *единственный из оставшихся в живых*, кто в состоянии расшифровать этот почерк и разобрать эти сокращения слов и целых фраз». Два года спустя, закончив предисловие к полностью завершеному второму тому, он написал: «Лондон, в день рождения Маркса, 5 мая 1885 г. *Фридрих Энгельс*».

Так было всегда. Они дарили друг другу идеи и совместно воплощали их в жизнь. Маркса нет, а работа продолжается как прежде. В бумагах друга Энгельс находит подробный конспект книги американского этнографа Л. Г. Моргана «Древнее общество» с многочисленными замечаниями Маркса. Через два месяца Энгельс заканчивает свою новую книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Впоследствии Ленин так характеризует эту работу: «Это — одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала». Изданная в Швейцарии, в Германии эта работа будет запрещена, что не помешает ее успешному распространению. Книгу переводят на польский, итальянский, румынский, датский... Это первое произведение Энгельса, которое будет издано в России легально и еще до революции выдержит десять изданий. Необычайная для научного исследования популярность книги объяснялась сенсационным выводом автора: неизбежностью создания бесклассового общества.

В конце 1894 года Энгельс заканчивает подготовку к печати третьего тома «Капитала». Ленин процитировал слова австрийского социал-демократа Адлера: «...Изданием II и III томов «Капитала» Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя».

Энгельс — признанный лидер II Интернационала. Он работоспособен и по-прежнему занимается всем на свете: естествознанием, химией, ботаникой, физикой, филологией, политэкономией и военной тактикой. И только близкие друзья знают, что Энгельс неизлечимо болен. К собственной смерти он относится как ученый-диалектик: «...Жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом... смертью».

Смерть 5 августа 1895 года была «необходимым результатом», но не итогом его жизни. В Женеве, в сборнике «Работник», издававшимся русскими социалистами-эмигрантами, статья, посвященная памяти Энгельса, начиналась так: «После своего друга Карла Маркса... Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире». Автором этих строк был 26-летний В. И. Ленин.

*Карл Маркс
1818—1883*

ПРОМЕТЕЙ

Английский философ и математик Бертран Рассел, фетишизируя науку, считал, что, не будь на свете Данте, Шекспира, Бетховена, жизнь большинства людей оставалась бы в общем такой же, какова она есть. Но без открытий Галилея или Джеймса Уатта наша жизнь была бы совершенно иной. Дело не в ошибочности этого утверждения. Дело в неисторичности сравнения. Если бы не было Шекспира или Бетховена — их бы просто не было, как не известен второй Данте, второй Пушкин, второй Гете. Но не родись Галилей или Уатт, изобретение все равно было бы сделано. Это не теоретическое предположение, а факт. В 1543 году испанский капитан Бласко де Гарай построил судно с тепловым двигателем. Изобретение не использовано и забыто. Через 150 лет французский физик Дени Папен вторично изобретает тепловой двигатель. Его «самодвижущееся» судно уничтожено пройсками судовладельцев. Еще через 80 лет Джеймс Уатт изобретает паровую машину, а потом в разных странах начинается ее практическое использование.

В отличие от гениальных озарений в технике и искусстве великие общественные идеи не могут возникнуть случайно у того или иного мыслителя, как бы гениален он ни был. Для их появления необходимы особенные исторические условия, складывающиеся из всего многообразия развития мировой цивилизации. Ленин писал: «...Вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила».

Карл Маркс родился 5 мая 1818 года в Трире. Во времена,

когда феодальные пережитки в Пруссии были столь сильны, его будущность зависела только от собственного трудолюбия и таланта. И за полученную возможность проявить их он всю жизнь был благодарен своему отцу, адвокату Генриху Марксу. Его настоящая фамилия была Мордехай. Отец Генриха сменил ее на фамилию Маркс. Генриху пришлось пережить немало тягот, когда он порвал с ортодоксальной еврейской семьей, известной как своими раввинами, так и учеными-теологами. Он первый вместо духовной карьеры избрал юриспруденцию и добился успеха, став уважаемым всеми советником юстиции. Однако власти не давали возможности евреям по-человечески жить в Пруссии. По сути Генрих Маркс встал перед выбором — отречься от своей религии или отказаться от своей профессии. Он со всей семьей принял протестантство, предоставив таким образом своим детям, по образному выражению Гейне, «входной билет в область европейской культуры». Генрих Маркс не был богат, но смог обеспечить безбедное существование четырем сыновьям и пяти дочерям. Просвещенный либерал и почтенный юрист был замечательным отцом. Он умел жить жизнью своих детей, и не случайно Карл будет до конца жизни вспоминать его с любовью.

В августе 1835 года директор гимназии города Трира Иоганн Виттенбах проверял сочинение гимназиста выпускного класса Карла Маркса «Размышления юноши при выборе профессии». Карандаш педагога подчеркивает отдельные слова, фразы...

«Нашим призванием вовсе не является такое общественное положение, при котором мы имеем наибольшую возможность блистать». «...Главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование». «Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком». «Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что оно — жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить... вечно действенной жизнью».

Виттенбах хорошо знает Карла. Прилежен, но далеко не лучший ученик. Успехи почти по всем предметам средние. От сочинения он и не ждал большего. А почерк! Каракули! И Виттенбах пишет отзыв: «Довольно хорошо. Работа отличается богатством мыслей и хорошим систематическим изложением. Но вообще автор и здесь впадает в свойственную ему ошибку, в излишние поиски изысканных образных выражений. Поэтому изложению во многих подчеркнутых местах недостает необ-

ходимой ясности и определенности, часто точности, как в отдельных выражениях, так и в целых периодах».

Отличник гимназии — это тот, кто в состоянии без излишнего умствования выучить все, что положено и как положено. Карл слишком самобытен для того, чтобы уместиться на прокрустовом ложе прусской педагогической системы. Он искал слова для выражения своих, а не натасканных мыслей. А это не достоинство, а недостаток, с которым к тому же трудно бороться. И Виттенбах — либерал, читавший французских просветителей и гордящийся личным знакомством с Гете, не заметил, что Маркс, в отличие от других выпускников, писал не о том, кем он хочет стать, а о месте человека в жизни, о цели и смысле существования. Мудрый Виттенбах был не первый и не последний в списке педагогов, не разглядевших в своих учениках гениальность. Вспомним, что Эварист Галуа провалился на экзаменах по математике. А юного Гегеля аттестовали следующим образом: «С хорошими способностями, но не отличается ни прилежанием, ни сведениями, весьма неискусен в слове и может быть назван идиотом в философии».

Не обратил внимания Виттенбах и на эти строки, доказывавшие, что семнадцатилетний гимназист прекрасно понимает значение социальных различий: «...Мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие».

Отец сумел пробудить в Карле интерес к философии, а один из лучших друзей Генриха Маркса барон Людвиг фон Вестфален, которого Карл впоследствии назовет своим вторым отцом, откроет юноше поэтический мир Гомера, Шекспира, Данте. Нет, не зря мать Карла, урожденная Генриетта Пресбург, называла его «мой сын счастья». Окруженный умными, доброжелательными людьми, наделенный от природы выдающимися способностями, физической силой и чувством юмора, Карл провел свое детство исключительно счастливо. Впереди — университет, обеспеченная будущность, всеобщее уважение.

Много позже, отвечая на анкету своих дочерей (знаменитая «Исповедь»), Карл Маркс напишет: «Ничто человеческое мне не чуждо». Чтобы написать эту фразу, Марксу достаточно было вспомнить свое пребывание в Боннском университете. Впервые оказавшийся без родительской опеки, Карл пытается объять необъятное. Он записывается сразу на девять лекционных курсов и занимается днями и ночами, что заставляет встревоженного отца просить сына не делать «больше того, что могут выдержать тело и разум». Но главные тревоги Генриха Маркса впереди. Вскоре число изучаемых дисциплин сокращается до шести, потом до четырех, да и те посещаются сыном не слишком аккуратно. Карл избран председателем студенческого земля-

чества. Он ни в чем не уступает гулякам-студентам. За нарушение ночной тишины после очередной пирушки Карл попадает в карцер. Он храбро проводит дуэль на шпагах с аристократом из другой студенческой корпорации. На память об этом событии у Карла остается шрам над правым глазом и письмо недоуменного отца: как это Карлу удастся «совмещать дуэли с философией»? Он не балует родителей письмами, что не мешает ему делать долги, оплачиваемые из отцовского кармана.

Найдутся впоследствии в России и за границей те, кто будут с ухмылкой рассуждать о моральных качествах создателя коммунистического учения. Ну как тут не вспомнить Пушкина: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе».

Нет, Карл не потерял вкуса к наукам. И этой в общем-то неинтересной для него вакхической жизни он предавался из-за желания убежать от самого себя. Здесь, в Бонне, вспоминая о притягательном для него семействе Вестфаленов, он все чаще грустил о подруге Женни. Это не было ностальгией по детству. Карл понимал, что влюблен. Он любил девушку старше его на четыре года, первую красавицу Трира, к тому же из богатой и знатной семьи, находящейся на социальной лестнице неизмеримо выше, чем он. На что он мог надеяться? Только на невозможное.

Дяде отец, первым разглядевший выдающиеся способности сына, был убежден, что Карл завоевал сердце Женни «самым непостижимым образом». Знаменитый биограф Маркса Ф. Меринг писал, что Карл одержал «первую и самую прекрасную свою победу». Никто уже не сможет узнать, как восемнадцатилетний юноша, приехав на каникулы, сумел покорить эту царицу балов, какие сумел найти слова, чем поразил воображение умной, образованной, необыкновенной девушки. Но невозможное стало реальностью. Женни фон Вестфален обручилась с Карлом Марксом.

Отец настоял на переходе Карла в Берлинский университет. Время безалаберного существования кануло в лету. Пожениться Карл и Женни смогут только тогда, когда он получит образование и материально обеспечит будущее своей семьи.

Чиновный и чопорный Берлин резко отличался от фривольного Бонна.

Не щадя себя, Карл сидит над книгами днями и ночами. Его интересует все; философия и право, история и география, литература и история искусства. Постепенно вырабатывается своя система изучения неизвестного ему материала. Он не читает ни одной книги, не делая выписок и не рассуждая о прочитанном. Свои книги он испещряет карандашными пометами,

позволяющими быстро отыскать то, что его заинтересовало. Он не заучивает чужие тексты, а исследует их, сопоставляя разные точки зрения и докапываясь до сути. Самая замечательная библиотека — та, которая находится в собственной голове. Карл развивает свою память, запоминая наизусть стихи на незнакомых ему языках. И если его рабочий стол напоминает гору из хаотически нагроможденных книг и рукописей, то в голове его изумительный порядок. В клубке противоречивых явлений и фактов Карл находит путеводную нить — философию. Только эта наука позволяет проникнуть в суть явлений. Он штудирует Канта, Фихте, Вольтера, Руссо, Гегеля, Фейербаха. Маркс делает первый шаг к отрицанию идеализма, придя к необходимости «искать идею в самой действительности». Но чем бы ни занимался Карл, Женни незримо находится рядом. Он заполняет тетради стихами, которые посвящает «моей дорогой, вечно любимой Женни фон Вестфален».

Стихами недоволен Карл: «Отсутствие естественности, сплошное сочинительство из головы... риторические размышления вместо поэтических мыслей». Его образом жизни недоволен отец: «Чем, собственно, занят, о чем думает, что делает наш слишком горячо любимый сын. Нередко мы месяцами не получаем писем». «Мелкие людишки... по своей простоте стараются усвоить смысл лекций или хотя бы слова их и найти себе покровителей и друзей, ибо экзамены принимаются людьми, профессорами, педантами, а порой и злопамятными подлецами, которые любят выставлять на позор тех, кто держится независимо. Правда, эти бедные молодые люди спокойно спят... Мой же деловой, талантливый Карл проводит жизнь в тяжелых ночных бдениях, изнуряет свое тело и дух серьезными занятиями, лишает себя всяких удовольствий, — и все это ради возвышенных абстрактных умствований». «И в этой-то... бесцельной учености должны созреть плоды, которые освежают тебя и тех, кого ты любишь, здесь будет собран урожай, который послужит выполнению священных обязанностей?»

В письмах Генриха Маркса можно найти и грустную иронию, и суровое осуждение. Но в них не было ни злости, ни безразличия. Просто старик Маркс щедро дарил сыну выстраданную им жизненную мудрость. Карл искал свою. Он знал, его решение готовить себя не к судебной, а к научной деятельности огорчит отца. Но Генрих Маркс не стал препятствовать сыну. Он не всегда понимал Карла. И все же до своей смерти любил сына, верил в него и сделал все, что мог, чтобы сын был счастлив. «Мы имеем право требовать, чтобы прошедшее счастье стало броней, защищающей нас от преходящих страданий. Сердце счастливого человека широко и мощно, и его не так-то легко разбить». Эти слова из письма Генриха Маркса сыну объясняют, почему Карл Маркс всю жизнь носил при себе фотографию отца, снятую со старинного дагерротипа. Именно

ему Карл был обязан своим мощным сердцем счастливого человека.

В апреле 1841 года доктор философии Маркс возвратился в Трир. Это был уже не романтический юноша, а уверенный в себе человек, усвоивший диалектику Гегеля и материализм Фейербаха и мечтающий связать философию с действительностью. Так как гегельянство являлось философским обоснованием борьбы с реакцией, то приход Маркса к революционным демократам был закономерен. Вольнолюбивой натуре Карла отвратительны чиновная глупость, реакция и угнетение прусского государства. Не случайно предисловие к докторской диссертации, посвященной исследованию истории античной философии, Маркс заканчивал гордыми словами врага богов и друга людей Прометея:

Знай хорошо, что я б не променял
Своих скорбей на рабское служенье:
Мне лучше быть прикованным к скале,
Чем верным быть прислужником Зевеса.

Интеллект Маркса поражал всех, кто с ним соприкасался. Вот лишь одно из многочисленных свидетельств: «Доктор Маркс, таково имя моего кумира, еще совсем молодой человек (едва ли ему больше двадцати четырех); он нанесет последний удар средневековой религии и политике, в нем сочетаются глубочайшая философская серьезность с тончайшим остроумием; представь себе соединенными в одной личности Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля — я говорю соединенными, а не механически смешанными, — и ты будешь иметь представление о докторе Марксе».

Но в родном доме Карл не увидел ни восхищенного, ни приветливого лица. Его мать отказалась выделить сыну долю отцовского наследства. «Сын счастья» не оправдал ее надежды. Вместо поисков покровителя вздохи по Женни и корпение над какими-то рукописями. Подозрительное и бесцельное существование! Обыкновенный неудачник, который к тому же способен промотать любые деньги. В отличие от Генриха Маркса, мать доживет до того времени, когда имя ее сына станет известно всему миру. И эта печальная, с ее точки зрения, слава только подтвердит ее правоту. До самой смерти она будет говорить с горькой иронией, что Карл поступил бы умнее, если бы нажил себе капитал, вместо того чтобы писать о нем книгу.

В том, что Маркс не получил профессорскую кафедру, ничего удивительного не было. Новый король Фридрих-Вильгельм IV вместо ожидаемых от него либеральных реформ и конституции «объявил свое сердце и свою душу будущим основным государственным законом». «Принцип монархии вообще, — считает Маркс, — презираемый, презренный, обезчеловеченный человек... Я утверждаю: прусский король до тех пор будет человеком своего времени, пока превратный мир существует в действитель-

ности». И с такими взглядами преподавать философию! А приспособливаться и кривить душой Маркс никогда не станет. Он мучается из-за того, что свадьба с Женни снова откладывается, но в такое время он не может молчать.

Новая инструкция о цензуре (а свобода печати — основной показатель всех политических свобод!) с очевидностью доказывает — отживший монархический строй невозможно либерализовать, его необходимо уничтожить. Маркс пишет статьи «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» и «Дебаты о свободе печати...». Итак, какие же свободы дарует прусская цензура?

Цензура не препятствует *серьезному и скромному* исследованию истины. «Если скромность составляет характерную особенность исследования, то это скорее признак боязни истины, чем боязни лжи. Скромность — это средство, сковывающее каждый мой шаг вперед. Она есть предписанный свыше исследованию страх перед выводами, она — предохранительное средство против истины».

«Серьезно и скромно! Какие неустойчивые, относительные понятия!.. Где кончается скромность, где начинается нескромность? Мы поставлены в зависимость от *темперамента цензора*».

«Писатель, таким образом, становится жертвой *самого ужасного терроризма*, подвергается *юрисдикции подозрения*».

Кто же цензоры, безупречные люди, могущие судить о научных достоинствах авторов? Конечно, это гениальные люди, «универсальные гении». «Почему же эти энциклопедические головы не выступают в качестве писателей?» «Это — слишком скромные люди. Научный мир их не знает, зато их знает правительство». Впрочем, еще более велики те, кто сумел отыскать такое количество «универсальных гениев». «Какой тайной наукой должны они обладать, чтобы быть в состоянии выдать чиновникам, неизвестным в республике науки, свидетельства об их универсально-научных способностях! Чем выше мы поднимаемся по лестнице этой *бюрократии ума*, тем все более удивительные головы нам встречаются».

Ирония Маркса убийственна. Он доказывает — механизм бюрократического государства творит беззаконие по своей изначальной сути. Вывод о цензуре: «Действительным, *радикальным излечением цензуры* было бы ее *уничтожение*, ибо негодным является само это учреждение».

Вопрос, не ставящийся, но напрашивающийся при чтении этой статьи: имеет ли право на существование государство, которое эту цензуру породило? Придет время — Маркс ответит на этот вопрос.

Статья, конечно, не может быть напечатана в Германии, но скоро читатели получают ее из Швейцарии. Рассказывая о скучнейших дебатах в Рейнском ландтаге, Маркс доказал, что он овладел ораторским искусством по высказанной еще в 1774 году

формуле аббата Гальяни: «сказать все — и не попасть в Бастилию в стране, где не разрешается говорить ничего». Маркс блистательно доказывает, что ландтаг не имеет ничего общего с народным представительством.

Его полемический дар замечен. Промышленники, финансировавшие «Рейнскую газету», которая выражает взгляды буржуазной оппозиции, пригласили 24-летнего Маркса стать редактором. Они не ошиблись. Тираж газеты вырос с 885 до 3400 экземпляров. Маркс доказал, что он выдающийся журналист и организатор. Но идеи, проводимые редактором, их не устраивали. Почти год он отстаивает в газете интересы простых людей, в центре его внимания социальные и экономические вопросы. Маркс вынужден бороться и с трусостью акционеров, и с цензурой, суть которой он столь мастерски объяснил. «Нам теперь приходится, — сообщал Маркс в письме, — выдерживать с утра до вечера ужаснейшие цензурные мучительства... обвинения в ландтаге, вопли акционеров и т. д. и т. д., а я остаюсь на посту только потому, что считаю своим долгом, насколько в моих силах, не дать насилью осуществить свои планы». Эта борьба умного и честного человека с бюрократическо-полицейским государством не могла не окончиться поражением Маркса.

«Нижеподписавшийся заявляет, что с этого дня он в силу *существующих цензурных условий* вышел из состава редакции «Rheinische Zeitung». Кельн, 17 марта 1843 г. *Доктор Маркс*».

Но для властей, как и для акционеров, это была пиррова победа. Газету, несмотря на уход ее редактора, все равно закупют. А прусскому правительству придется безуспешно «покупать» Маркса, предлагая ему солидное положение и прекрасную карьеру, если...

Маркс не откажется от борьбы. В Париже готовится издание журнала «Немецко-французский ежегодник». Ему предлагают сотрудничество. Он сможет работать и писать правду. Его материальное положение будет обеспечено. А потому 19 июня 1843 года Карл Маркс и Женни фон Вестфален наконец-то становятся мужем и женой. Молодожены едут в Париж. Как бы ни сложилась в дальнейшем жизнь — они вместе, а значит — счастливы.

Париж 40-х годов — мировой центр социалистической мысли. Здесь живут выдающиеся революционеры и демократы: Генрих Гейне и Адам Мицкевич, Михаил Бакунин и Пьер Прудон. Разительный контраст между лозунгами Великой французской революции и установившейся властью денежного мешка ни в одной стране не был столь очевиден, как во Франции.

Не зря еще в Германии Маркс приступил к изучению буржуазных историков. Их вывод ясен: буржуазный строй — следствие борьбы классов. Но заканчивается ли властью буржуазии классовая борьба? Если нет, то какому классу принад-

лежит будущее? Экономисты Адам Смит и Давид Рикардо убеждены, что буржуазный порядок — высшее достижение человеческой цивилизации. Именно он обеспечивает высочайшую производительность труда, источник общественного богатства. Но почему же те, кто трудится, становятся все беднее? Великие утописты Сен-Симон, Фурье, Оуэн искренне полагали, что миром правят идеи. Убежденные в бесчеловечности буржуазного общества они выдумывали схемы будущего мира согласно своим представлениям о нем. Вот почему, наряду с гениальными догадками, их сочинения полны наивных предсказаний. Нет, не идеи правят историей человечества. Диалектика Гегеля и материализм Фейербаха — ключ к пониманию существующего. Но понять не значит принять. И Маркс делает вывод: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».

Маркс нашел ту силу, которая ниспровергнет существующие порядки. Он пишет Фейербаху: «Вам бы следовало присутствовать на одном из собраний французских рабочих, чтобы убедиться в девственной свежести и благородстве этих изнуренных трудом людей. Английский пролетарий тоже делает гигантские успехи, но ему недостает культуры, присущей французам...»

...История готовит из этих «варваров» нашего цивилизованного общества практический элемент для эмансипации человека».

На страницах единственного сдвоенного номера «Немецко-французского ежегодника» Маркс доказывает, что «голова этой эмансипации — философия, ее сердце — пролетариат». Роза Люксембург верно заметила, что «марксизм — детище буржуазной науки, но, произведя его на свет, мать поплатилась собственной жизнью». Первый камень в теорию марксизма был заложен. Теперь Маркс знает, к чему стремиться. Знает он и ту силу, которая воплотит в жизнь гуманистические идеалы человечества. «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами». Такой теорией и стал марксизм.

Изучая историю, философию, право, Маркс ищет главную причину хаотического разнообразия в человеческих действиях и мышлении. Он хочет понять причины развития и изменения существующего мира. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс приходит к выводу: основа всей человеческой истории лежит не в идеях, а в материальных условиях жизни. Главным же показателем материальной жизни общества является производство. Производительные силы и производственные отношения — вот альфа и омега объяснения всех изменений в мире. «Экономическо-философские рукописи

1844 года» — гениальный набросок будущего «Капитала».

Пятнадцать месяцев жизни в Париже — счастливейшее время. Здесь им разработаны основные черты нового учения. Здесь Маркс сблизится с человеком, который станет его вторым я — Энгельсом. Здесь Маркс станет отцом. 1 мая 1844 года родилась дочь Женни. Париж останется для Маркса на всю жизнь родным городом. Происходящим здесь событиям он посвятит свои знаменитые работы: «Классовая борьба во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции».

Теория сочеталась с практикой. Превращение утопического «Союза справедливых» в революционный «Союз коммунистов» — дело Маркса и Энгельса. Именно для этой организации написан «Манифест Коммунистической партии». То, что его выход в свет совпал с началом революции во Франции — доказательство того, как остро ощущали Маркс и Энгельс свое время.

Вся история человечества, утверждают авторы «Манифеста», это история борьбы классов. Эпоха буржуазии не уничтожила классовых противоречий, а лишь упростила классовые различия. Общество все более раскалывается на два враждебных лагеря — буржуазию и пролетариат. В отличие от утопистов Маркс и Энгельс не призывают к любви, братству, справедливости. Не идеи, а экономическое развитие общества доказывает, что у буржуазии нет будущего. «Условием существования капитала является наемный труд. Наемный труд держится исключительно на конкуренции рабочих между собой. Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны».

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя».

«Манифест» оканчивался интернациональным призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Взрыв европейских революций 1848—1849 годов, казалось, возвещал скорую победу. Маркс и Энгельс уезжают в Германию. «Новая Рейнская газета», руководимая Марксом, сделала свое дело. Марксу не в чем было винить себя. И он и Энгельс боролись до конца. Расплатившись с сотрудниками и типографией, Маркс потерял все, что имел, — семь тысяч талеров. Из Гер-

мании во Францию он уезжает нищим. Но о потере этих денег Маркс не пожалевает никогда. Да, он переоценил зрелость и возможности пролетариата. Но это только означает, что главные бои еще впереди. Скоро Маркс напишет фразу, ставшую крылатой: «Революции — локомотивы истории».

Победившая и торжествующая контрреволюция во Франции не желает, чтобы в Париже проживал столь опасный человек, как Маркс. Он уезжает в Англию, куда вскоре приедет и его большая семья: жена с дочерьми Женни и Лаурой и сыном Эдгаром. Скоро родится второй сын — Генрих Гвидо.

Лето 1849 года. Марксу тридцать один год. Позади — создание основ коммунистического учения, первый опыт организации партии, участие в революции и счастливая, бурная молодость. Впереди — изнурительная борьба за существование, горькие десятилетия изгнания и главные дела его жизни. Женни Маркс вспомнит об этом времени: «Этот и следующие два года были для нас годами величайших житейских забот, постоянной и изнуряющей тревоги, всевозможных тяжких лишений и даже настоящей нужды».

В ноябре 1850 года умер годовалый Генрих Гвидо. Не прошло и полтора лет, как умерла недавно родившаяся Франциска. Два фунта стерлингов, пожертвованные французским эмигрантом, позволили семейству Марксов похоронить девочку. В воспоминаниях Женни Маркс навечно застыла тоска: «Из этих денег было уплачено за маленький гроб, в котором, наконец, теперь покоилось с миром мое бедное дитя. Когда девочка появилась на свет, у нее не было колыбели, ей было долго отказано даже в последней маленькой обители». Но самым жестоким ударом была смерть любимца семьи Эдгара. «Я перенес уже много несчастий, — писал Маркс Энгельсу, — но только теперь я знаю, что такое настоящее горе». Письма Маркса к другу дают понять ту сторону жизни, которая не отразилась в его великолепных статьях и исследованиях того времени. «Моя жена больна, Женничка больна... Врача я не мог и не могу позвать, так как у меня нет денег на лекарства. В течение 8—10 дней моя семья питалась хлебом и картофелем, а сегодня еще сомнительно, смогу ли я достать и это...

...К тому же еще булочник, торговец молоком, чаеоторговец, зеленщик, старый долг мяснику. Как я могу разделаться со всей этой дрянью? Наконец, в последние 8—10 дней я занял несколько шиллингов и пенсов у кое-каких обывателей, что мне неприятнее всего; но это было необходимо, чтобы не подохнуть с голоду».

Но даже в этих условиях Маркс продолжает работу. До революций 1848 года Маркс философски обосновал научный коммунизм, во время революции в Германии разрабатывал стратегию и тактику пролетарской борьбы. Теперь пришло время создать сильную пролетарскую партию и открыть те эко-

номические закономерности, которые доказывают неизбежность гибели капиталистического строя. Своему другу, немецкому демократу Зигфриду Мейеру Маркс пишет: «Итак, почему же я Вам не отвечал? Потому, что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать *каждый* момент, когда я бывал работоспособен, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью... Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине *непрактичным*, если бы подох, не закончив полностью своей книги, хотя бы только в рукописи».

14 сентября 1867 года появилось объявление о выходе в свет труда Маркса «Капитал». Критика политической экономии. Том первый». Рецензируя книгу, Энгельс писал: «С тех пор как на земле существуют капиталисты и рабочие, не появлялось еще ни одной книги, которая имела бы такое значение для рабочих, как та, которая лежит перед нами». Маркс разгадал тайну умножения капитала, открыв теорию прибавочной стоимости. Было открыто основное противоречие капитализма: между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения общественного продукта. Главный вывод Маркса: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

Придет время, и вульгаризаторы марксизма, как и та публика, которая не прочла ни одной страницы Маркса, будут с ученым видом рассуждать о теоретической слабости Маркса: он, дескать, пытается объяснить все происходящее в мире одной экономикой. Так же когда-то подобные люди все учение Дарвина свели к тому, что человек происходит от обезьяны и что борьба за существование оправдывает подавление слабого сильным, хотя Дарвин считал, что человек и обезьяна имеют общего предка и доказывал преимущества ассоциации в борьбе за существование. Схематизм, упрощение всегда приводят к подмене живого и сложного учения его скелетом.

Известный исследователь марксизма Г. Н. Волков точно отметил: «Люди, не понимающие существа марксизма, обычно удивляются, что Маркс и Энгельс не оставили произведения, где бы была «во всей полноте» изложена система их взглядов на природу, общество и мышление,— не оставили «катехизиса марксизма». Некоторые из них принялись за изготовление подобных «катехизисов», но, разумеется, ничего, кроме вуль-

гаризации марксизма, из этой затеи не получилось. Ибо марксизм — это не собрание готовых ответов на все случаи жизни, не теоретическая схема; марксизм — это метод познания существующего в его непрестанном движении и изменении, программа революционного переустройства общественных отношений и орудие борьбы за такое переустройство».

То, что Маркс был гениален, понимали его друзья. Крупный деятель французского и международного рабочего движения Поль Лафарг писал: «Несомненно, «Капитал» обнаруживает перед нами ум изумительной силы и громадных знаний; но для меня, как и для всех, кто близко знал Маркса, ни «Капитал», ни какое-либо другое из его сочинений не показывает всего величия его гения и его знаний. Он был гораздо выше своих произведений».

Понимали силу Маркса и его враги. И не только те, кто с большим или меньшим успехом пытались полемизировать с марксизмом. Речь о тех, кто, не имея сил бороться с Учением, пытались (да и теперь пытаются) дискредитировать Учителя. В каких только грехах не обвиняли Маркса. Лишь две цитаты. «Если судить по печатным трудам Маркса, душе его вообще была гораздо доступнее стихия гнева, ненависти, мстительного чувства, нежели противоположных чувств» (С. Н. Булгаков, религиозный философ и экономист). «Ненависть, презрение, сарказм — вот те чувства, из которых слагается пафос Маркса» (М. И. Туган-Барановский, экономист и историк). Не стоит приводить множество противоположных свидетельств. Что с того, что один автор будет опровергать другого? Да, Маркс был нетерпим к политическим врагам. Да, Маркс не был сентиментален. Но кто сказал, что сентиментальность — синоним сострадания? Хорошо известно, что о сострадании к угнетенным немало говорили задолго до Маркса. Но лишь марксизм сумел ненависть угнетенных к угнетателям превратить в оружие борьбы.

Конечно, Маркс не был лишен маленьких человеческих слабостей. Этот человек, с царственным равнодушием относившийся к славе и никогда никому не завидовавший, мог быть тщеславен в уморительных мелочах. Так, он решил, что является выдающимся шахматистом. Изобретая, по его словам, «головокружительные ходы» и проигрывая в очередной раз Либкнехту, он по несколько часов пребывал в отвратительном настроении. Женни была вынуждена просить Либкнехта не подбивать мужа на шахматные баталии. Тогда Маркс обучил этой игре свою младшую дочь. Вскоре девятилетняя девочка сообщала в письме: «С шахматами дела идут очень хорошо. Я выигрываю почти всегда, отчего папа бывает «so cross» (очень раздосадован.— А. III.). Не зря Женни Маркс называла своего великого мужа: «Мой большой ребенок».

Для всего света Маркс являлся прежде всего главой Интернационала. И в этом качестве он был известен при жизни гораздо более, чем автор «Капитала». В «Учредительном манифесте» Маркс объяснил причину создания Международного Товарищества Рабочих: «Один из элементов успеха — численность — у рабочих уже есть; но численность только тогда решает дело, когда масса охвачена организацией и ею руководит знание. Опыт прошлого показал, что пренебрежительное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга, карается общим поражением их разрозненных усилий. Эта мысль побудила рабочих разных стран, собравшихся 28 сентября 1864 г. на публичном митинге в Сент-Мартинс-холле, основать Международное Товарищество».

В течение почти десяти лет Маркс — фактический руководитель организации, заложившей основополагающие принципы всех революционных партий рабочего класса. Нужно было обладать работоспособностью Маркса, чтобы, составляя основные программные документы Товарищества, ведя огромную переписку, принимая посетителей, иметь еще силы на ночную работу над «Капиталом».

Только в конце 60-х годов Марксу удается вырваться из тисков жестокой нужды. Он получает маленькое наследство друга Вильгельма Вольфа (ему посвящен первый том «Капитала»). К этим деньгам добавлялись регулярные поступления от Фридриха Энгельса.

Марксу 51 год. Здоровье никуда не годится: хроническая болезнь почек и переутомление постоянно дают себя знать. И тем не менее он не только продолжает исследовательскую работу, но и увлекается новыми делами. В России быстро развивается революционное движение. Как можно судить о нем, не зная языка? Маркс изучает русский. Скоро он будет читать Чернышевского, Герцена, Флеровского в подлиннике. Русские материалы он использует и при доработке «Капитала». Круг русских друзей Маркса расширялся: Петр Лавров, Герман Лопатин, Николай Даниельсон, Николай Морозов, Вера Засулич, Елизавета Дмитриева. По просьбе Русской секции I Интернационала Маркс станет ее представителем в Генеральном совете. Скоро в России будут читать переведенный Лопатиным и Даниельсоном и изданный трехтысячным тиражом «Капитал». Плеханов трудится над переводом «Манифеста Коммунистической партии». Маркс писал дочери: «Некоторые из недавно опубликованных русских изданий, отпечатанных на Святой Руси, а не за границей, свидетельствуют о быстром распространении моих теорий в этой стране. Нигде мой успех не мог бы быть для меня более приятен; он дает мне удовлетворение в том, что я наносу удар державе, которая наряду с

Англией является подлинным оплотом старого общества».

Маркс по-прежнему много читает и с увлечением изучает труды получившего мировое признание Чарлза Дарвина. Письмо Дарвина Марксу свидетельствует, что великий естествоиспытатель понял и высоко оценил великого мыслителя-революционера: «Милостивый государь! Благодарю Вас за честь, которую Вы мне оказали, прислав Ваш главный труд — «Капитал». Я убежден, что мы оба желаем распространения Знания, ибо оно, несомненно, послужит счастьем человека».

Осень 1881 года. Маркс лежит с воспалением легких. В соседней комнате, уже почти не вставая с постели, умирает от рака его жена. Он знает, что Женни тяжело больна, но не догадывается, что безнадежно. На всю жизнь Маркс сохранил к Женни не любовь — влюбленность. Одно лишь письмо:

«Моя любимая!

Снова пишу тебе, потому что нахожусь в одиночестве и потому, что мне тяжело мысленно постоянно беседовать с тобой, в то время как ты ничего не знаешь об этом, не слышишь и не можешь мне ответить... Ты вся передо мной как живая, я ношу тебя на руках, покрываю тебя поцелуями с головы до ног... Лживый и пустой мир составляет себе ложное и поверхностное представление о людях. Кто из моих многочисленных клеветников и злоязычных врагов попрекнул меня когда-нибудь тем, что я гожусь на роль первого любовника в каком-нибудь второразрядном театре? А ведь это так. Найдись у этих негодяев хоть капля юмора, они намалевали бы «отношения производства и обмена» на одной стороне и меня у твоих ног — на другой. Взгляните-ка на эту и на ту картину, гласила бы их подпись. Но негодяи эти глупы и останутся глупцами...

...Стоит только пространству разделить нас, и я тут же убеждаюсь, что время послужило моей любви лишь для того, для чего солнце и дождь служат растению — для роста. Моя любовь к тебе, стоит тебе оказаться вдали от меня, предстает такой, какова она на самом деле — в виде великана; в ней сосредоточиваются вся моя духовная энергия и вся сила моих чувств. Я вновь ощущаю себя человеком в полном смысле слова, ибо испытываю огромную страсть...

Бесспорно, на свете много женщин, и некоторые из них прекрасны. Но где мне найти еще лицо, каждая черта, даже каждая морщинка которого пробуждали бы во мне самые сильные и прекрасные воспоминания моей жизни?..»

Так писал Маркс своей Женни — сорокадвухлетней матери шестерых детей.

От невозможности видеть жену он мучился сильнее, чем от болезни. Маркс не догадывался, что уходили в вечность последние дни его счастья. Элеонора Маркс описала один из них: «Никогда не забуду я то утро, когда он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе

они снова помолодели — это были любящая девушка и влюбленный юноша, вступающие вместе в жизнь, а не надломленный болезнью старик и умирающая старая женщина, навеки прощавшиеся друг с другом».

Маркс переживет Женни лишь на пятнадцать месяцев. Он почти не сможет работать. «Старому дружище» Энгельсу он скажет сокровенное: «...Было бы ложью не признаться, что мои мысли большей частью поглощены воспоминаниями о моей жене, которая неотделима от всего того, что было самого светлого в моей жизни». Его жизнь кончилась, когда он узнал о внезапной смерти любимой старшей дочери Женни.

14 марта 1883 года Маркс умер в своем рабочем кресле. В боковом кармане у него нашли три фотографии: отца, жены и любимой дочери. Лучший друг положит их в гроб Маркса.

Реквиемом прозвучат слова Энгельса: «Человечество стало ниже на одну голову и притом на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало».

* * *

Отважные люди направляли корабли своей мысли на поиски счастливого острова Утопии. Сопутствовал ли им ветер удачи или бушевал шторм, они не теряли надежды, что когда-нибудь все же бросят якорь у Города Солнца.

Их имена высечены на обелиске один за другим. Каждый из них шел к цели своим путем. И не всегда этот путь был прям, как четырехгранник, на котором они встали рядом. Без малого четыре столетия понадобилось, чтобы понять: нет такого счастливица, который поставит паруса в одиночку, потому что Город Солнца не красивая сказка, а закономерность человеческого развития.

Имена Маркса и Энгельса по праву первооткрывателей законов мировой истории венчают обелиск. Они не надеялись, а знали — их дело будет продолжено. И оно продолжается. Марксизм остается живым. Именно об этом писал Ленин: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

СОДЕРЖАНИЕ

Наглядный урок истории		3
Человек для всех времен	(Томас Мор)	6
Апостол Города Солнца	(Томмазо Кампанелла)	14
Закон свободы	(Джордж Уинстед)	26
Завещание	(Жан Мелле)	34
Яркие искры гения	(Адриен Сент-Симон)	43
Сказка фаланстера	(Шарль Фурье)	55
Трагедия Пьера Прудона	(Пьер Прудон)	66
«Враг наших врагов»	(Фердинанд Ласкав)	79
Исповедь нераскаявшегося грешника	(Михаил Бакунин)	89
Ветеран революционной теории	(Фред. Лавров)	103
На славном посту	(Николай Михайлович)	117
Глава радикального оркестра	(Николай Чернышевский)	127
Первый марксист России	(Теория Плеханов)	139
Солдат революции	(Владимир Ильич)	152
«Самый даровитый парламентарий Европы»	(Август Бебел)	162
Живая память Коммуны	(Эдуар Вагнер)	171
Трибун	(Жан Жюль)	180
«Я — единственный из оставшихся в живых...»	(Фредерик Энгельс)	193
Прометей	(Карл Маркс)	208

Учебное издание

Шикман Анатолий Павлович

ОБЕЛИСК В АЛЕКСАНДРОВСКОМ САДУ

Зав. редакцией А. И. Самсонов

Редактор Т. В. Естеферова

Младший редактор Н. А. Степанова

Художник Г. В. Белоконов

Художественный редактор Ю. В. Буддаков

Технические редакторы Л. П. Бирюкова, Е. Н. Зелянина

Корректоры О. Ивашкина, И. Н. Панкова

ИБ 12789

Сдано в набор 05.07.89. Подписано к печати 18.01.90. А 06310. Формат 60×90^{1/16}.
Вум. офсет. № 2. Гарнит. школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,0+0,25 форз.
Усл. хр.-отг. 14,81. Уч.-изд. л. 14,4+0,42 форз. Тираж 100 000 экз. Заказ 2194.
Цена 75 к.

Ордена Трудового Красного знамени издательство «Просвещение» Государствен-
ного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Смоленский полиграфкомбинат Госкомиздата РСФСР. 214020, Смоленск, ул. Смоль-
янинова, 1.

75 к.

